В. А. КЛИМЕНКО

БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ В МОСКВЕ. 1917 - 1920

ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге рассказывается о том, как в жестокой классовой борьбе проходили ликвидация злостного саботажа и спекуляции, обезвреживание реакционной прессы, разгром различных заговорщических союзов, антисоветских замыслов мелкобуржуазных партий, в частности разоблачение террористического правоэсеровского подполья. Показана напряженная деятельность органов диктатуры пролетариата: чрезвычайных комиссий, милиции и судов — по пресечению контрреволюционных заговорщических действий врагов Советской власти.

В. А. Клименко — кандидат исторических наук, занимается проблемами истории первых лет Советской власти, автор ряда работ по этой тематике.

- ○
  - ○ ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ○ ВВЕДЕНИЕ
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - ○ ИЛЛЮСТРАЦИИ
    - ■
    - ■
    - ■
    - ■
    - ■
    - ■
    - ■
    - ■
    - ■
    - ■
    - ■
    - ■
  - ○ РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА
  - ○ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
  - ○
  - ○
  - ○ INFO

- ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ 18
  - ○ 19
  - ○ 20
  - ○ 21
  - ○ 22
  - ○ 23
  - ○ 24
  - ○ 25
  - ○ 26
  - ○ 27
  - ○ 28
  - ○ 29
  - ○ 30
  - ○ 31
- comments
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142

- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186

- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страницы истории нашей Родины»

В. А. КЛИМЕНКО

БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ В МОСКВЕ 1917–1920 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1978

*

Ответственный редактор
доктор исторических наук Е. Г. ГИМПЕЛЬСОН

© Издательство «Наука», 1978 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многовековая история Москвы богата и многообразна. Но самая славная и яркая эпоха в ее истории открылась после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда Москва превратилась в центр борьбы всего прогрессивного человечества за мир, демократию и социализм.

Уже в первые месяцы после Октября Москва стала маяком, указывающим путь миллионам трудящихся всех стран, символом неизбежного торжества коммунизма во всем мире.

С марта 1918 г., с IV Всероссийского чрезвычайного съезда Советов, все всероссийские и всесоюзные съезды Советов проходили в Москве. В Москве начиная с VIII съезда РКП (б) (18–23 марта 1919 г.) собирались все съезды Коммунистической партии.

В Москве сосредоточились все центральные органы Советской власти, все центральные учреждения. Здесь находились Центральный Комитет Коммунистической партии, Совет Народных Комиссаров и созданный в ноябре 1918 г. Совет рабочей и крестьянской Обороны. Возглавляемые В. И. Лениным ЦК РКП (б), Совет Народных Комиссаров и Совет Обороны руководили всей работой на фронте и в тылу, работой по мобилизации всех ресурсов страны.

Москва стала штабом борьбы советского народа в защиту завоеваний Великого Октября, за свободу и независимость нашей Родины.

В ходе борьбы советского народа, руководимого большевистской партией, против иностранной военной интервенции и буржуазно-помещичьей контрреволюции значение Москвы, заслуги ее рабочего класса росли и множились.

В 1918–1920 гг. развернулась крупнейшая классовая битва в истории человечества. Все силы мировой реакции объединились для того, чтобы вооруженной рукой погасить пламя социалистической революции в России. Международный империализм двинул против Республики Советов свои войска, вооружил армии российской контрреволюции. Объединенные силы интервентов и белогвардейцев со всех сторон непрерывно штурмовали Советскую Республику, сдавленную железным кольцом вражеской блокады.

Наряду с использованием армий, установлением блокады одним из важнейших составных элементов антисоветской борьбы была подрывная контрреволюционная деятельность в тылу Советского государства, организация белого террора.

Этот террор выразился в многочисленных формах. Прежде всего он проявился в организации мятежей и заговоров. Они являлись частью гражданской войны на всем ее протяжении: от выстрелов в Михайловском манеже в Петрограде осенью 1917 г. до последних залпов мятежного Кронштадта в марте 1921 г.

В мятежи и заговоры вовлекались различные политические силы. Это были мятежи и заговоры открыто белогвардейского толка, с преобладающим влиянием монархистов и кадетов (заговор Национального центра в 1919 г.); «смешанные», с участием белогвардейских офицеров и правых эсеров; заговоры и мятежи в 1918 г., организованные савинковским Союзом защиты родины и свободы при руководящем участии иностранных дипломатов; мятежи левых эсеров (наиболее крупные из них — мятеж в Москве и мятеж Муравьева на Восточном фронте в июле 1918 г.); кулацкие мятежи (во второй половине 1918 г. в 16 губерниях Российской Федерации было 129 кулацких мятежей); мятежи в советских вооруженных силах (мятежи в фортах «Красная горка» и «Серая лошадь» в 1919 г., кронштадтский мятеж весной 1921 г. И др.)

Решающим пунктом этой борьбы была Москва. Именно в Москве враги пролетариата яростно и ожесточенно стремились нанести удар в самое сердце России.

Об этом суровом времени, о крушении замыслов реакции в Москве в первые годы существования Советской власти и повествует книга В. А. Клименко.

В последние годы в советской историографии усилилось внимание к изучению истории борьбы с контрреволюцией. Однако эта история (особенно применительно к различным регионам страны, к ее крупным городам, в частности к Москве) изучена еще недостаточно. Поэтому книга В. А. Клименко представляет определенный научный интерес.

Перед читателями проходят яркие страницы борьбы с врагами революции: ликвидация первых антисоветских организаций монархистов и кадетов, разгром правоэсеровского подполья, ликвидация анархистских гнезд, провал церковной контрреволюции, пресечение происков реакционной прессы и подрывной работы соглашателей в Советах, создание и первые шаги карающих органов диктатуры пролетариата (чрезвычайные комиссии, ревтрибуналы, суды, милиция) и т. д.

Большое внимание уделено показу героических будней органов Всероссийской чрезвычайной комиссии, надежного щита и меча революции.

«Рыцарем революции», «пролетарским якобинцем» называли председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского. Эти слова по праву можно

отнести и к другим работникам ВЧК, к сотрудникам Московской чрезвычайной комиссии, которые являлись верными солдатами революции.

Трудной, полной опасностей была их деятельность. Но коммунистическая убежденность, понимание своего долга, ненависть к врагам пролетариата сделали их несгибаемыми борцами, людьми редкостного мужества и бесстрашия.

Не жажда романтики, а суровая необходимость, неумолимая логика борьбы превратили их в верных защитников революции, ее героев.

Об этом и рассказывает книга В. А. Клименко «Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917–1920 гг.». Она расширяет наши знания об истории борьбы Коммунистической партии, советского народа с внутренней контрреволюцией в годы гражданской войны и будет полезна как для специалистов, так и для всех интересующихся историей нашей Родины.

Член-корреспондент АН СССР Ю. А. Поляков

ВВЕДЕНИЕ

Октябрь 1917 г. ознаменовал начало новой эры в истории человечества. В результате победы социалистической революции в нашей стране возникло первое в мире рабоче-крестьянское государство.

Но переход государственной власти в руки пролетариата еще не означал прекращения борьбы классов. «Буржуазия, помещики и все богатые классы, — писал В. И. Ленин, — напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс»[{1}].

В. И. Ленин подчеркивал, что нельзя победить «без беспощадного подавления сопротивления эксплуататоров, которые сразу не могут быть лишены их богатства, их преимуществ организованности и знания, а следовательно, в течение довольно долгого периода неизбежно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бедноты»[{2}].

Сразу же после свершения революции стало ясно, что ни отечественная, ни международная буржуазия не примирятся с существованием пролетарского государства. «У них, у капиталистов и помещиков, — отмечал В. И. Ленин, — остались в руках все международные связи, вся международная поддержка, у них была поддержка государств, несравненно более могучих, чем наше»[{3}].

Задача пролетариата заключалась в том, чтобы в союзе со всеми трудящимися массами отстоять завоевания революции.

В первое время новая власть проявляла исключительную терпимость к своим политическим противникам. «Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, — говорил В. И. Ленин, — стали развертывать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора». Это явилось «ответом пролетариата на такие поступки буржуазии, как заговор совместно с капиталистами Германии, Англии, Японии, Америки, Франции для восстановления власти эксплуататоров в России, подкуп англо-французскими деньгами чехословаков, германскими и французскими — Маннергейма, Деникина и пр. и т. п.»[{4}].

Подавление упорного сопротивления свергнутых классов диктовалось интересами трудящихся, т. е. большинства народа, и потому отвечало идеалам гуманизма и справедливости.

Диктатура пролетариата через военно-революционные комитеты, пролетарскую армию, рабочую милицию,

революционные трибуналы, суды, органы ВЧК сделала все для упрочения Советской власти, охраны общественного порядка, обеспечения безопасности социалистического Отечества от посягательств внешней и внутренней контрреволюции.

Особо следует выделить огромную и чрезвычайно сложную работу, проделанную чекистами. «Для нас важно, — говорил В. И. Ленин, — что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима»{5}.

Столица Республики Москва была центром сосредоточения не только революционных сил, но и местом, где враги революции создали ряд своих крупных организаций.

В настоящей книге основное внимание автор уделяет главным и наиболее крупным событиям истории борьбы органов диктатуры пролетариата с контрреволюцией в Москве, поскольку широта и сложность проблемы не позволяют в сравнительно небольшой книге с достаточной полнотой осветить все сюжеты.

Глава 1
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОРЯДОК БУДЕТ НАВЕДЕН

Две Москвы

Москва… Тревожный ноябрь 1917 г. Советская власть в городе существует всего несколько дней. Только 3 ноября[1] революционные войска овладели Кремлем. Над древними зубчатыми стенами взвился красный флаг.

Переход власти в руки пролетариата во второй столице России явился огромным вкладом в дело победы Великого Октября во всей стране. Москва была крупным промышленным центром. Пролетариат Москвы представлял собой закаленный и стойкий отряд рабочего класса. Во главе этого отряда стояли большевики[2].

В рядах Московской партийной организации большевиков были такие видные деятели партии, как И. И. Скворцов-Степанов, Е. М. Ярославский, П. Г. Смидович, А. С. Бубнов. К октябрю 1917 г. в ней насчитывалось около 20 тыс. человек.

Победа пролетариата в Москве, однако, не только не сняла с повестки дня, а, напротив, отчасти обострила вопрос «кто — кого».

В течение недели рабочие и солдаты под руководством Боевого партийного центра и Московского военно-революционного комитета (ВРК)[3] разгромили основные вооруженные силы политического центра борьбы с революцией — Комитета общественной безопасности.

Но, потерпев поражение в открытом бою, эксплуататорские классы не сложили оружия. Они начали активно собирать силы для свержения диктатуры пролетариата. Кто же противопоставлял себя Советской власти?

Во-первых, многочисленные военные организации монархического толка. В Москве находились центры или филиалы Союза георгиевских кавалеров, Всероссийского союза казачества, Военной лиги, Совета офицерских депутатов, Всероссийского союза армии и флота и т. п. Тысячи офицеров и юнкеров лишь ждали удобного случая для контрреволюционного выступления.

Во-вторых, торгово-промышленные круги[4]. Они имели

обширные связи как внутри страны, так и за границей и значительные средства для борьбы с революцией. Как справедливо отмечалось в бюллетене Городского ВРК, буржуазия поняла, что в данный момент вопрос стоит о «дальнейшем господстве капитала не только в первопрестольной, но и во всей России»[6].

И, в-третьих, мелкая буржуазия, реакционные церковники, чиновники, интеллигенция и т. д.[5]

По словам члена Моссовета Г. И. Ломова, новой Москве противостояла «другая Москва — озлобленная, ушедшая в себя, не признающая этих идущих «из грязи» большевиков. Эта Москва срывает, саботирует, борется не на живот, а на смерть»[7].

Московский и районные

военно-революционные комитеты

Нужны были огромные усилия, чтобы отстоять и закрепить завоевания новой власти[8].

Первый шаг в этом направлении Московский ВРК сделал уже 3 ноября. На вечернем заседании он принял постановление о реорганизации городской думы. 5 ноября 1917 г. дума перестала существовать[9]. Управление городским хозяйством перешло в руки Совета районных Дум.

Значительно обновил Московский ВРК командный состав военного округа, в частности сместил прежних командующего округом, его помощника и начальника Штаба.

На самые важные участки ВРК направил своих комиссаров: в районы и подрайоны (17), в учреждения (более 50), в воинские части (около 20), на железную дорогу (8), в провинцию (более 30).

4 ноября 1917 г. совместное заседание Московского ВРК и представителей районных военно-революционных комитетов вынесло решение о принятии мер по наведению революционного порядка в городе. Охрана порядка возлагалась на Красную гвардию и милицию. Красная гвардия получила право производить облавы и обыски.

Решение Московского ВРК и районных военно-революционных комитетов было очень своевременным. Контрреволюция не дремала. Собирая вокруг себя уголовников, белогвардейцы нападали на прохожих, устраивали обыски в квартирах, грабили склады и магазины. Старая большевичка IL С. Виноградская вспоминала, как однажды, когда в Совет привели

двух грабителей ювелирного магазина, понадобился большой стол, чтобы разложить на нем изъятые у бандитов медальоны, кольца, часы и т. д.

МК партии большевиков и Московский ВРК разъясняли населению сложившуюся в городе обстановку.

Выходя утром на улицу, москвичи видели на тумбах, на заборах и стенах домов только что расклеенные афиши, остро пахнувшие свежей типографской краской объявления, призывавшие поддерживать революционный порядок в столице. Развернув номер «Социал-демократа» или «Известий Московского Совета рабочих депутатов», они могли прочесть:

«Товарищи и граждане!

Контрреволюция попытается сбить с толку народные массы, попытается устроить погром, подпоить отдельных несознательных людей.

Пусть районные Советы примут все меры к охране имеющихся складов спирта. Пусть сами жители задерживают пьяных.

Всякая попытка погрома, всякая попытка грабежа и буйства будет подавлена самыми беспощадными мерами»{10}.

Еще 30 октября Московский ВРК издал приказ «О принятии строгих мер для пресечения погромов», согласно которому всех погромщиков, пойманных на месте преступления, следовало немедленно расстреливать{11}.

Огромную работу по борьбе с черносотенной агитацией, пьяными погромами и т. п. проделали районные военно-революционные комитеты[6]. Так, Хамовнический ВРК постановил закрыть трактиры и чайные, торговавшие спиртными напитками.

Военно-революционные комитеты контролировали деятельность государственных учреждений, разгоняли антисоветские сборища, организовали патрулирование Красной гвардией улиц города, устраивали облавы в ресторанах и кафе, обыски в подозрительных квартирах, где нередко находили немало оружия.

Журналист Н. К. Вержбицкий вспоминал, что по поручению большевика П. К. Штернберга в нескольких домах Замоскворецкого района он с двумя помощниками реквизировал оружие. В чуланах, в ящиках столов, под кроватями и в других местах они обнаружили винтовки, карабины, револьверы, кинжалы, сабли, запасы патронов и ручные гранаты. В одной из квартир у двух офицеров нашли в платяном шкафу под шубами разобранный пулемет.

Мероприятия военно-революционных комитетов по укреплению Советской власти поддержал Боевой партийный

центр. Своим районным партийным организациям он предписал организовать обходы районов вооруженными патрулями, а также проверить личный состав Красной гвардии.

Однако по мере расширения сферы деятельности новых органов власти и их укрепления функции военно-революционных комитетов сужались и часто переплетались с функциями Советов. Московский и районные военно-революционные комитеты, таким образом, утрачивали свой универсальный характер. Поэтому 12 ноября общее собрание военно-революционных комитетов Москвы приняло решение об их роспуске{12}. 14 ноября Московский ВРК собрался на свое последнее заседание[7], и руководство политической и хозяйственной жизнью города перешло в руки Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, образованного в тот же день в результате слияния существовавших отдельно Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов. В состав его исполкома вошли 63 большевика, 13 левых эсеров, 10 меньшевиков и 4 объединенца{13}. В президиуме также возобладали большевики, среди которых были Г. А. Усиевич, Е. М. Ярославский, П. Г. Смидович, С. Я. Будзыпский. Возглавил исполком Моссовета рекомендованный на этот пост МК партии большевиков М. Н. Покровский.

Одновременно в ряде районных Советов Москвы после перевыборов подавляющее большинство мест получили большевики, а депутаты от соглашательских партий лишились своих мандатов.

Всероссийская чрезвычайная комиссия

в Москве

В ноябре 1917 г. фракция большевиков исполкома Моссовета поручила своим представителям разработать схему особого органа по пресечению действий врагов революции.

Временно органом по борьбе с контрреволюцией являлся Военно-политический отдел при штабе Московского военного округа (МВО), созданный в ноябре 1917 г. Президиум Моссовета в качестве одного из делегатов направил в него М. И. Рогова.

Пресечением происков внутренних врагов, кроме Военно-политического отдела при штабе МВО, занимались главный штаб Красной гвардии, Комиссариат по гражданской части, Чрезвычайная следственная комиссия. Причем не только при главном штабе Красной гвардии имелся политический отдел, но

и при районных красногвардейских штабах. Так, 19 января 1918 г. политический отдел был создан при штабе Красной гвардии Замоскворецкого района.

Главный штаб Красной гвардии взял на себя, помимо всего прочего, обязанность конфисковать скрытые запасы оружия и организовал для этого соответствующую комиссию.

В феврале 1918 г. Президиум Моссовета рассмотрел проект образования единого органа по борьбе с контрреволюцией. Проект приняли за основу, но решили все-таки самостоятельный орган по борьбе с контрреволюцией не создавать, а организовать специальный отдел при Московском комиссариате юстиции (МКЮ), предложив комиссариату дать свое заключение по данному вопросу.

Находясь при каком-либо ведомстве, подобный орган, безусловно, утратил бы боевую направленность своей деятельности да и функции его оказались бы ограниченными (тем более при Комиссариате юстиции во главе с левым эсером Шрейдером). По требованию МК партии большевиков это решение вскоре было пересмотрено.

4 марта 1918 г. Президиум Моссовета объединил все комиссии и отделы, занимавшиеся борьбой с врагами Советской власти в городе, в единый орган при Президиуме. Во «временный ответственный коллектив» Комиссии по борьбе с контрреволюцией назначались большевики С. Я. Будзынский, Д. И. Курский и др.{14}

В марте 1918 г., когда столицей республики стала Москва, туда переехала ВЧК[8]. Естественно, возник вопрос о слиянии Комиссии по борьбе с контрреволюцией и ВЧК, так как было целесообразнее сосредоточить борьбу с врагами Советской власти в одних руках.

21 марта 1918 г. Совет Народных Комиссаров (СНК) г. Москвы и Московской области предварительно рассмотрел этот вопрос[9]. 22 марта по докладу Ф. Э. Дзержинского он принял соответствующее постановление. Причем ВЧК несла теперь ответственность за борьбу с контрреволюцией в Москве и области перед СНК г. Москвы и Московской области.

Надо сказать, что и районные Советы города стали организовывать районные чрезвычайные комиссии. 25 февраля общее собрание Рогожского Совета постановило создать в районе чрезвычайную комиссию из пяти человек (Прямиков, Свободин, Емельянов, Бобков и Алексеев). Рогожская ЧК обратилась к районным Советам Москвы с призывом последовать ее примеру.

Значительную роль в формировании и налаживании работы районных чрезвычайных комиссий сыграли МК партии

большевиков, райкомы и ВЧК. 22 марта 1918 г. ВЧК опубликовала постановление, в котором предложила всем Советам на местах без промедления организовать чрезвычайные комиссии, определив их обязанности и права в борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, злоупотреблениями по должности и посредством печати. Затем ВЧК просила райсоветы Москвы прислать 23 марта на инструктивное совещание своих представителей для обсуждения вопросов организации при районных Советах чрезвычайных комиссий, а также для согласования действий комиссий и ВЧК.

МК и райкомы партии большевиков держали в поле зрения всю работу по созданию районных чрезвычайных комиссий, по решению вопросов, связанных с их структурой и функциями.

В августе Городской райком РКП (б) принял решение об учреждении районной чрезвычайной комиссии{15}. В Пресненском, Сущевско-Марьинском и других районах Москвы такие комиссии уже существовали.

Работу чрезвычайных комиссий контролировал МК РКП (б), по его инициативе впоследствии были организованы специальные контрольные комиссии.

Районные чрезвычайные комиссии, известив население о начале своей деятельности, просили всех сознательных граждан оказывать им помощь и сообщали адреса и телефоны для справок.

Придавая первостепенное значение соблюдению законности, ВЧК подготовила специальную инструкцию о производстве обысков и арестов, подчеркнув, что каждый чекист должен строго выполнять изложенные в ней требования. Кроме того, ВЧК опубликовала обращение к населению города, в котором просила заинтересованных лиц не пользоваться услугами различных ходатаев, а обращаться лично в комиссию, где они скорее получат ответ.

Чистоту своих рядов ВЧК свято охраняла. Один из оперативных комиссаров, присвоивший при обыске вещи стоимостью несколько рублей, был приговорен к 15 годам тюрьмы; комиссар и машинистка, связанные с анархистами и пытавшиеся взорвать здание ВЧК, понесли еще более тяжкое наказание. Провокатор, левый эсер К. Штримпфлер, который в ВЧК работал под фамилией Владимирова, был расстрелян.

Противники Советской власти без устали кричали о «зверствах» ВЧК, распространяли различные ложные слухи и старались оклеветать ее действия. Враги стремились подорвать доверие к органу диктатуры пролетариата. «Преднамеренной, грубой ложью, — подчеркивалось в докладе на торжественном

собрании, посвященном 100-летию Ф. Э. Дзержинского, — являлась их попытка представить революционные преобразования, а также защиту этих преобразований как некое сплошное разрушение и насилие. Подобные выдумки и клевета были рассчитаны на психологию обывателя. Они были нацелены также на то, чтобы сбить с толку общественность в зарубежных странах, вызвать у нее недоверие к социалистическому строю»{16}.

ВЧК вынуждена была предупредить, что к лицам, уличенным в подобной клевете, будут применены суровые меры.

12 мая 1918 г. в советской печати появилось сообщение о пресечении провокаций в общественных местах. За день до этого чекисты арестовали несколько человек, призывавших толпу к бунту против Советской власти.

Именем ВЧК иногда пользовались темные личности в своих корыстных целях. Они при случае, где могли, требовали для себя незаконные льготы и привилегии. Комиссия рекомендовала задерживать их и передавать ей. Она широко разъясняла населению Москвы, что чекисты не пользуются никакими привилегиями.

В конце мая 1918 г. положение в столице продолжало оставаться тяжелым: были раскрыты связи московских заговорщиков с поднявшими восстание белогвардейцами в Саратове и Сибири, с Красновым на Дону. СНК объявил столицу{17} и ее пригороды на военном положении[10].

Обязанность поддерживать революционный порядок возлагалась на командующего МВО Н. И. Муралова. 30 мая Муралов утвердил правила военного положения. Всем бывшим офицерам предлагалось зарегистрироваться в районных военных комиссариатах; гражданам, не вписанным в книги домовых комитетов, — сделать это. Уличные собрания и митинги запрещались, огнестрельное оружие бралось на учет, а за его сокрытие и пользование фальшивыми документами виновные подлежали расстрелу. Та же участь ожидала грабителей, бандитов, погромщиков, всех, призывавших к свержению Советской власти.

Президиум Алексеевско-Ростокинского Совета, кроме того, принял постановление: лиц, занимавшихся производством или продажей спиртных напитков, предавать суду Ревтрибунала как пособников контрреволюции, имущество их немедленно конфисковать, за появление на улицах в нетрезвом виде взимать штраф или арестовывать. Замоскворецкий райсовет вменил в обязанность всем домкомам, военным патрулям и милиционерам сообщать о стрельбе на улицах и задерживать стрелявших. Дома, где происходила перестрелка, обыскивались; тех, кто, не имея

разрешения на хранение оружия, не сдавал его, сурово наказывали.

Введение военного положения позволило мобилизовать силы, четко и оперативно подавлять любые враждебные вылазки.

10 июня на Сухаревой башне контрреволюционеры вывесили царские флаги и большой антисоветский плакат. Когда вокруг собралась толпа, вниз полетели листовки антисоветского содержания. На место происшествия прибыли представители ВЧК, милиции, команда солдат. Башню окружили, перекрыли все входы и выходы и приступили к тщательному обыску, во время которого задержали нескольких человек, нашли много прокламаций и клей.

В бессильной злобе белогвардейцы, желая омрачить празднование первой годовщины Октября, в ночь на 7 ноября 1918 г. взорвали в Александровском саду незадолго до того установленный там памятник Робеспьеру. Автору монумента Б. Сандомирской враги пригрозили физической расправой. «А тебя, «пролетарку», повесим на фонарном столбе…» — писали они в одной из анонимок, которые затем были переданы в ЧК. В. И. Ленин, узнав о преследованиях скульптора, нашел время лично повидаться с Сандомирской и ободрить ее{18}.

Постепенно ВЧК очищала город от монархически настроенных, враждебных элементов: было арестовано около 50 бывших жандармских офицеров, проживавших по фальшивым паспортам. Некоторые из них при царизме занимали крупные посты.

В печати того времени появлялись сообщения ВЧК о расстрелах врагов пролетариата. Среди расстрелянных фигурировали бандиты, грабители, крупные спекулянты и т. п. И только в период обострения классовой борьбы, с лета 1918 г., ВЧК стала выносить приговоры о расстреле политических противников за их контрреволюционные действия. В ответ на усиление белого террора и контрреволюционной деятельности врагов революции Советское правительство вынуждено было в сентябре 1918 г. принять постановление о проведении красного террора. Все лица, «прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам», подлежали расстрелу{19}. Ф. Э. Дзержинский отмечал, что красный террор «был не чем иным, как выражением непреклонной воли беднейшего крестьянства и пролетариата уничтожить всякие попытки восстания против нас»{20}.

Партия и народ направляли на работу в чрезвычайные комиссии лучших своих сынов — людей отважных, верных революционному долгу. Большинство сотрудников ВЧК были посланцами заводов, фабрик, Красной Армии. В сентябре 1918 г.

из 783 работников ВЧК 116 являлись представителями рабочих. Советские и профсоюзные органы выделили 255 человек, солдаты старой армии и красноармейцы составляли 247 человек. Причем коммунистов насчитывалось 407 и сочувствующих 106 человек. Руководящее ядро ВЧК полностью состояло из большевиков.

Борьба с врагами была жестокой. Много жизней положили чекисты на алтарь революции.

Смелым и мужественным человеком был большевик Николай Николаевич Прямиков. Он вырос в семье московского рабочего, подвергался преследованиям царского правительства за свою революционную деятельность, не раз был арестован. В дни свержения самодержавия Прямиков разоружал полицию и освобождал политических заключенных из Бутырской тюрьмы. Тут и произошла его встреча с Ф. Э. Дзержинским. Позже, уже после Октября, председатель районного Совета Н. Н. Прямиков по заданию партии возглавил ЧК Рогожского района. Он лично проводил наиболее сложные операции.

Как-то Прямиков получил донесение о том, что группа врагов засела в Петровском парке. Николай Николаевич собрал своих сотрудников и в нескольких словах обрисовал задачу: нужно окружить парк, захватить преступников, а в случае сопротивления уничтожить.

На грузовике установили пулемет, красногвардейцы разместились в кузове, и машина тронулась. Участник операции С. И. Сбруев вспоминает, что, когда автомобиль подъехал к небольшому деревянному дому, их встретили огнем засевшие там бандиты{21}. Быстро спрыгнув с грузовика, красногвардейцы рассредоточились и открыли ответный огонь. Н. Н. Прямиков бросился вперед и был смертельно ранен.

Рабочие города любили его за храбрость и беззаветную преданность революции. Безвременная гибель Пряникова болью отозвалась в их сердцах. В траурной открытке-извещении, разосланной в райсоветы Москвы, исполком Рогожского Совета со скорбью сообщал о смерти верного сына партии, бывшего рабочего завода «Колючая проволока». Погребение героя состоялось на Красной площади у Кремлевской стены. Подвиг его не забыт. Ныне имя Н. Н. Прямикова носят одна из улиц, парк и одна из площадей столицы.

Отважным чекистом был Иван Михайлович Хомяков.

… Долгое время ЧК не могла напасть на след опасных бандитов, выдававших себя за чекистов и милиционеров. Наконец их удалось обнаружить. В ночь на 17 апреля 1920 г. в Малом Палашевском переулке чекисты окружили дом, в котором находились преступники. В перестрелке троих бандитов убили.

Остальных арестовали. Это была последняя схватка Хомякова. Хомяков, как и Прямиков, похоронен на Красной площади у Кремлевской стены. Усиливавшееся сопротивление врагов революции настоятельно требовало выработки эффективных мер борьбы с ними.

В. И. Ленин в «Шести тезисах об очередных задачах Советской власти», определивших основное направление работы Советов и ВЧК, в конце апреля — начале мая 1918 г. писал: «Железная дисциплина и до конца проведенная диктатура пролетариата против мелкобуржуазных шатаний — таков общий и итоговый лозунг момента»[{22}].

В решении этих задач большую роль сыграла I Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий, состоявшаяся в июне 1918 г. Конференция дала отпор наскокам левых эсеров, выступивших против принципа двойного подчинения чрезвычайных комиссий — Советам и вышестоящим чрезвычайным комиссиям. Кроме того, она приняла резолюцию об усилении борьбы со спекуляцией, которая «в корне подрывает хозяйственно-экономическую жизнь страны», указала на необходимость быстрейшего искоренения должностных преступлений «примазавшихся к Советской власти» буржуазных элементов[{23}].

Конференция подчеркнула важность укрепления связей чрезвычайных комиссий с пролетарскими массами, со всеми партийными и советскими органами. На ней были подняты вопросы, касавшиеся создания специального корпуса войск ВЧК, пограничных и железнодорожных чрезвычайных комиссий.

В ноябре 1918 г. состоялась II Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий. Открыл ее Ф. Э. Дзержинский. После обсуждения докладов конференция приняла резолюции по текущему моменту, о кулацких восстаниях в деревне, об организации транспортных отделов чрезвычайных комиссий, о взаимоотношениях чрезвычайных комиссий с другими советскими организациями, об армейских чрезвычайных комиссиях и др. Конференция подчеркнула, что одним из условий успешной работы чрезвычайных комиссий является решительная борьба с любыми нарушениями революционной законности, очищение их рядов от втершихся в доверие враждебных элементов, четкая деятельность всех звеньев.

Чрезвычайные комиссии, указывалось в резолюции, «должны работать в тесном контакте со всеми советскими органами, помогая последним налаживать свою работу». В качестве очередных задач конференция выдвигала следующие: «а) противопоставить уловкам и махинациям контрреволюции

планомерную и организованную борьбу, перестраивая наши организации; б) обратить усиленное внимание на исходные пункты белогвардейцев, провести строгую централизацию борьбы и концентрировать в центре использование материалов по ликвидации восстаний»{24}.

Чекисты всегда помнили слова В. И. Ленина о том, что свергнутые эксплуататоры «с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого, рая»{25}.

В. И. Ленин, внимательно следивший за деятельностью ВЧК, в декабре 1918 г. пишет предложения по улучшению ее работы. В них он подчеркивает, что во главе чрезвычайных комиссий должны стоять коммунисты с не менее чем двухлетним партийным стажем, говорит о праве брать на поруки, строго преследовать за ложные доносы и т. д.{26} Ленинские предложения легли в основу постановления комиссии Совета рабочей и крестьянской обороны от 3 декабря о действиях ВЧК на транспорте и постановления Совета Обороны от И декабря 1918 г. о порядке ареста органами ВЧК сотрудников советских учреждений.

В конце 1918 г. стало ясно, что ВЧК не в состоянии постоянно уделять достаточно пристальное внимание непосредственно столице. Поэтому вновь возникла идея создания соответствующего самостоятельного органа для Москвы.

Враг не дремлет

16 октября[11] исполком Моссовета для «объединения деятельности районных чрезвычайных комиссий» принимает решение создать Московскую чрезвычайную комиссию (МЧК){27}.

26 декабря 1918 г. Моссовет утвердил положение об МЧК, определившее ее права, обязанности и организационную структуру. Возглавляла комиссию коллегия из пяти человек. Ее председателем стал председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский. В МЧК вошли представители юридического и административного отделов Моссовета.

Комиссия состояла из следующих отделов: 1) заведования районными ЧК; 2) следственного; 3) по борьбе с контрреволюцией и должностными преступлениями; 4) по борьбе со спекуляцией. Эти отделы возглавляла коллегия из трех лиц (один являлся заведующим).

Создание МЧК, вспоминал назначенный вскоре заместителем председателя комиссии В. Н. Манцев[12], объяснялось еще и тем,

что «именно в Москве сходились все пути антисоветских заговоров, действовали центры разбросанных по всей России контрреволюционных организаций, что как раз здесь в это время широко развернулись спекуляция и бандитизм.

Начав работу в Москве, — продолжал Манцев, — мы имели уже годичный опыт работы в ВЧК, располагали кадрами чекистов. Но должен сказать совершенно категорически, что борьбу с врагами Советской власти мы могли вести успешно только благодаря теснейшей связи с партийными и советскими организациями и их помощи, благодаря глубокому сочувствию и горячему содействию со стороны рабочего класса. Мы открывали тайные нити заговоров и организаций контрреволюционеров, спекулянтов и бандитов не потому, что в ЧК сидели какие-то Шерлоки Холмсы, а потому, что ЧК являлась органом диктатуры пролетариата, органом защиты революции, тесно связанным с партией и рабочим классом»[{28}].

С образованием МЧК отпала надобность в районных чрезвычайных комиссиях Москвы, так как распыление сил вредило бы делу. Учитывая это, коллегия МЧК 27 января 1919 г. постановила упразднить все районные ЧК. Однако с апреля 1919 г. для контактов с районами при административных отделах райсоветов стали создаваться политические бюро.

Изменение обстановки на фронте весной и летом 1919 г. в связи с наступлениями Колчака и Деникина, давшими контрреволюционерам возможность, по выражению Ф. Э. Дзержинского, «поднять головы», поставило на повестку дня вопрос о создании в столице единого координирующего органа по борьбе с врагами революции. В конце мая этот вопрос обсуждался в МК партии большевиков, а затем на совместном заседании Коллегии ВЧК, МЧК, представителей МК, Областного комитета РКП (б) и Народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

Было принято решение временно образовать оперативный штаб при МЧК во главе с Я. Х. Петерсом. Кроме того, указывалось на необходимость шире привлекать рабочих и партийных работников к пресечению антисоветских выступлений. Были намечены меры по усилению охраны железных дорог и складов, обследованию состояния мест заключения, проверке всех проживавших в городе, улучшению работы среди красноармейцев и т. д. МК РКП (б), говорилось в решении, должен направлять в МЧК надежных членов партии для получения мандатов на обыск и задержание подозрительных лиц.

В сентябре 1919 г. в Москве было вновь введено военное положение, усилены патрулирование улиц, охрана учреждении и т. д. Тогда же начал свою регулярную деятельность созданный по

инициативе Ф. Э. Дзержинского Комитет обороны Москвы[29]. Комитет проделал огромную работу по укреплению обороноспособности столицы, аппарата МЧК, по улучшению милицейской службы, по борьбе со спекуляцией. Были предусмотрены меры на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств[30].

МЧК выявила значительное количество спрятанного оружия. За май — август 1919 г. отдел МЧК по борьбе с контрреволюцией рассмотрел 508 дел белогвардейских шпионских групп и организаций, участников диверсионных и террористических актов, похитителей шифров и телеграммы на имя В. И. Ленина. Среди задержанных врагов Советской власти были кадеты, эсеры, меньшевики, монархисты, иностранные дипломаты и т. д.

Значительная нагрузка ложилась на плечи сотрудников следственного отдела МЧК. Им часто приходилось работать по 30–40 часов без отдыха.

С декабря 1918 г. по 1 ноября 1920 г. МЧК раскрыла 59 подпольных организаций[31], из которых 22 были белогвардейскими, 12 — правоэсеровскими, 14 — левоэсеровскими, 3 — меньшевистскими, 6 — анархистскими, 2 — максималистскими[13].

В первые месяцы 1920 г. МЧК конфисковала 10 тыс. руб. золотом, более 25 млн. руб. кредитными билетами, 1940 каратов драгоценных камней, много изделий из золота.

Революционный суд

В огне ожесточенных схваток с врагами нового строя рождались новые судебные органы.

Трудящиеся еще до выхода в свет декрета «о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата» стали во многих местах устраивать свои рабочие и крестьянские суды[32]. После его издания работа в этом направлении развернулась в широких масштабах.

22 ноября 1917 г. СНК принял Декрет о суде № 1, согласно которому прежние судебные органы упразднялись. В нем говорилось о том, что необходимо «приостановить действие существующего доныне института мировых судей, заменяя мировых судей, избираемых доныне непрямыми выборами, местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей. Местные судьи, — гласил декрет, — избираются впредь на основании прямых

демократических выборов, а до назначения таковых выборов временно — районными и волостными, а где таковых нет, уездными, городскими и губернскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[33].

Ликвидация старых судебных органов и создание новых, пролетарских, встретили резкий протест со стороны буржуазных юристов всех рангов. Присяжные поверенные, следователи и мировые судьи пытались продолжать работу по-старому, а когда это не удавалось, уничтожали или запутывали дела. 26 ноября 1917 г. саботажники открыто заявили об отказе подчиниться декрету СНК. В том же духе высказалось 3 декабря собрание присяжных поверенных Московского округа. Чиновники разбежались, забрав с собой ключи от хранилищ, шкафов и столов. В судебных учреждениях остались лишь курьеры да кое-где низшие служащие. Моссовету пришлось принять ряд мер по претворению в жизнь постановления правительства и пресечению контрреволюционных действий антисоветски настроенных юристов.

30 ноября 1917 г. Моссовет, заслушав доклад об упразднении старого и создании нового суда, постановил «избрать юридическую комиссию, поручив ей разработать в трехдневный срок детальный проект инструкции об осуществлении декрета о суде с тем, чтобы представить разработанный проект на утверждение Президиума Совета рабочих и солдатских депутатов[34].

Организацией народных судов в районах стал заниматься Н. А. Черлюнчакевич, следственного аппарата — С. Е. Богров, комиссаром по общим судебным местам был назначен П. А. Чегодаев.

1 декабря 1917 г. Президиум Моссовета рассмотрел проект решения о создании местных судов. Постановление о ликвидации буржуазных судебных органов, подготовленное специальной комиссией, Моссовет принял 2 декабря 1917 г.

Вся руководящая верхушка Московской судебной палаты, окружного и коммерческого судов, все члены прокурорского надзора судебной палаты и окружного суда отстранялись от должности.

Совет присяжных поверенных и столичный съезд мировых судей распускались. Мировые судьи признавались с момента избрания Советами новых судей утратившими свои полномочия. Рядовым служащим предписывалось оставаться на местах, Советам приступить к выборам временных местных судей, а также составить списки заседателей.

Уже к концу декабря было образовано 20 местных судов. В

первой половине января 1918 г. их насчитывалось до 30. Они разделили между собой дела 57 бывших мировых участков Москвы. Был также избран Московский совет местных народных судей во главе с Н. А. Черлюнчакевичем, который вскоре обратился к завкомам Москвы с просьбой о выделении народных заседателей из рабочей среды. Высшим органом судебной власти являлся комиссариат по судебным делам, образованный 11 декабря согласно постановлению Моссовета{35}. Возглавил его Д. И. Курский.

Огромная работа по созданию новых судов выпала на долю Совета местных народных судей. В Кремле, в здании судебных установлений, еженедельно проводился инструктаж народных судей. Здесь разбиралось большое число различных вопросов: как проводить заседания, оформлять протоколы, писать приговоры, составлять списки заседателей и т. д. Ведь посланцы московского пролетариата, районных Советов не были искушены в юридической науке. Например, член исполкома Рогожско-Симоновского района Н. К. Ломакин был избран народным судьей 27 ноября, а 4 декабря вместе со своими товарищами уже взял в свои руки дела нескольких участков мировых судей. Судьями избирались также женщины. В Замоскворецком районе народным судьей стала Е. Г. Ларина, а в Рогожско-Симоновском — Давыдова.

15 февраля ВЦИК и СНК принимают Декрет о суде № 2, согласно которому образуются окружные народные суды. Члены их избираются по округам местными Советами. 8 июня 1918 г. Моссовет объявил об организации в городе народного окружного суда в составе двух гражданских и двух уголовных отделений. Для работы в этом суде избирались 12 постоянных народных судей сроком на год. Неоконченные дела упраздненных судебных установлений передавались в народный окружной суд.

13 июня коллегия Наркомата юстиции РСФСР предложила Моссовету ликвидировать в городе продовольственный, жилищный и т. п. суды и передать их дела в местные народные суды.

Большое значение в деле подавления деятельности антисоветских сил в столице сыграл революционный трибунал. Трибуналы стали образовываться на основании Декрета о суде № 1. В этом декрете подчеркивалось, что для «борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц учреждаются рабочие и крестьянские революционные

трибуналы в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»{36}.

В первой половине декабря 1917 г. Моссовет принял решение об образовании Московского революционного трибунала. В его компетенцию входили дела о лицах, организовывавших восстания против Советской власти и активно ей противодействовавших, о тех, которые, пользуясь своим положением, мешали нормальной работе в учреждениях, на предприятиях, а также о тех, кто распространял различные антисоветские слухи, сеял панику, занимался спекуляцией, грабежом или разбоем, использовал подложные документы, нарушал те декреты и распоряжения правительства, которые за такое нарушение предусматривали предание суду Ревтрибунала. Указанные преступные действия карались денежными штрафами, высылкой из Москвы, лишением свободы и т. д.

Московский ревтрибунал избирался Моссоветом в составе председателя, 2 заместителей и 24 заседателей на каждую сессию. При нем учреждалась следственная комиссия из 6 человек, тоже выбиравшаяся Моссоветом.

В связи с организацией этой следственной комиссии следственная комиссия при Моссовете упразднялась с передачей всех находившихся в производстве дел комиссии Ревтрибунала. Причем последней предлагалось выделить особую группу следователей по делам о должностных преступлениях советских работников. Просьба об организации подобной группы была не случайна. Еще до этого Президиум Моссовета, рассмотрев вопрос о злоупотреблениях представителей власти, постановил дела такого рода направлять в следственную комиссию. Молодая пролетарская власть очищала свои ряды от карьеристов, хапуг, проходимцев.

Решения трибунала считались окончательными и не подлежали обжалованию. Председателем Ревтрибунала вскоре стал Я. А. Берман, заместителем — И. В. Цивцивадзе. После переезда правительства в Москву деятельное участие в работе Ревтрибунала принимал Н. В. Крыленко.

Создание в Москве Ревтрибунала совпало с объявлением города (в связи с активизацией контрреволюции) на военном положении. В свете данного постановления командующему войсками МВО предоставлялось право до начала работы Ревтрибунала учреждать временные ревтрибуналы для привлечения к ответственности за нарушение статей военного положения. Меры воздействия временных ревтрибуналов, за небольшим исключением, были теми же, что и постоянного.

Деятельность трибунала опиралась на широкую поддержку рабочих города. Так, членом Московского ревтрибунала был рабочий, токарь с завода Михельсона большевик Николай Васильевич Стрелков. Он же возглавлял сформированный из лучших рабочих завода специальный отряд, прикомандированный к трибуналу. Этот отряд впоследствии участвовал в различных операциях по разгрому контрреволюционных гнезд.

Интересно, что новые органы правопорядка зарождались еще в период октябрьских боев 1917 г. Академик К. В. Островитянов вспоминает, что при Замоскворецком ревкоме для поддержания революционного порядка был создан «своего рода революционный трибунал, носивший скромное название — Юридическая комиссия»[37]. Этот орган занимался делами арестованных. Комиссия не только производила следствие, но и творила справедливый суд. Жестокая борьба, бушевавшая на улицах города, определяла направление судебной практики.

Пролетарские органы правопорядка являлись гуманными по своей сущности, ибо защищали и отстаивали интересы революции, завоевания трудящихся масс и карали их противников. Новый суд, отстаивая интересы революции, строго взыскивал за нарушение законов Советской власти. Так, народный суд Владимирского участка наказал владельца одной из мастерских, который заставлял в тяжелых условиях работать сверх положенной нормы нескольких подростков. Он приговорил его к денежному штрафу (в случае несостоятельности — к аресту на три месяца).

Строго наказывались лица, торговавшие из-под полы спиртными напитками. 29 марта местный суд Симоновского участка приговорил спекулянтку Адамову за продажу спиртных суррогатов к штрафу в 5 тыс. руб. (в случае несостоятельности — к полутора годам тюрьмы).

За попытку дать взятку члену Президиума Моссовета трибунал приговорил маклера Губина к двум месяцам принудительных работ. Еще строже пресекался подкуп должностных лиц во время непосредственного выполнения ими своих служебных обязанностей.

Доверенного одной из фирм Карганова, например, за предложение взятки члену рабочей комиссии по борьбе со спекуляцией, проводившему обыск у него на складе, приговорили к заключению в тюрьму на три месяца и одновременному денежному штрафу в 5 тыс. руб. с заменой его шестимесячным арестом.

Работа Ревтрибунала была очень напряженной. Достаточно сказать, что с конца декабря 1917 г. по июнь 1918 г. в трибунал

поступило 2022 дела, из них по общему отделу Следственной комиссии — 907, политическому — 430, остальные дела проходили по особому отделу и отделу по борьбе со спекуляцией.

По общему отделу первое место занимали общеуголовные дела, затем шли преступления по должности, взяточничество, подлоги, сопротивление властям и т. д. В политическом отделе первое место занимали дела контрреволюционеров, второе — о преступлениях буржуазной печати, а уж затем о провокациях и саботаже. По особому отделу дела о должностных преступлениях превышали количество дел, связанных с другими правонарушениями. Как видим, рассмотрение дел политического характера занимало основное место в работе Московского ревтрибунала.

Однако не всегда новые органы юстиции проявляли должную принципиальность. 2 мая 1918 г. Московский ревтрибунал, рассмотрев дело по обвинению во взяточничестве четырех работников Следственной комиссии, приговорил их всего к шести месяцам тюрьмы. Узнав об этом слишком либеральном решении, В. И. Ленин написал письмо в ЦК РКП (б): «Прошу поставить на порядок дня вопрос об исключении из партии тех ее членов, которые, будучи судьями по делу (2.V. 1918) о взяточниках, при доказанной и признанной ими взятке, ограничились приговором на 1/2 г. года тюрьмы.

Вместо расстрела взяточников выносить такие издевательски слабые и мягкие приговоры есть поступок *позорный* для коммуниста и революционера. Подобных товарищей надо *преследовать* судом общественного мнения и *исключать из партии,* ибо им место рядом с Керенскими пли Мартовыми, а не рядом с революционерами-коммунистами»[{38}]. Дополнительные сведения по этому делу были получены ЦК партии большевиков от члена коллегии НКЮ Н. В. Крыленко.

В то же время В. И. Ленин направил записку наркому юстиции Д. И. Курскому, в которой настоятельно требовал *«тотчас,* с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр. и т. п.) должны быть

не ниже

десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ»[{39}].

4 мая 1918 г. после обсуждения дела о членах Следственной комиссии Совнарком поручил НКЮ разработать проект декрета о повышении наказания за взяточничество.

Декрет о взяточничестве был принят 8 мая (после впесеппя некоторых уточнений В. И. Лениным). Лпца, находившиеся на

государственной службе или общественной работе и принявшие взятку, а также граждане, ее дававшие, наказывались «лишением свободы на срок не менее пяти лет, соединенным с принудительными работами на тот же срок»{40}.

Так конкретно и по-деловому В. И. Ленин учил молодые органы пролетарского правопорядка быть принципиальными и строгими ко всякому нарушению социалистической законности, проявлять революционную твердость в борьбе с врагами нового строя.

Указания и поддержка вождя оказали благотворное влияние на деятельность Московского ревтрибунала, помогли ему изжить ряд недостатков, способствовали успехам в его работе.

Пролетарская милиция

Жуликов, грабителей и т. д. В. И. Ленин относил к разряду опасных врагов социализма и требовал применять к ним строгие меры «при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества»{41}. В. И. Ленин исходил из того, что надежная охрана общественного порядка является одним из условий упрочения нового строя.

После Февральской буржуазно-демократической революции, при Временном правительстве, в связи с затянувшейся войной, хозяйственной разрухой и экономическими трудностями значительно выросла преступность. Шайки уголовников возникали одна за другой. В городе хозяйничали несколько десятков крупных банд во главе с преступниками-профессионалами.

Во время октябрьских боев 1917 г. в Москве у гражданского населения появилось много неучтенного оружия. Этим не преминули воспользоваться уголовники. Вооруженные револьверами и бомбами налетчики совершали свои дерзкие вылазки и ночью, и днем, грабили как учреждения и магазины, так и частных лиц. Повседневным явлением были похищения грузов на складах, баржах, из железнодорожных вагонов.

В Москве имелось много «горячих» точек: на рынках, в трактирах, ночлежных домах, чайных продавалось и скупалось краденое, незаконно изготовленные спиртные напитки; процветали азартные игры. Там же воры находили себе надежное убежище.

Славились своими темными делами Хитровка (в районе Солянки, Покровского бульвара и Яузы) и рынок на площади у старинной Сухаревой башни. Неспокойно было в районах

Трубной площади, Грачевки, Масловки, Марьиной рощи, Преображении, Сокольников да и в других местах. С наступлением темноты запирались на хитроумные замки двери квартир, улицы пустели.

Усилению бандитизма способствовала амнистия 18 марта 1917 г. В результате из Московской губернской тюрьмы вышли на свободу 800 матерых рецидивистов, а из пересыльной — более 400 уголовников. Это не замедлило сказаться на росте преступности. В течение одного лишь месяца после объявления амнистии в городе были совершены 32 убийства, 6884 кражи, 127 ограблений, в том числе несколько десятков вооруженных.

После победы Октябрьской революции, пользуясь тем, что основные силы новая власть вынуждена была направить на борьбу с антисоветскими заговорами, на создание советского государственного аппарата, на преодоление хозяйственной разрухи, разного рода мошенники, грабители, авантюристы активизировались. В районные Советы стали поступать заявления от граждан с просьбой защитить их от преступников.

Положение осложнялось еще и тем, что факты нарушения общественного порядка пытались использовать свергнутые классы. Буржуазные газеты старались запугать население, сеяли панику.

Таким образом, в тот период преступность тесно смыкалась с действиями врагов революции и борьба за наведение общественного порядка была тесно связана с борьбой за укрепление Советской власти.

Еще в первые месяцы после свершения Февральской революции В. И. Ленин призывал рабочих и крестьян «не дать восстановить полиции; привлечь организационные силы всего народа к созданию поголовной милиции — таковы задачи, которые пролетариат должен нести в массы в интересах охраны, упрочения и развития революции», — писал он{42}.

Обращение вождя к рабочим о необходимости создания пролетарской милиции большевики местных партийных организаций восприняли с энтузиазмом. На I Московской общегородской конференции РСДРП (б) в резолюции о текущем моменте и задачах рабочего класса, принятой 3 апреля 1917 г., прямо указывалось на то, что трудящимся необходимо создать собственную вооруженную милицию под контролем пролетариата.

В соответствии с решением партконференции на многих заводах и фабриках рабочие стали формировать вооруженные отряды. На заводах АМО, Михельсона и других предприятиях появились боевые дружины. Значительную политическую работу

провели большевики среди милиционеров «народной милиции», созданной после Февральской революции. Это укрепило их позиции в ряде милицейских комиссариатов.

Не случайно поэтому в дни октябрьских боев эти комиссариаты сражались на стороне большевиков. Среди них — Пятницкий, Серпуховской, Симоновский, Якиманский и некоторые другие. К восставшим присоединился и Союз милиционеров. Подавляющее большинство участковых комиссариатов милиции находились под контролем большевиков. От них в комиссариаты были посланы особые представители. Так, Рогожский райком партии дал указание направить в милицейские комиссариаты несколько уполномоченных от районного Совета. Однако в целом милиция Временного правительства оставалась буржуазным органом, и Советской власти предстояло его сломать.

Значительной вехой на пути создания новой пролетарской милиции явилось постановление НКВД от 28 октября 1917 г. «О рабочей милиции», в котором говорилось, что Советы организуют рабочую милицию и она находится в полном их подчинении. Военные и гражданские власти были обязаны содействовать ее вооружению и снабжению техническими средствами{43}.

Руководство всей деятельностью милиции и уголовного розыска в Москве передавалось Комиссариату но гражданской части. «Милиция составляется из ядра платного постоянного кадра и красногвардейцев, организованных в дружины», — отмечалось в протоколе одного из заседаний Московского ВРК{44}.

Московский боевой партийный центр РСДРП (б) в постановлении от 3 ноября предписывал оставить на службе только тех милиционеров, которые согласились подчиниться новой власти, остальных уволить.

В соответствии с приказом комиссара по гражданской части Москвы М. И. Рогова[14] от 4 ноября 1917 г. все милиционеры и служащие комиссариатов, признавшие Советскую власть, с 5 ноября должны были приступить к исполнению своих обязанностей.

14 ноября 1917 г. Моссовет принял постановление о создании Совета милиции, подчинявшегося комиссару по гражданской части. Совету предписывалось наладить работу милицейских комиссариатов Москвы и укрепить их проверенными кадрами.

Все организационные вопросы приходилось решать в процессе работы по наведению революционного порядка.

Большого напряжения в те суровые дни требовала борьба с незаконными обысками. Различного рода авантюристы и

провокаторы, для того чтобы вызвать недовольство Советской властью, устраивали обыски по поддельным ордерам в учреждениях и квартирах и изымали ценности. Преступники располагали целым арсеналом всевозможных фальшивок. В связи с этим 4 ноября Президиум Моссовета утвердил приказ комиссара по гражданской части М. И. Рогова о борьбе с изготовлением фальшивых печатей. Кроме того, 13 декабря Моссовет поручил Рогову совместно с Юридической комиссией разработать инструкцию районным Советам по производству обысков и арестов. 6 января 1918 г. было издано постановление Президиума Моссовета, в котором перечислялись учреждения и лица, имевшие право выдавать ордера на обыск. К ним относились Президиум Моссовета, районные Советы, командующий войсками МВО и комиссар по гражданской части.

18 января 1918 г. Президиум Моссовета обязал учреждения, имевшие разрешение на обыски, опубликовать номера дежурных телефонов для того, чтобы население могло навести нужную справку, а районным Советам — указать фамилии лиц, чьи подпись должна быть в ордере на право обыска. На страницах газет население Москвы призывалось к бдительности. Всех задержанных за производство незаконных обысков предавали суду.

Решительные меры были приняты также по пресечению скупки краденого, воровства, изготовления и хранения спиртных напитков, азартных игр. 4 декабря 1917 г. Президиум Моссовета принял постановление, обязывавшее комиссара по гражданской части издать приказ о том, что виновные в спаивании будут подвергнуты аресту, рестораны, чайные, трактиры, в которых имеются изготовленные для продажи спиртные напитки, будут закрываться, а имущество их будет конфисковано.

Через несколько недель Моссовет признал «необходимым для борьбы со скупкой краденого и воровством издать обязательное постановление от имени комиссара по гражданской части, что в случае обнаружения скупки краденого, владельцы лавок будут арестовываться, имущество их конфисковываться и лавки закрываться»{45}.

Однако, несмотря на то что МК РСДРП (б) и Президиум Моссовета принимали энергичные меры по наведению общественного порядка, им не всегда удавалось достичь достаточно эффективных результатов. Главная причина заключалась в том, что на службе в милиции оставалось все еще немало сотрудников милиции Временного правительства. Они были антисоветски настроены и пытались дезорганизовать милицейскую службу. В ряде комиссариатов служащие и

милиционеры не являлись на работу, нередко нарушали дисциплину: уходили с постов, употребляли спиртные напитки и т. п. Комиссар Петровского комиссариата, отмечая случаи дисциплинарных нарушении, писал в рапорте, что необходимо реорганизовать милицейские органы. Реорганизовать милицию предлагала в письме от 19 декабря 1917 г. Петровская районная управа. «Мера эта стоит на очереди и отлагательства не терпит», — говорилось в нем{46}.

В конце декабря 1917 г. на межрайонном заседании представителен Советов для реорганизации милиции и Красной гвардии была избрана особая комиссия. Под руководством Московской партийной организации большевиков в течение января — февраля 1918 г. проводилась значительная работа по созданию действительно народной милиции. На совещаниях в МК РСДРП (б) обсуждался ход реорганизации милиции. 11 января комиссия по реорганизации милиции и Красной гвардии высказала мнение, что старую милицию следует распустить, а не реорганизовывать.

В органы милиции нужно было направить работников преданных, идейных, очистить их от людей нейтральных, отказывавшихся бороться с контрреволюционерами, ссылаясь на то, что они призваны охранять только личную безопасность граждан. В циркулярной телеграмме НКВД местным Советам подчеркивалось, что советская милиция, состоящая на службе у рабочих и крестьян, не может быть безразлична к их врагам.

Согласно приказу комиссара по гражданской части М. И. Рогова, лица, служившие ранее в царской полиции, сразу, без всякого ограничения подлежали увольнению. Из личного состава милиции и уголовного розыска исключались также недисциплинированные, недобросовестные работники. Например, в результате проверки несения постовой службы милиционерами на территории станции Москва-Николаевская (товарная и пассажирская) в ночь с 29 на 30 марта 1918 г. приказом по милиции Московского района Николаевской железной дороги были уволены 32 человека ввиду нарушения ими правил несения службы.

Для разбора дисциплинарных проступков милиционеров при комиссариатах создавались товарищеские суды. Такие проступки, как опоздание, ненахождение на посту без уважительной причины, пьянство и т. п., строго наказывались (вплоть до увольнения из милиции без права поступления вновь). В качестве новых сотрудников в милицию привлекались рабочие *и* красногвардейцы по рекомендации районных Советов и партийных организаций.

29 января 1918 г. в целях совершенствования организационных основ милиции и руководства ею Президиум Моссовета утвердил Положение о народной милиции г. Москвы{47}, согласно которому административными вопросами управления городом ведал комиссар по гражданской части, а охраной Москвы — комиссар по наружной охране.

Административно-законодательным органом оставался Совет милиции, созданный еще в ноябре 1917 г., исполнительными органами являлись участковые комиссариаты во главе с участковыми комиссарами, назначавшимися Советом милиции и утверждавшимися райсоветом.

Положение упорядочило также структуру участковых комиссариатов, которые теперь состояли из трех отделов: уголовно-следственного, административного и наружной охраны. Каждый отдел был самостоятелен, но в то же время имел возможность координировать свои действия с действиями других отделов при выполнении единой задачи. На комиссариаты возлагалось решение вопросов приема и увольнения милиционеров.

Несколько изменились функции Московской уголовно-розыскной милиции. Теперь она становилась составной частью общей милиции, а ее комиссар, большевик К. Г. Розенталь, получил право самостоятельного проведения различных операций без предварительного согласования с руководителем угрозыска.

Неустанную заботу о новой милиции проявлял В. И. Ленин. Как вспоминал первый начальник Главного управления милиции НКВД РСФСР А. М. Дижбит, при обсуждении Положения о милиции В. И. Ленин спросил наркома внутренних дел Г. И. Петровского о форме одежды для милиции. «Мы переглянулись с Г. И. Петровским, так как о форме милиции мы не подумали. Уловив наше смущение, В. И. Ленин сказал: «Нет, товарищи, без формы нельзя. Милиционер должен отличаться от обывателя. Подумайте над этим». Вскоре милицейская форма одежды была разработана и утверждена.

В. И. Ленин интересовался также жизнью и бытом работников милиции. Однажды, выйдя из машины на углу Большой Серпуховской улицы и Добрынинской площади, он подошел к постовому милиционеру Левашову. «Я думал, — рассказывал Левашов, — что Ленин заметил какой-нибудь промах в несении службы и решил сделать мне замечание. Но я ошибся. Владимир Ильич, правда, расспрашивал меня и о службе, и о борьбе с хулиганами и ворами, но больше всего он интересовался моей семьей, детьми, не забыл спросить и о том, сколько я зарабатываю и как живу. Я все рассказал ему, как есть: что плохо

одеты и обуты, что не хватает хлеба, но что мы Твердо верим в хорошую жизнь, которая придет. Ленин задумчивым взглядом смотрел на меня, слушая мои бесхитростные слова, потом пожал мне руку и уехал»[{48}].

Важное значение в деле укрепления милиции имела работа по повышению уровня профессиональной и политической подготовки ее сотрудников. МК партии большевиков особое внимание обращал при этом на изучение милиционерами Конституции РСФСР, декретов Советской власти, партийных документов.

В мае 1918 г. открылась первая месячная школа командного состава, а с декабря стала работать специальная школа при Главном управлении милиции.

Меры по укреплению московской милиции были весьма своевременными. Обстановка в городе продолжала оставаться сложной. Бандиты обнаглели до того, что на Воробьевых горах напали на комиссара Первого тверского комиссариата Яхонтова. Отняв деньги, они высадили его из автомобиля и затем на этой же машине скрылись. Буквально среди белого дня бандиты напали на Арбатско-Пречистенскую районную думу. Ворвавшись в здание и крикнув присутствующим: «Руки вверх!» — они заставили кассира открыть сейф и взяли деньги.

Преступники грабили также церкви. Например, они похитили украшения с иконы Иверской божьей матери в часовне у Кремлевских ворот.

В январе 1918 г. воры очистили патриаршую ризницу в Кремле.

30 января патриарший ризничий архимандрит Арсений обнаружил, что находившаяся в центре зала третьего яруса колокольни Ивана Великого восьмиугольная витрина с дорогими крестами и панагиями вскрыта и почти пуста. Он бросился к громадным шкафам, где хранились серебряные изделия, и увидел, что и здесь похозяйничали грабители: многие наиболее ценные вещи они похитили.

Неизвестные унесли драгоценности с Евангелия Нарышкиной, золотые сосуды Екатерины II, сосуды из нефрита, изделия из кости, а также вещи, усыпанные бриллиантами, и многое другое.

Это были высокохудожественные произведения искусства, являвшиеся народным достоянием. Поэтому в феврале 1918 г. вопрос об ограблении рассматривался на заседании Президиума Моссовета, который обратился к организациям и гражданам с просьбой содействовать розыску похищенных сокровищ.

Московская уголовно-розыскная милиция проделала

большую работу, прежде чем в одном из магазинов Верхних торговых рядов была обнаружена часть украденного жемчуга. Окончательно распутать преступный клубок помогли события, которые произошли далеко от Москвы.

В марте 1918 г. саратовский угрозыск за попытку продажи золота в слитках задержал двух мужчин. Затем следствие выяснило, что арестованный помощником начальника уголовно-розыскной милиции И. А. Свитневым некий Самарин на самом деле является рецидивистом из Москвы К. Полежаевым. В ходе обыска на его квартире за обоями в стене нашли искусно замаскированный тайник. В нем лежали золотые кольца и серьги с бриллиантами, рубинами, изумрудами, столовое серебро, богато отделанные кресты, жемчуг и многое другое. Под напором неопровержимых улик Полежаев во всем сознался.

Так удалось установить, что преступление совершили братья Константин и Дмитрий Полежаевы, фамилия которых неоднократно фигурировала на страницах уголовной хроники московских и петроградских газет.

Значительное количество награбленного было отправлено на подмосковную дачу в Красково, где обосновались Дмитрии Полежаев и его соучастница М. Тарасова под именем супругов Поповых.

Прибывшие в Красково сотрудники милиции нашли приготовленные к плавке — разрезанные на мелкие куски — сосуды, а также различные драгоценные камни: крупные алмазы, изумруды, сапфиры.

Вскоре на станционной платформе были арестованы приехавшие из Москвы Полежаев и Тарасова. В их саквояже оказалось немало ценностей из патриаршей ризницы.

За мужество и умелые действия сотрудник милиции И. А. Свитнев получил через В. Д. Бонч-Бруевича благодарность от В. И. Ленина{49}.

Не все похищенные сокровища были тогда, однако, обнаружены. Так, две чрезвычайно ценные старинные камеи — создание русских мастеров — нашлись лишь в наши дни, причем одна из них находилась за границей, в Англии.

Первые успехи окрылили работников угрозыска. Вчерашние рабочие, солдаты, матросы на практике приобретали нужные профессиональные навыки.

Борьбу с преступниками успешно вели специальные вооруженные отряды рабочих-самокатчиков, конный эскадрон, а также группа балтийских матросов, посланных Центробалтом по предложению В. И. Ленина. Повсеместно круглосуточно патрулировались улицы, в комиссариатах дежурили боевые

группы, на опасных участках стояли посты, обеспечивалась надежная связь между ними. Райсоветы приняли по этому поводу специальные решения. «Вводится постовая служба: дневная и ночная», постановил, например, Замоскворецкий районный Совет{50}.

К наведению порядка были привлечены и воинские подразделения. Военный комиссар Москвы приказом от 9 мая 1918 г. обязал районные военные комиссариаты усилить ежедневное патрулирование улиц города с 10 часов вечера до 6 часов утра.

С целью пресечения антисоветских действий проводились облавы на рынках, в трактирах и т. д. 14 апреля большое количество оружия всевозможных марок и систем удалось отобрать у торговцев оружием и боеприпасами в районе Трубной площади.

Успешно прошла операция и в районе Масловки, во время которой были схвачены уголовники, долгое время безнаказанно терроризировавшие население города. Значительная часть из них имели оружие. Задержанные налетчики назвали имена своих соучастников и адреса притонов. Арестованные преступники понесли суровое наказание.

В апреле 1918 г. патруль милиции поймал на месте преступления вооруженную шайку. Лишь одна караульная команда Рогожско-Симоновского района за период с 27 мая по 2 июня 1918 г. арестовала за кражи, убийства и мошенничество 17 человек.

В июне 1918 г. работники уголовно-розыскной милиции задержали похитителей 9 млн. руб. из почтового поезда на перегоне Кашира — Ожерелье.

Жизнь сотрудников милиции подвергалась постоянной опасности, особенно во время несения службы. После наступления сумерек по неосвещенным городским улицам, не включая фар, нередко разъезжали машины, в которых сидели вооруженные бандиты. Случалось, что они подзывали постового свистком. Короткая схватка, и милиционер замертво падал на мостовую. Такое преступление совершила шайка бандитов, окопавшаяся в районе Землянки.

Лучшие представители народной милиции проявляли мужество и самоотверженность в борьбе за наведение революционного порядка. Милиционеры Первого Пятницкого комиссариата Егор Петрович Швырков и Семен Матвеевич Пекалов 4 апреля 1918 г. вдвоем вступили в борьбу с шайкой грабителей более чем из 10 человек. В этой схватке Е. П. Швырков и С. М. Пикалов погибли. Героев-милиционеров похоронили на

Красной площади у Кремлевской стены.

Несмотря на ряд успехов, в деятельности уголовно-розыскной милиции имелось еще немало недостатков. Не слишком высоким был процент раскрытых преступлений. Значительное количество похищенного еще не было разыскано. Число наиболее опасных преступлений: грабежей и убийств — уменьшалось медленно.

Одной из причин такого состояния дел являлась неудовлетворительная работа Совета милиции. Он плохо знал положение на местах, подчас давал непродуманные директивы и т. п. В связи с этим 14 марта 1918 г. общее собрание участковых комиссаров Москвы приняло резолюцию, в которой указывалось, что Совет милиции неработоспособен. Через некоторое время он распоряжением комиссара по гражданской части был упразднен.

В целях дальнейшего укрепления милицейской и уголовно-розыскной службы в июне 1918 г. ее аппарат был реорганизован. Руководство милицией теперь возлагалось на административный отдел Моссовета с подотделами гражданским и наружной охраны. В районах создавались административные отделы районных Советов, которым, в свою очередь, подчинялись местные комиссариаты. Уголовно-розыскной милицией ведал административный отдел Моссовета. Кроме того, было создано железнодорожное отделение, занимавшееся вопросами пресечения бандитизма на вокзалах, на железнодорожных станциях и т. п.

Организационное оформление службы угрозыска в Москве в целом закончилось в ноябре 1918 г., когда в соответствии с постановлением коллегии НКВД от 5 октября 4918 г. о совершенствовании розыскного дела было образовано Городское управление угрозыска. Руководителем его в 1919 г. стал А. М. Трепалов.

Советское правительство постоянно проявляло заботу о личном составе милиции. Об этом свидетельствует декрет СНК РСФСР «О советской рабоче-крестьянской милиции», подписанный В. И. Лениным 3 апреля 1919 г. В нем говорилось, что «содержание всех видов милиции, находящихся в ведении Народного комиссариата внутренних дел, принимается на государственный счет». Надо сказать, что на фронт разрешалось направлять не более трети рядового и пятой части командного состава милиции. Сотрудникам милиции выдавался тыловой красноармейский паек. Улучшалось снабжение их оружием и снаряжением, вводились «обязательное обучение военному искусству и военная дисциплина»{51}.

Большое значение придавалось вопросам законодательного регулирования деятельности органов внутренних Дел.

Летом 1920 г. ВЦИК утвердил Положение о рабоче-крестьянской милиции, которое закрепляло ее структуру, определяло источники комплектования кадрами и порядок технического снабжения, обобщало опыт организации работы милиции в годы гражданской войны.

Все это играло большую роль в тот период, когда вооруженный бандитизм все больше и больше принимал антисоветскую окраску.

В 1919 г. в Москве продолжал еще существовать ряд крупных бандитских шаек во главе с такими профессиональными преступниками, как Кошельков, Плещинский, Селезнев, Филиппов, Ермилов, Мякишев и др.

19 января 1919 г. бандиты совершили вооруженное нападение на В. И. Ленина. Владимир Ильич вместе с Марией Ильиничной ехали на машине к Надежде Константиновне в Сокольники. За Николаевским и Ярославским вокзалами, на Сокольническом шоссе, путь им преградили вооруженные люди. Шофер С. К. Гиль решил проскочить и увеличил скорость. Однако Владимир Ильич, думая, что это патруль, попросил остановиться.

Неизвестные подбежали к автомобилю, рванули дверцы и закричали: «Выходи!». Высадив всех; вскочили в автомобиль и понеслись к Сокольникам{52}.

Дойдя до Сокольнического Совета, В. И. Ленин связался по телефону с ВЧК и обо всем сообщил Я. Х. Петерсу.

Кто же совершил это гнусное преступление? Разбойное нападение было делом рук опасного рецидивиста Кошелькова.

Впервые Кошелькова судили еще до революции. Из тюремной камеры его освободила амнистия, объявленная Временным правительством. Возвратившись в Москву, Кошельков тут же сколотил банду из отъявленных головорезов. Это был хитрый, расчетливый и жестокий враг. Убив нескольких сотрудников МЧК и завладев их документами, бандит, выдавая себя за чекиста, производил обыски не только в квартирах, но и на предприятиях. Так, на одном заводе Кошельков со своими подручными во время «обыска» забрал около трех фунтов золота в слитках, почти три с половиной фунта платиновой проволоки и несколько тысяч рублей. В ночь с 23 на 24 января 1919 г. группа преступников убила 22 постовых милиционера.

25 января 1919 г. за подписью В. И. Ленина в «Известиях ВЦИК» было опубликовано предписание заместителю председателя ВЧК Я. Х. Петерсу: «Ввиду того, что налеты бандитов в Москве все более учащаются и каждый день бандиты отбивают по нескольку автомобилей, производят грабежи и убивают милиционеров, предписывается ВЧК принять срочные и

беспощадные меры по борьбе с бандитами»[53].

В. И. Ленин помогает ВЧК получить учетные карточки на членов крупных бандитских групп. Он пишет в Моссовет записку: «Советую удовлетворить просьбу *Дзержинского*. Он формально прав…»[54]

К борьбе с преступниками привлекаются опытные чекистские кадры. Для координации сил и выработки единого плана действий ВЧК проводит специальное организационное совещание. Кроме того, из сотрудников МЧК и угрозыска создается особая ударная группа по борьбе с бандитизмом, возглавляет которую чекист Ф. Я. Мартынов. Затем публикуется обращение к населению города, в котором ВЧК, МЧК и Моссовет, отмечая усилившийся бандитизм, подчеркивают: население должно помочь в борьбе с преступниками.

Приказом московского окружного комиссара по военным делам город объявлялся на военном положении. Виновные в грабежах и насилиях, захваченные и уличенные на месте преступления, подлежали расстрелу.

Это было грозное предупреждение. Вскоре главари крупных банд почувствовали, что им не избежать заслуженной кары. Кольцо вокруг них сжималось. Раньше, чем других, возмездие настигло бандита Козулю (Филип-42 нова). Особая группа сотрудников МЧК и угрозыска сумела найти его в одной из глухих подмосковных деревень, где он пытался скрыться. Вскоре закончили свой путь бандитские шайки Чумы (Селезнева) и др. на Хит-ровом рынке. Облава на рынке дала возможность задержать значительное количество преступников, но вовремя предупрежденный Чума сумел скрыться. Только через несколько дней его поймали на вокзале при попытке уехать из Москвы в Нижний Новгород.

Через несколько месяцев попали в засаду Кошельков и его подручный — бандит Емельянов. Емельянова убили в перестрелке, а Кошелькова, тяжело раненного, отправили в лазарет, где он вскоре умер, не приходя в сознание. Настал черед и Гришки Адвоката (Плещинского): его схватили в момент подготовки к ограблению кассы Волжско-Камского банка.

В 1919 г. МЧК были арестованы, а затем расстреляны такие бандиты, как Волков — участник ряда вооруженных ограблений; Михайлов рецидивист, судившийся шесть раз; Алексеев — матерый уголовник; Лазарев — профессиональный налетчик и многие другие.

В 1920 г. по сравнению с 1919 г. число убийств сократилось на 33 %, вооруженных грабежей — в 3 раза, невооруженных — в 9 раз.

Мощный удар по преступному миру оздоровил обстановку в городе, способствовал укреплению диктатуры пролетариата, которая, по словам В. И. Ленина, «предполагает действительно твердую и беспощадную в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов, революционную власть»[{55}].

Глава 2
СТАВКИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ БИТЫ

Отпор саботажу

Значительную опасность для молодой Советской Республики представлял саботаж — одна из форм классовой борьбы буржуазии против диктатуры пролетариата. Недаром В. И. Ленин писал: «Саботаж, это — стремление вернуть старый рай для эксплуататоров и старый ад для трудящихся»[56]. После Октябрьской революции по стране прокатилась волна стачек, спровоцированных буржуазией, которая пыталась дезорганизовать работу государственного аппарата, вызвать хаос и тем самым ослабить власть Советов, а затем, опираясь на вооруженную силу, ликвидировать ее.

В начале ноября 1917 г. высшие чиновники и служащие учреждений свергнутого Временного правительства создали в Москве Центральный стачечный комитет. Комитет призвал не подчиняться Советам, срывать их мероприятия, не выполнять распоряжения комиссаров ВРК. Он делал все для того, чтобы служащие, которые перешли на сторону Советской власти, тотчас были уволены. Во главе комитета стояли кадетско-эсеровские деятели, бывшие члены Городской думы.

Городская дума пообещала служащим в период забастовки уплачивать жалованье (субсидировали такие мероприятия московские фабриканты и купцы). Для оказания материальной помощи саботажникам товарищ городского головы получил из банка обманным путем 6 млн. руб.

Кроме Центрального стачечного комитета, руководили организацией саботажа всероссийский контрреволюционный Союз союзов, Союз защиты Учредительного собрания, торгово-промышленные объединения.

Все высшие чиновники города объявили забастовку. Саботажники не являлись на работу, а если и приходили, то лишь затем, чтобы сознательно все запутать. Только заведующий московским городским водопроводом В. В. Ольденбергер сразу предложил свои услуги новой власти.

«Чтобы пробраться в здание управы, нам пришлось ползти по булыжной мостовой», — писала большевичка А. П. Мухина[57], которую однажды вместе с товарищами забросали камнями и обстреляли, пытаясь не допустить в отдел снабжения армии.

Назначенных ВРК городскими комиссарами большевиков М. Ф. Владимирского, В. А. Обуха и др. враждебно встретили чиновники Думы. В здании Думы представители власти увидели полнейший разгром: столы были поломаны, дела, которыми в свое время Комитет общественной безопасности забаррикадировал окна, валялись на полу.

Вначале комиссары попробовали разрешить все вопросы путем переговоров. Для этого они созвали в доме Лобачева собрание. Сперва, вспоминает М. Ф. Владимирский, удалось «заставить служащих нас выслушать, но вдруг появляется какой-то тип и заявляет: «От имени Стачечного комитета запрещаю говорить с захватчиками». Собрание было сорвано. После этого предложено было (Афониным и Волиным) каждому отделению управы избрать для переговоров по три уполномоченных. Служащие ответили отказом. После этих попыток мирно договориться было решено распустить всех служащих и принимать на работу лишь тех, кто даст подписку о признании бюро Совета районных дум{58} как органа городского управления»{59}.

На Московском почтово-телеграфном узле его руководители-саботажники всячески препятствовали доведению до сведения работников на местах декретов и распоряжений Советской власти. Вместо них во все концы Республики летели телеграммы и воззвания явно контрреволюционного содержания.

Надо отметить, что огромная часть низших служащих не пошла на поводу у привилегированных чиновников и осуждала их действия.

Рядовые служащие Московского телеграфа и его отделений вскоре приняли на своем собрании резолюцию, которая выражала «полное недоверие коллективу, действия коего показывают, что это есть контрреволюционное гнездо московского почтово-телеграфного узла»{60}. Г. А. Усиевич в докладе о деятельности Московского ВРК отмечал, что революционные преобразования «поддерживают все союзы низших городских служащих и против нас только комитеты высших служащих, которые объявили места под бойкотом»{61}.

Вскоре в университете Шанявского состоялось собрание представителей Союза высших городских служащих. На нем были обсуждены вопросы расширения стачки, заслушаны доклады о ходе саботажа. В решении собрания отразились глубокая ненависть к революции и стремление переложить ответственность за сложившуюся обстановку на большевиков. Делегаты заявили «протест» против вмешательства представителей ВРК в дела городского управления.

В ответ на это рабочие столицы под руководством городской партийной организации большевиков начали систематическое наступление на саботажников. 12 ноября 1917 г. общее собрание военно-революционных комитетов высказалось за принятие самых решительных мер. На следующий день этот вопрос вновь стоял на повестке дня заседания ВРК и было утверждено постановление уволить всех саботажников, а также выселить их из казенных квартир в трехдневный срок.

Идею забастовки городских служащих поддержали земские деятели, обратившиеся с приветствием к саботажникам. Еще 8 ноября 1917 г. на своем заседании Главный комитет Земского союза отказался признать Советскую власть и призвал ее полностью бойкотировать.

Прикрываясь цветистыми фразами о демократии, земские заправилы делали все для развала работы Союза, а это, в частности, отрицательно сказывалось на продовольственном снабжении армии. По признанию самих служащих, в Земсоюзе работал «всего один отдел… столовая»[{62}].

Саботаж земцев был длительным и злостным. Спустя несколько месяцев после его начала Комитет призвал к продлению забастовки и прекратил переговоры с представителями большевиков.

Центральный стачечный комитет города проявлял все большую активность. Он часто проводил совещания, выпускал обращения, действовал в соответствии с выработанным оперативным планом стачки, где каждому учреждению отводилась своя особая роль: в нужный момент те пли иные ведомства вступали в стачку или ее прекращали. Причем саботажники преследовали и пропагандистские цели. Так, организовав стачку служащих отделов снабжения, снаряжения и вооружения армии, Центральный стачечный комитет освободил два склада от участия в забастовке, стремясь создать впечатление, что действует так из патриотических соображений.

Понимая, что саботаж будет особенно эффективен, если он охватит ряд крупных городов страны, московские контрреволюционеры поддерживали своих коллег за пределами Москвы. В декабре 1917 г. руководство центральной сберегательной кассы перевело в Петроград для уплаты жалованья саботировавшим чиновникам 500 тыс. руб. (за что вскоре было арестовано).

Огромное значение для нормальной работы промышленных предприятий города имело бесперебойное функционирование банков. Буржуазия и здесь пыталась дать бой Советской власти. Саботаж банковских служащих привел к тому, что многие рабочие

Москвы в начале ноября остались без денег, рабочие городской управы два месяца не получали жалованья. Выплата пособий солдатским женам прекратилась.

Пришлось делать «выемку» в Государственном банке. Вот как описывает эту операцию заведующий финансовым отделом бюро Совета районных дум Б. Л. Афонин: «В 7 или 8 часов вечера, забрав в Московском Совете два чьих-то старых чемодана и вооруженную силу, я, Владимирский, Обух и другие явились в банк и предъявили требование о выдаче 5 миллионов рублей, которые должны быть положены на текущий счет бюро Совета районных дум и расходоваться по мере надобности. Директор и оставшийся для чего-то бухгалтер стали доказывать нам нелепость нашего желания. «Нельзя, — говорили они, — требовать открытия текущего счета, не положив в банк денег». Споры происходили больше часа… Бросив разговоры и пригрозив оружием, мы потребовали открытия кладовой и произвели выемку 5 миллионов рублей, из которых 3 миллиона рублей были заперты в шкафу в кабинете директора… На другой день происходила та же процедура… И так почти каждый день с различными вариациями производились выемки по 2–3 миллиона рублей»[{63}].

Первую «выемку» (2 млн.) привезли в Думу. Часть ее сразу же раздали представителям предприятий и учреждений. И на следующий день рабочие и служащие получили жалованье.

9 ноября 1917 г. ВРК распорядился открыть все банки. В выпущенном обращении к населению города назывались подлинные виновники сложившегося положения.

Между тем стало ясно, что промышленники попытаются теперь лишить денег рабочих и служащих путем изъятия своих капиталов. Поэтому ВРК разрешил банкам выдавать без ограничений только суммы для выплаты жалованья трудящимся и военнослужащим. Все остальные могли получать не более 150 руб. в неделю.

Вскоре рядовые служащие Государственного банка приступили к исполнению своих обязанностей. Высшие чиновники встретили это сообщение с нескрываемой злобой, они даже расклеивали по городу списки «штрейкбрехеров».

13 декабря Президиум Моссовета подтвердил решение ВРК о выдаче из Государственного банка денежных средств только для оплаты труда рабочих и служащих, а также солдатским частям, госпиталям и т. д.

Моссовет не раз обращал внимание на то, что ощущается нехватка денежных знаков. В целях правильного их распределения банки ежедневно отчитывались о расходовании

средств.

В то время как в Государственном банке финансовая жизнь постепенно налаживалась, в частных банках она по-прежнему оставляла желать лучшего.

Московский ВРК обратился к населению города с воззванием, в котором говорилось, что директора и служащие этих учреждений устроили забастовку и не хотят производить операций. Вскоре посланные в частные банки представители ВРК взяли всю работу там в свои руки.

14 декабря 1917 г. ВЦИК принял декрет о национализации банков. Через некоторое время все 18 частных московских банков были национализированы и слиты в один общий банк. Одновременно с этим произошла ревизия сейфов, в которых обнаружили огромные ценности. Введение государственной монополии на банковское дело покончило с подрывной деятельностью частных банков, являвшихся резервуаром финансирования саботажников, источником различных противозаконных финансовых операций.

Между тем в ряды забастовщиков вступили врачи, учителя, инженеры, техники и другие представители интеллигенции.

В декабре Центральный стачечный комитет объявил в состоянии забастовки весь городской санитарно-дезинфекционный аппарат, к которому присоединились врачи госпиталей и больниц. Примеру своих коллег последовал персонал и других лечебных учреждений города.

От забастовки врачей страдали лишь трудящиеся. Состоятельный московский буржуа за крупную сумму в любое время мог получить квалифицированную медицинскую помощь. Поэтому Советская власть приняла экстренные меры для наказания виновных. Дела наиболее злостных врачей-саботажников в январе 1918 г. были заслушаны в Ревтрибунале.

Процесс привлек внимание широких кругов общественности и периодически освещался в печати. В качестве свидетелей выступали сами медицинские работники. На суде выяснилась неприглядная картина. Свидетель доктор Деев сказал, что больные и раненые лежали по нескольку дней с грязными бинтами, а очередные операции откладывались. Обнаружились многочисленные факты хищения больничного имущества. Большое впечатление на присутствующих произвела речь заведующего врачебным отделом Совета районных дум Н. А. Семашко, который подчеркнул, что если забастовка городских служащих внесла развал в городское хозяйство, то саботаж врачей подверг опасности здоровье и жизнь людей. Мысль о контрреволюционной направленности забастовки

прозвучала также в речах обвинителей на процессе П. Н. Мостовенко и Г. А. Пискарева.

Для скорейшего возобновления работы в больницах Совет районных дум вступил в переговоры с врачами. В конце концов больничные врачи прекратили забастовку, а в феврале подали заявления о приеме на работу и санитарные врачи.

Особое негодование населения вызвала стачка учителей. Характерно постановление собрания родителей, состоявшегося в Благуше-Лефортовском районе, которое признало, что забастовка учителей является преступлением по отношению к народу, свергнувшему власть капитала.

В ответ на действия учителей Совет районных дум издал решение об увольнении со службы всех учителей-забастовщиков, а бюро Совета обратилось ко всем сознательным учителям с призывом выйти на работу.

Положение в области образования особенно обострилось в первые месяцы 1918 г. Приходилось объединять школы, преподавательская нагрузка возросла. Саботажников-учителей нередко поддерживали те родительские комитеты, которые состояли из представителей мелкой буржуазии. Они требовали изучения закона божьего и удаления преподавателей, признавших революцию и работавших в советской школе в тот трудный период.

Советская власть приняла срочные меры. В городе была организована сеть курсов и вечерних школ. На место уволенных приглашались учителя из подмосковных школ на льготных условиях. Затем открылись краткосрочные вечерние курсы для подготовки учителей начальных училищ. Небольшое пополнение пришло также из армейских рядов. Во время войны многие учителя оказались мобилизованными в армию. Приказом по МВО лица, имевшие педагогическое образование, подлежали увольнению в запас.

Таким образом, объединенными усилиями Моссовета, Совета районных дум и органов народного образования саботаж учителей вскоре был сломлен.

Как известно, судьбу революционных завоеваний в значительной мере решал транспорт, и прежде всего железнодорожный. Его четкая и бесперебойная работа способствовала укреплению экономики страны. Это отлично понимали враги революции и делали все для срыва железнодорожных перевозок.

В январе 1918 г. для наведения порядка на дорогах и ликвидации саботажа спецов Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) создал революционную коллегию комиссаров

Московского узла. Надо было установить контроль над всеми действиями порайонного комитета, занимавшегося регулированием движения на Московском железнодорожном узле.

Явившихся комиссаров начальник комитета встретил с едва скрываемым пренебрежением и попытался запугать трудностями работы. Но это не возымело успеха. Через некоторое время комиссары нашли сочувствующих, которые помогли им войти в курс дела.

Подобные меры оздоровили обстановку, но не пресекли окончательно происки антисоветчиков. Угрожающий размах саботаж принял на Московско-Казанской дороге. Акционерное общество, в руках которого какое-то время находилась дорога, и Главный дорожный совет в лице меньшевиков и эсеров стремились разладить дорожное хозяйство. Запасы топлива на дороге истощились, количество паровозов, нуждавшихся в незамедлительном ремонте, достигло 1200. Денег для расчета с рабочими не было. Чиновничество саботировало мероприятия революционной власти, в результате на станциях образовывались пробки из неотправленных составов.

Здесь, как и везде, борьбу с забастовщиками возглавили коммунисты. Они пришли на самые ответственные участки работы. Огромную роль в ликвидации саботажа сыграли также Военно-революционная коллегия Московско-Казанской дороги и сменивший ее институт комиссаров. С помощью Красной гвардии и рабочих-железнодорожников стачку вскоре удалось сломить и навести на дороге порядок.

Серьезное внимание вопросам пресечения саботажа уделял МК партии большевиков. Он обратился к массам и призвал пролетариат принять активное участие в налаживании работы в учреждениях и организациях города. Советы, райкомы, фабзавкомы смело выдвигали кадры из своей среды. На места саботажников становились преданные Советской власти люди. Например, на должность управляющего трамвайным хозяйством МК рекомендовал делегата II Всероссийского съезда Советов Г. А. Пискарева.

В борьбе с саботажниками активное участие принимала советская пресса. Против саботажа высших служащих выступили Центральный союз городских рабочих и низших служащих. Правление Союза высказалось за прекращение забастовки. Всех лиц, не приступивших к работе, оно предложило считать уволенными. Аналогичное требование выдвинул Совет районных дум.

Московский Совет профсоюзов также призвал к борьбе с

саботажем, так как считал «всякий саботаж открытым выступлением в настоящий момент против рабочего класса и его завоеваний и всех участников его — явными врагами пролетариата». Он рекомендовал «всем профессиональным союзам, стоящим на почве пролетарской классовой борьбы, всеми мерами бороться против подобных явно контрреволюционных выступлений, считая потворство саботажу изменой принципам классовой борьбы и пролетарской солидарности»[64].

Решительные меры к подавлению саботажа принял Моссовет. Он объявил об аресте Стачечного комитета Союза высших городских служащих. Дела чиновников Комитета поступили в Московский ревтрибунал.

В результате угроза стачечников парализовать все городское хозяйство вплоть до водопровода «провалилась самым жалким образом», отмечал председатель Моссовета М. Н. Покровский[65].

31 января 1918 г. СНК РСФСР постановил никаких больше переговоров с саботажниками не вести. Рядовым забастовщикам Моссовет предложил по поводу работы обращаться в бюро Совета районных дум. При районных думах создавались комиссии, которые персонально рассматривали дела лиц, решивших вернуться на службу. При этом предоставлялись льготы тем, кто возвращался в учреждение до официального прекращения забастовки.

21 февраля 1918 г. Моссовет признал возможным принять на службу чиновников бывших частных банков без выплаты денег за время перерыва в работе, и только тех, кто был особенно нужен.

7 марта 1918 г. состоялось собрание делегатов городских служащих. Были оглашены результаты опроса чиновников: большинство высказались за прекращение забастовки и переговоры о начале работы. Стачечный комитет к этому времени израсходовал на финансирование саботажников около 7 млн. руб.

Так, саботаж чиновничества, в котором прежде всего участвовала его привилегированная часть, был сломлен. Преодолевая сопротивление контрреволюции, рабочий класс Москвы под руководством партии большевиков создавал новый государственный аппарат из людей, вышедших из среды трудового народа. Он не забывал слова В. И. Ленина: «Товарищи трудящиеся! Помните, что ***вы сами***[15] теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете ***все дела*** государства в ***свои*** руки»[66].

Кроме подавления стачки городских чиновников, врачей, учителей, огромное значение для укрепления Советской власти имел также разгром саботажа и пресечение разного рода контрреволюционных вылазок московских заводчиков и

фабрикантов. Промышленные воротилы Москвы саботировали все мероприятия Советской власти, тайно надеясь на то, что все кончится и они снова станут полновластными хозяевами. Они увольняли рабочих со своих предприятий, портили оборудование или просто бросали заводы на произвол судьбы, предварительно прихватив всю заводскую кассу.

В этих условиях большую роль сыграл рабочий контроль. В. И. Ленин писал: «Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов. Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу…»{67} Партия считала рабочий контроль переходным этапом на пути к национализации промышленности.

14 ноября 1917 г. ВЦИК и СНК приняли Положение о рабочем контроле, разработанное В. И. Лениным.

Еще до этого Московский ВРК обратился ко всем рабочим с призывом налаживать производство, брать его под свой контроль. Затем было созвано совещание экономического отдела Моссовета вместе с представителями райсоветов, на котором обсуждался вопрос о рабочем контроле. Контроль на предприятиях поручалось проводить особым контрольным комиссиям при фабрично-заводских комитетах.

Борьбу пролетариата за осуществление декрета правительства возглавила Московская партийная организация большевиков, под руководством которой рабочие повсеместно создавали контрольные комиссии, следили за ходом производства, а в случае саботажа руководителей брали на себя управление предприятием. На фабриках и заводах рабочие строжайшим образом учитывали сырье, топливо, продукцию и т. д. Вывозить что-либо с предприятий разрешалось только с ведома контрольных комиссий. Контрольные комиссии укрепляли трудовую дисциплину, искали заказчиков, закупали сырье, противодействовали закрытию и ликвидации фабрик и заводов.

Буржуазия всеми силами препятствовала деятельности рабочего контроля. Она пыталась закрывать заводы, увольнять рабочих с фабрик, вывозить оборудование, стремилась доказать, что трудящиеся не могут сами управлять производством. Состоявшийся в декабре 1917 г. в Москве съезд Всероссийского союза обществ заводчиков и фабрикантов вынес решение о закрытии тех предприятий, где будет установлен рабочий контроль. Участились случаи поджога народного имущества. В этой связи в ряде районных комитетов партии коммунисты на общих собраниях приняли специальные решения об усилении бдительности.

Преодолевая сопротивление буржуазии, рабочий класс

Москвы, возглавляемый МК партии большевиков, все крепче брал контроль над фабриками и заводами в свои руки.

В феврале 1918 г. на 73 % предприятий города существовал уже рабочий контроль. А затем последовала национализация заводов Гужона, АМО, бр. Бромлей, Дукса и др. Решительным наступлением трудящиеся массы сорвали попытку буржуазии и реакционного чиновничества подорвать Советскую власть путем саботажа и других контрреволюционных действий. «Мы знаем, — писал В. И. Ленин, — как старый аппарат государственной власти оказал нам сопротивление, как чиновники пытались сначала отказаться от управления, — этот самый грубый саботаж был сломлен в несколько недель пролетарской властью»{68}.

Удары по спекулянтам

Война и антинародная политика Временного правительства привели хозяйственную жизнь страны в расстройство. Буржуазия, торговцы, стремясь задушить победившую революцию голодом, сознательно шли на углубление продовольственного кризиса.

Перебои с продовольствием и частое отсутствие товаров первой необходимости порождали спекуляцию. Она подрывала политику Советского правительства в области снабжения, развращала массы и плодила паразитические элементы.

Продовольственный вопрос являлся тогда одним из самых важных. «…Не проходило недели или даже дня, — говорил В. И. Ленин, — когда мы в Совете Народных Комиссаров не были бы заняты вопросом о продовольствии… когда мы не ставили бы вопроса, как бороться с голодом»{69}.

Между тем созданный до революции Московский городской продовольственный комитет, в руках которого сосредоточивалось снабжение города продовольствием, отнюдь не стремился привести в порядок свое расшатанное хозяйство. Напротив, еще во время октябрьских боев он всячески старался усугубить трудности и всю вину свалить на большевиков. ВРК, разоблачая эту грубую ложь, подчеркнул, что именно Продовольственный комитет несет ответственность за сложившееся тяжелое положение.

В Московском городском продовольственном комитете имелся отдел продовольственной инспекции, призванный следить за соблюдением законов снабжения населения и вести борьбу со спекуляцией. Но в качестве инспекторов здесь нередко выступали бывшие офицеры, присяжные поверенные, следователи и др., которые, вместо того чтобы принимать срочные и решительные

меры, занимались бесконечной канцелярской волокитой. Вопросы улучшения снабжения города и борьбы со спекуляцией стояли и на повестке дня Моссовета.

Чтобы наладить снабжение Москвы продовольствием, ВРК в начале ноября 1917 г. назначил комиссара по продовольствию (правда, встретив сопротивление руководства Продовольственного комитета, ВРК сделал ошибочный шаг, отменив это решение и ограничившись отправкой туда своего представителя)[{70}]. В конце 1917 г. были образованы Центральная комиссия по борьбе со спекуляцией при Моссовете и специальные комиссии — при районных Советах.

Центральная комиссия сразу же обратилась в районные комиссии с просьбой ежедневно сообщать о всех конфискованных товарах.

30 января 1918 г. состоялся пленум Моссовета, посвященный продовольственному вопросу. Он принял решение об улучшении работы транспорта, усилении охраны продовольственных грузов, нормировании продуктов и распределении их по карточкам, а также через общественные столовые, кухни, кооперативы, о конфискации товаров у спекулянтов с передачей дела в суд, об отправке в сельскую местность рабочих делегаций, снабженных мануфактурой для обмена ее на хлеб. Для того чтобы ограничить число приезжих, устанавливались специальные правила выдачи удостоверений на право въезда в столицу.

Президиум принял 2 марта решение провести полный учет продовольствия и товаров. По сообщениям печати, в результате переписи было обнаружено и реквизировано продуктов в марте месяце на 5 млн. руб. и в апреле на 12 млн. руб. Найдены огромные запасы сахара, мыла, тканей. По расчету, при существовавшем распределении, всего обнаруженного могло бы хватить приблизительно на 6 месяцев для всего населения Москвы[{71}].

Улучшению снабжения города способствовало создание пролетарских продовольственных отрядов. Продотряды отправлялись в деревни, чтобы как можно быстрее заготовить и доставить хлеб.

Московская партийная организация большевиков проделала большую работу по сплочению рабочих масс и мобилизации их на борьбу за хлеб. «Только общие усилия, — говорил В. И. Ленин, — только объединение всех, кто больше всего страдает в голодных городах и губерниях, нам помогут, и это — тот путь, на который вас зовет Советская власть: объединение рабочих, их передовых отрядов для агитации на местах, для войны за хлеб против кулаков»[{72}].

30 мая 1918 г. СНК РСФСР призвал рабочих к вооруженному походу за хлеб и изъятию его у спекулянтов, кулаков и мародеров. Вопрос о формировании продотрядов стоял на общегородской конференции РКП (б) в конце мая 1918 г. 4 июня МК РКП (б) утвердил основные организационные положения продотрядов и рекомендовал формировать их под контролем партийных комитетов во главе с рабочими, назначаемыми по согласованию с МК.

10 июня МК РКП (б) ввиду обострения продовольственного кризиса проголосовал за введение в Москве продовольственной диктатуры.

11 июня 1918 г. Моссовет вынес постановление о том, чтобы все фабрики, заводы, мастерские, транспортные предприятия выдвинули одного представителя от 100 рабочих в организуемые продотряды. С 23 мая по 23 июля 1918 г. в продотряды вступили 10140 человек. Отряды направлялись в различные губернии страны. Они реквизировали у кулаков 135 тыс. пудов хлеба. Состоявшийся 18 июня 1918 г. пленум Моссовета предоставил организованному президиуму продовольственного отдела Моссовета чрезвычайные права.

Продовольственная политика большевиков вызвала бурный протест меньшевиков и эсеров. На заседаниях Моссовета они резко выступали против продовольственной диктатуры, меры, принятые большевиками, отвергали и высказывались против формирования продотрядов и деятельности деревенских комитетов бедноты.

Напряженно боролись со спекуляцией районные Советы Москвы. Замоскворецкий Совет рабочих и солдатских депутатов 18 декабря 1917 г. образовал специальную районную комиссию, а его президиум предписал комиссариатам милиции обратить на расследование случаев спекуляции продовольственными товарами особое внимание. Конфискованные товары распределялись среди населения, а деньги от их реализации поступали в фонд безработных.

Замоскворецкий Совет выпускал воззвания, в которых разоблачал тех, кто прятал продукты, мешочников, ежедневно осаждавших поезда и скупавших по деревням съестные припасы для продажи по вздутым ценам. «Все на помощь в борьбе со спекуляцией! Узнавайте о проделках спекулянтов и немедленно сообщайте нам!», — призывал он{73}. Продовольственные вопросы постоянно рассматривались на его заседаниях. 29 мая 1918 г. Совет принял решение об усилении борьбы со спекуляцией и проведении в жизнь нормирования цен на продукты, 30 июня — о координации действий и создании единого органа по

искоренению спекуляции, а впоследствии — ряд других.

Деятельность Замоскворецкого Совета способствовала оздоровлению обстановки в районе, улучшению снабжения населения товарами и продовольствием. Обыски в богатых кварталах дали возможность ликвидировать притоны спекулянтов и пополнить государственные запасы некоторых дефицитных товаров. Например, при обыске у одного из спекулянтов было обнаружено 648 пудов кофе.

Аналогичная работа велась и в других районах столицы.

Пытаясь использовать временные затруднения пролетарской власти, не прочь были обогатиться нечестным путем не только различного рода темные дельцы, но и многие сотрудники зарубежных посольств, консульств, многочисленных миссий, прежде всего немецкого посольства. По указанию германского посла В. Мирбаха скупались золото, серебро, ценные бумаги и т. д. Под видом дипломатического багажа их отправляли в Германию. Однажды на Александровском вокзале в Москве носильщик случайно уронил чемодан. Из него посыпались облигации русских займов, слитки золота и серебра. Чемодан адресовался в Берлин, в военное министерство.

В мае 1918 г. по постановлению ВЧК за государственную измену и незаконную продажу немцам акций на 5 млн. руб.[16] бывшие офицеры Александр и Владимир Череп-Спиридовичи, а также их маклер были расстреляны{74}.

Не брезговали дипломаты и снабжением валютчиков германскими марками, которые те потом перепродавали. В июне 1918 г. ВЧК арестовала ряд лиц, занимавшихся в широких масштабах подобными операциями. На конспиративной квартире у валютчиков обнаружили большое количество немецких денег. У одного из германских подданных изъяли 2400 паев Потеляховского хлопчатобумажного товарищества на общую сумму 30 млн. руб.

Натаэле Потеляхов был арестован в апреле 1918 г. по подозрению в контрреволюционной деятельности. Но вскоре выяснилось, что он не только антисоветчик, но и крупный спекулянт. В ноябре 1917 г. Потеляхов купил ватную фабрику. Чтобы делать вату, как известно, нужен хлопок. В то время когда фабрика еще и не приступала к работе, хлопок уже регулярно ей поставлялся. 213 вагонов ценного сырья прошло через руки Потеляхова и было им продано перекупщикам по спекулятивным ценам. Деньги широким потоком текли в карманы жуликов.

Большую часть паев своего общества Потеляхов перевел на имя одного из германских подданных. Раскрыть преступление было нелегко. ЧК пришлось проверить бухгалтерские книги как

самого Потеляхова, так и фабрик, банка и Центротекстиля, и чекисты с честью справились с этим трудным делом. Потеляхов и его шайка получили по заслугам.

Немецкие дипломаты были не прочь вывезти в Германию и художественные ценности. Однако частенько их постигала неудача, как в случае с картиной школы Боттичелли «Мадонна с младенцем».

После революции обширное собрание картин князя А. В. Мещерского было национализировано. Но гордости галереи — знаменитого тондо школы Боттичелли — на месте не оказалось. Дважды дом Мещерских на Арбате посещал германский посол Мирбах и предлагал хозяйке за картину 1,5 млн. золотых рублей и визу на выезд в Германию. Однако шедевр был спасен[17].

Когда от Е. П. Мещерской Феликс Эдмундович узнал, где спрятана картина, он послал туда чекистов, которые с помощью дочери Мещерской извлекли ее из тяжелой портьеры.

С помощью чекиста А. Н. Прокофьева старинные музыкальные инструменты таких известных мастеров, как Страдивари, Гварнери, Амати, Бергонци, были изъяты у московских богачей и переданы государству.

Чувствительный удар по спекулирующей буржуазии и ее иностранным компаньонам нанесло разоблачение Российского союза торговли и промышленности для внешнего и внутреннего товарообмена{75}. Образованный еще до революции князем Щербатовым, профессором Федоровым, Грибовым и др. Российский союз торговли и промышленности ставил своей целью изучение русских и иностранных рынков для наиболее выгодного сбыта товаров… Популярность вновь созданное общество приобрело благодаря тому, что в него входили люди, имевшие вес в обществе: адвокаты, профессора, крупные негоцианты.

В апреле 1918 г. в ВЧК стали поступать первые сведения о расхищении народного добра членами этого Союза, об их спекулятивных махинациях. За деятельностью организации установили негласное наблюдение. Оказалось, что его контора являлась своеобразной биржей, где собирались торговые маклеры и прочие темные лица, продававшие и покупавшие огромными партиями промышленные и продовольственные товары. ВЧК не только изобличила лиц, причастных к спекуляции, но и вскрыла технику их работы, а также местонахождение товаров. Она установила, что в Союзе заправляли люди, способные на все ради наживы. Во главе его правления стоял делец П. И. Крашенинников, управляющим делами являлся А. В. Салов,

директором-казначеем числился К. М. Тахтамиров. В качестве постоянных агентов подвизались люди, имевшие прочные связи с миром спекулянтов, торговых посредников и пр. Каждый человек, пожелавший заключить сделку, должен был оформить ее соответствующим «заявлением». Но эти «заявления» часто заполнялись карандашом, редко подписывались и не регистрировались. С октября 1917 г. для запутывания следов вообще перестали вести торговые книги.

Подобные махинации могли совершаться бесконечно, если бы 25 апреля 1918 г. ВЧК не арестовала верхушку Союза. Следствие и произведенные обыски показали, что Союз прежде всего занимался спекуляцией нормированными товарами. Нити преступлений тянулись от него и к другим организациям, таким, как Штабметалл, реорганизованный из Фронтометалла, созданного для снабжения металлом прифронтовых железных дорог. В ряде городов страны существовали его отделения. Московским отделением заведовал Н. В. Яблонский-Шавровский. Он вел работу таким образом, будто это было его собственное торговое предприятие.

Арестованные дельцы предстали перед судом Верховного революционного трибунала при ВЦИК, который сурово наказал преступников. Многие из них получили длительные сроки тюремного заключения, а троих приговорили к расстрелу.

Борьба с промышленной и продовольственной спекуляцией осложнялась тем, что на руководящие посты иногда проникали люди, которые своими действиями не только дискредитировали революционную власть, но и подрывали экономику государства.

В Главном управлении по распределению металлов ВСНХ (Расмеко) окопались некие В. Каупуш, А. Чагодаев, С. Сухотин и др.

В начале июня 1918 г. по распоряжению Расмеко на одном из частных заводов неожиданно были реквизированы запасы металла. Установив незаконность этого акта, Мособлсовнархоз доложил о случившемся председателю ВСНХ, который немедленно сообщил обо всем ВЧК. На основании полученных данных ВЧК арестовала целый ряд сотрудников Расмеко.

Оказалось, что представители Расмеко попытались получить от владельца предприятия крупную взятку. Не сойдясь в сумме, инженеры управления в отместку реквизировали у него весь металл.

Выяснилось, что преступники не были новичками. Они уже и раньше пытались получить крупную сумму у другого владельца завода.

Разоблаченных шантажистов ждал один конец — скамья

подсудимых.

Огромную роль в деле разоблачения спекулянтов и искоренения спекуляции в столице играл Отдел по борьбе со спекуляцией ВЧК.

Чекисты всегда помнили слова В. И. Ленина о том, что в Москве «бездна случаев, когда спекулянты играют на голоде и наживаются на голоде, разрушают хлебную монополию, когда богатые имеют все, чего только пожелают»[76].

Сотрудники ВЧК брали под свой контроль все подозрительные склады, магазины, лавки, кафе. Периодические обыски и ревизии приносили положительные результаты. За короткий срок Комиссия обнаружила значительное количество промышленных и продовольственных товаров, а также крупные запасы валюты. Во время ревизий в магазинах и лавках были раскрыты злоупотребления и хищения при продаже продовольственных товаров. Отдел по борьбе со спекуляцией ВЧК конфисковал тонны сахара, муки, хлеб, масло, консервы.

В конце марта 1918 г. лишь за одну неделю чекисты отобрали у спекулянтов около 3 тыс. пудов сахара. На спекулянтов Попова и Щербакова ВЧК наложила штраф в миллион рублей, т. е. почти на сумму их годового дохода.

Крупные штрафы являлись одной из действенных форм борьбы со спекуляцией. Все деньги и конфискованные товары переходили в собственность Советской Республики.

Нередко устраивались неожиданные облавы — обычно в кафе и ресторанах, прежде всего на Кузнецком мосту и Тверской улице, где проворачивали свои дела крупнейшие московские биржевики, предлагавшие образцы товаров и различных изделий. Во время облав проверялись документы и задерживались подозрительные.

Враги пролетариата, стремясь использовать в своих целях временные трудности, пытались натравливать массы на Советскую власть. По утрам в длинных очередях за хлебом бойко сновали субъекты, которые вели усиленную антисоветскую агитацию. «Советы и районные управы, — нашептывали они, — имеют большие хлебные запасы, но прячут от населения».

Однажды в Благуше-Лефортовском районе толпа, подстрекаемая контрреволюционерами, направилась с угрозами к районной управе и стала осматривать имевшиеся на складе товары. Затем она двинулась к районному Совету. Справиться с положением удалось лишь после ареста наиболее активных контрреволюционеров.

Несмотря на то что постановлением правительства золотые запасы объявлялись собственностью государства, спекулянты продолжали заключать незаконные сделки 6 владельцами

золотодобывающих приисков. В Москве Орудовало преступное общество, занимавшееся продажей валюты. Его возглавляли золотопромышленники, получавшие драгоценный металл из Иркутска. Биржевики и маклеры имели тайные квартиры и склады.

В начале апреля 1918 г. чекисты обнаружили целую шайку аферистов, сбывавших золото в слитках. Отдел по борьбе со спекуляцией конфисковал и сдал в народный банк 88 кг золота. Через два месяца сотрудникам ВЧК удалось парализовать деятельность одной из «фабрик» по выделке фальшивых денег. Было изъято много готовой продукции, запасы бумаги и красок. Значительное количество подделок сбывалось в различные города России. Велась также торговля процентными бумагами.

Благодаря принятым ВЧК мерам многие из дельцов попали под суд, а их имущество было конфисковано. Так, потерпела крах меняльная контора братьев Ходаковых, систематически занимавшаяся спекулятивными операциями с процентными бумагами.

В деле разоблачения спекулянтов большую помощь ВЧК оказывали сами москвичи, которые часто обращались в Моссовет с просьбой организовать осмотр того или иного помещения. «… Видим, как товар везут обозами… Сюда везут, а вывозу нет. Мы желаем пресечь спекуляцию»{77},— писали в своем заявлении жители одного из домов на Петровке.

Немалый вред наносили Советской Республике контрреволюционеры на транспорте. Вагоны с продовольствием они загоняли в тупики, путь им на Москву преграждали тысячами пустых вагонов или заполненных другими грузами. Некоторые грузы останавливали за несколько станций до Москвы и переадресовывали в другое место для продажи по спекулятивным ценам. На заседании МК, Окружного комитета, Областного бюро РСДРП (б) и фракции большевиков исполкома Моссовета 29 января 1918 г. Г. А. Усиевич отмечал, что запасов муки в городе всего на три-четыре дня, из семи маршрутных продовольственных поездов, вероятно, будет получено не более половины.

В июне 1918 г. представители московских рабочих, собравшиеся на IV конференцию фабрично-заводских комитетов, обратились к железнодорожникам с призывом улучшить работу транспорта и усилить охрану перевозимых грузов.

Вокруг Москвы на близлежащих станциях были выставлены против спекулянтов реквизиционные заградительные отряды. Борьба с мешочничеством принимала организованный характер. Обычно входы и выходы вокзала оцеплялись. Дежурные внимательно следили за всеми пассажирами. Подозрительных

они тут же задерживали и передавали продовольственному инспектору. Это приносило хорошие результаты. Количество мешочников сократилось. Теперь проскальзывало лишь незначительное число любителей наживы.

Враги Советской власти пытались оправдать спекуляцию. Они утверждали, что мешочники якобы спасают население Москвы от голодной смерти. Однако анкетный опрос, проведенный среди задержанных на одном из вокзалов, показал, что только 5–6 % из тысячи оказались жителями Москвы и пригородов, везших муку для себя. Остальные были спекулянтами. Часть заявили, что продают муку харчевням и случайным покупателям, а 65–70 % — что они снабжают мукой лучшие московские рестораны, кондитерские и гастрономические магазины. Оттуда эти продукты попадали на стол, естественно, только к московским буржуа.

Меры, принятые на Московском железнодорожном узле, способствовали тому, что до города спекулянты по железной дороге доехать чаще всего уже не могли. Они выходили за несколько станций до Москвы и пытались пробираться пешком. Обычно им это редко удавалось. И на Брестской дороге реже встречались идущие во Внуково за продуктами (на станции и в деревне Внуково до того шла постоянная торговля мукой, хлебом, крупой, салом, сахаром). Да и в самом городе, где спекулянты имели конспиративные квартиры и центры по торговле продуктами, им нанесли чувствительные удары. Тщательно проверялись старые дома в кривых переулках и улочках, где было много разного рода притонов. Периодически устраивались Продовольственные обыски. Значительную часть замаскированных складов удавалось обнаружить. Товары, находившиеся там, конфисковались.

Московский ревтрибунал, а также специально созданный Московский продовольственный суд разбирали огромное количество дел по нарушению продовольственной политики государства. Бывали дни, когда слушалось по 60–60 дел.

Только за период с 22 апреля по 11 июня 1918 г. в Московский продовольственный суд поступило 1247 дел, общая сумма штрафов, наложенных на обвиняемых, составила 1 103 925 руб.

Огромный вред приносила спекуляция товарами, похищенными с государственных складов и баз. В 1919 г. такое случалось нередко. По сведениям МЧК, проделавшей в 1919 г. значительную работу по изучению источников поступления продуктов и товаров на «черный рынок», из 350 проверенных дел о спекуляции на советские продовольственные органы падало 110

(должностные преступления, связанные с взяточничеством).

За май — август 1919 г. Отдел по борьбе по спекуляцией МЧК раскрыл 60 крупных и множество мелких преступлений. Только за май было конфисковано около 2 млн. руб., более 51 кг золотых и серебряных изделий, на огромные суммы мануфактуры и многое другое. Отдел по борьбе с должностными преступлениями в 1919 г. обнаружил много неучтенных товаров и тайных складов. В июле были вскрыты большие злоупотребления в Центротекстиле. Всего же за май — август через отдел прошло 740 дел.

Необходимо было принимать экстренные меры. 17 сентября 1919 г. на заседании Малого Совнаркома доклад о результатах обследования «Сухаревки и спекулятивной торговли в Москве» сделал председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский. Он же предложил проект декрета по усилению борьбы со спекуляцией. 21 октября 1919 г. СНК РСФСР принял декрет «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах». Согласно декрету, при ВЧК учреждался Особый революционный трибунал по делам спекуляции, который занимался вопросами о крупной спекуляции взятыми на учет товарами и продуктами, а также вопросами о должностных преступлениях, связанных с хищениями, подлогами, взятками и т. д. Приговоры Особого ревтрибунала являлись окончательными и обжалованию не подлежали. Образовывалась также Особая межведомственная комиссия, в задачу которой входило изучение источников спекуляции, причин должностных преступлений и объединение усилий по борьбе с ними. Комиссия состояла при ВЧК.

14 ноября 1919 г. речью об остроте классовой борьбы на экономическом фронте и значении Особого ревтрибунала Ф. Э. Дзержинский открыл его первое заседание.

Спекулянты, валютчики, расхитители социалистической собственности почувствовали, что перед ними грозная сила.

В марте 1920 г. МЧК пресекла деятельность нелегальной биржи, где бывшие маклеры и банковские дельцы проводили запрещенные валютные операции, понижали курс советского рубля. По обвинению в экономической контрреволюции было арестовано несколько групп злостных спекулянтов валютой. На одной из подпольных «фабрик» чекисты конфисковали несколько миллионов рублей фальшивых денег.

В 1920 г. удалось изобличить шайку, обосновавшуюся в снабженческих органах Красной Армии, которая систематически расхищала мануфактуру и продовольствие, предназначенное для

фронта. Пятеро преступников получили высшую меру наказания — расстрел, остальные — длительные сроки заключения.

Всем видам спекуляции были нанесены довольно значительные, ощутимые удары: многие воротилы-спекулянты попали за решетку, государство вернуло огромное количество ценностей и денег.

Три антисоветских союза

После Февральской буржуазно-демократической революции московская крупная буржуазия становится одной из главных вдохновительниц непримиримой борьбы с нараставшей революцией, за укрепление буржуазно-помещичьей власти в стране. В августе 1917 г. Московское совещание общественных деятелей под председательством М. В. Родзянко учредило Совет общественных деятелей (СОД), в который вошли видные октябристы, кадеты, представители крупной промышленности и т. д.

Победу Октябрьской революции эта контрреволюционная организация встретила с нескрываемой злобой и ненавистью.

В конце января — начале февраля 1918 г. в помещении Всероссийского общества стеклозаводчиков СОД возобновил свои собрания. На них затрагивались политические, экономические, военные и другие вопросы. Причем многие из недавних сторонников войны до «победного конца» стали проповедовать сближение с Германией, видя в ней силу, способную победить Советскую власть.

После некоторых споров и разногласий СОД определил три основных направления своей деятельности: 1) борьба с Советской властью; 2) восстановление частной собственности; 3) установление конституционной монархии.

С осени 1917 г., когда М. В. Родзянко уехал на Юг, председателем СОД стал бывший товарищ царского министра внутренних дел Д. М. Щепкин. В СОД он занимался в основном сношениями с другими организациями и слыл человеком, умеющим сплотить вокруг себя людей с различными взглядами. Его заместителем являлся бывший товарищ министра внутренних дел при Временном правительстве С. М. Леонтьев, ведавший преимущественно военными вопросами. Ему отводилась заметная роль в готовившемся антисоветском перевороте. Кроме того, в СОД входили профессора В. М. Устинов, Г. В. Сергиевский, Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, а также Н. И. Астров, князья Трубецкие и ряд других «общественных деятелей».

Веря в скорое падение Советской власти, СОД заранее разрабатывал основы «будущего государственного строительства». Он составил проекты финансовой реформы, организации местного управления, судоустройства и т. д. СОД поддерживал связи с контрреволюционерами Юга и Сибири.

Другой организацией антисоветского толка являлся Союз земельных собственников (СЗС). Окончательно оформившийся при Временном правительстве СЗС, так же как и СОД, с нескрываемой ненавистью встретил победу Октября. В СЗС входили в основном помещики черносотенного оттенка, выступавшие за возвращение им конфискованных земель, а также кулаки. Союз возглавлял бывший царский министр земледелия А. В. Кривошеин; активными членами были В. И. Гурко, бывший член Государственного совета; думский деятель В. И. Стемпковский; бывший товарищ министра внутренних дел при царе и Временном правительстве С. Д. Урусов, а также помещик И. Б. Мейснер.

Не ограничиваясь разработкой проектов возврата земель, лидеры СЗС предпринимали практические шаги по борьбе с революцией. Например, в период выборов в Учредительное собрание они вели усиленную антибольшевистскую агитацию. Поддерживал СЗС контакты и с Каледине ко-корниловскими войсками. Генерал М. В. Алексеев перед началом своей авантюры по созданию Добровольческой армии на Юге проводил совещания с руководством этой организации. Беседы велись о текущем моменте, а также о формировании будущего правительства. После ратификации Брестского договора СЗС выступил с решительным протестом против мирных соглашений.

Наконец, третьей контрреволюционной организацией являлся Торгово-промышленный комитет, созданный верхушкой крупной московской буржуазии еще до революции.

Комитет объединял капиталистов хлопчатобумажной, шерстяной, льняной, шелковой и металлообрабатывающей промышленности, а также оптовых торговцев. В него входили известные промышленники и фабриканты И. А. Бурышкин, М. М. Федоров, А. М. Невядомский, Н. Н. Кукин, С. А. Морозов и др., его консультировали по финансовым вопросам видные банковские деятели. Во главе Комитета стоял С. Н. Третьяков.

Некоторые представители Комитета работали в советских учреждениях (Центротекстиль, учетные комиссии при Госбанке и т. д.). Выдавая себя за специалистов, лояльно относящихся к Советской власти, они всячески вредили ее начинаниям. «Несомненно то, — подчеркивается в «Красной книге ВЧК», — что крупная буржуазия в 1918–1919 гг. подготовлялась к захвату

принадлежавших ей ранее фабрик и заводов после падения Советской власти»[78].

Таким образом, в Москве находилось несколько крайне правых объединений, готовых выступить против власти Советов. Зная, что разобщенность не способствует успеху дела, они пришли к мысли о консолидации своих сил.

В марте 1918 г. в Москве создается первое крупное антисоветское политическое объединение — Правый центр. Он ставит своей целью ликвидацию завоеваний Октября, восстановление старых порядков.

Организаторами и вдохновителями контрреволюционного общества явились представители ЦК кадетской партии[18], СОД, СЗС, Торгово-промышленного комитета и ряд буржуазных деятелей. В состав руководящего ядра Правого центра вошли посланцы названных организаций. Общее руководство принадлежало профессору П. И. Новгородцеву и уже упоминавшемуся А. В. Кривошеину. Значительную роль играли также В. И. Гурко и С. М. Леонтьев.

Возникновение Правого центра было обусловлено также потребностью в скорейшем объединении наиболее консервативных сил буржуазии в противовес «демократическим» элементам, которые в это же время делали шаги к созданию собственной организации (будущий Союз возрождения России). Деятели Правого центра опасались их как возможных соперников.

Образованный из различных политических групп, Правый центр не представлял собой сплоченного целого. Если его члены единодушно сошлись во мнении, что Советскую власть необходимо ликвидировать, то в определении методов, с помощью которых они намеревались это сделать, их взгляды разошлись. Одна часть тяготела к Антанте, но большая высказывалась за германскую ориентацию. В то время торгово-промышленные круги не оставляли мысли о союзе с Германией. В конце концов германофильские элементы во главе с Кривошеиным настояли на том, чтобы представители Правого центра летом 1918 г. вступили в Москве в переговоры с немецким посольством. Они встречались с советником посольства К. Рицлером и обговаривали возможность «путем оккупации Центральной России свержения Советской власти и образования дружественного Германии правительства»[79]. Деятели из Правого центра разработали даже специальный документ, в котором рассматривались вопросы взаимоотношения будущих властей с германским оккупационным командованием. Немцы маневрировали и обещали помощь в зависимости от того, когда начнут активные действия русские контрреволюционеры в

Москве.

В то же время ряд представителей Правого центра вели переговоры с уполномоченными Антанты. Франция готова была дать деньги, если проводимая Центром политика будет с ней согласована. Лидеры Правого центра установили связь с монархическими офицерскими кругами, их военной организацией, имевшей своих агентов в рядах молодой Красной Армии и поддерживавшей контакты с представителями союзников. Существовал Правый центр за счет средств, получаемых от капиталистов Торгово-промышленного комитета и из-за границы.

Открытая германская ориентация определенных кругов Правого центра привела его к расколу. В мае 1918 г. конференция партии кадетов высказалась против сношений с Германией. Ее взоры обратились теперь к странам Антанты. Это решение побудило ряд кадетских представителей, а также некоторых торгово-промышленных дельцов выйти из Правого центра. Раскол значительно ослабил Центр. Некоторые из его видных деятелей бежали на Юг, а часть вскоре переметнулась во вновь образованный антисоветский Национальный центр.

В создании Национального центра участвовали кадеты, представители Торгово-промышленного комитета, СОД и др. Первым председателем Национального центра стал октябрист Д. Н. Шипов, а затем его сменил известный московский домовладелец кадет Н. Н. Щепкин. Название организации выбрали не случайно. Оно должно было импонировать Антапте и одновременно подчеркивать «общенациональный» характер этого объединения. Выдвижение престарелого Шипова на роль «вождя» объяснялось стремлением использовать его связи для того, чтобы заполучить побольше приверженцев.

Вновь созданная организация являлась организацией проантантовского толка.

Национальный центр, так же как и Правый центр, ставил своей целью свержение Советской власти. Кроме того, в его программе говорилось о восстановлении «единой и неделимой России», об учреждении единоличной диктатуры. Национальный центр стремился к открытию нового Восточного фронта, т. е. к продолжению войны с Германией.

Национальный центр поддерживал тесную связь с белыми генералами, особенно с Добровольческой армией, и находился в контакте с иностранными представительствами, аккредитованными в Москве, и щедро субсидировался ими (летом 1918 г. Центр сообщил генералу М. В. Алексееву о том, что французы выделили белогвардейцам аванс в 10 млн. руб.).

Наладил Центр прочную связь и с подпольной военной организацией, ранее служившей Правому центру. Военные заговорщические группы имели штаб, а также агентов в различных учреждениях.

Занимаясь военными приготовлениями, контрреволюционеры прилагали усилия и для углубления разрухи на хозяйственном фронте. По признанию кадета Федорова, Н. Н. Щепкин и другие руководители не раз обращали его внимание на необходимость всячески содействовать срыву работы текстильных предприятий.

Не прекращал Национальный центр и разработку проектов будущего государственного устройства (после своего прихода к власти), начатую еще СОД. Ряд профессоров во главе с С. А. Котляревским продолжали заниматься проблемами гражданского права, экономическими и другими вопросами.

Некоторые из документов сразу же отправлялись на Юг к А. И. Деникину, другие откладывались до той поры, когда новое правительство ощутит в них потребность.

Весной 1918 г. шаги к объединению с правыми группировками предприняли и так называемые социалистические партии в лице народных социалистов, меньшевиков, социалистов-революционеров. Их торг с реакционерами не дал желаемых результатов. Правым они казались опасными союзниками. Однако в марте — апреле 1918 г. новый тур длительных переговоров закончился сговором левых кадетов, энесов, правых эсеров и некоторых меньшевиков-оборонцев. Так возник Союз возрождения России. Лидером Союза до своего бегства на Юг являлся В. А. Мякотин, а затем значительную роль играл в нем С. П. Мельгунов.

«Возрожденцы» ставили задачу вооруженного свержения Советской власти и учреждения нового контрреволюционного режима — директории с последующим созывом Учредительного собрания, восстановление частной собственности, отказ от признания Брестского мира, продолжение войны с Германией и создание нового фронта и новой армии. Все это планировалось претворить в жизнь вместе с «союзниками» России.

Действовал Союз в контакте с Национальным центром. На их совместных заседаниях обсуждались волнующие обе стороны вопросы. Связь с Антантой и белогвардейскими генералами осуществлялась через Национальный центр в лице Н. Н. Щепкина. Отделения Союза были созданы в ряде городов страны, в частности в Петрограде, и даже за рубежом.

Союз возрождения имел военный центр, который направлял деятельность подпольных офицерских организаций. Предполагалось поднять восстание одновременно с подходом

вооруженных сил «союзников».

Летом 1918 г. многие «возрожденцы» отбыли на Юг (Мякотин, Пешехонов, Титов), на Север (Чайковский), а также в Сибирь, где вошли в контрреволюционные «правительства» и активно помогали иностранной интервенции.

Энесы, кадеты, меньшевики, эсеры сошлись в одном — в стремлении «возродить» буржуазно-помещичью Россию. Именно поэтому энес Н. В. Чайковский состоял в одной организации с правым эсером Н. Д. Авксентьевым, а кадет Н. И. Астров сумел найти общий язык с представителем плехановского «Единства» А. В. Бородулиным.

Образование и деятельность антисоветских объединений в Москве еще раз показали, что основной политической силой в блоке буржуазного контрреволюционного движения являлись кадеты. Видные представители конституционно-демократической партии — П. Н. Щепкин, Н. И. Астров, Н. М. Кишкин и др. — были вдохновителями и непосредственными участниками создания рассмотренных «центров? и «союзов». Между ЦК кадетской партии и этими объединениями существовала тесная связь. На заседаниях ЦК часто заслушивались сообщения Щепкина о положении дел в заговорщических организациях. Получаемые сведения использовались для усиления борьбы с Советской властью.

Оживлению работы кадетов способствовала состоявшаяся в мае 1918 г. в Москве конференция их партии. Задачи, определенные на ней, сводились по-прежнему к ярой борьбе с диктатурой пролетариата, к выражению преданности Антанте, к поддержке Деникина, к установлению единоличной власти, к сколачиванию антисоветского блока с другими контрреволюционерами.

Вскоре последовали аресты видных деятелей партии «народной свободы», после чего кадеты окончательно ушли в подполье. Член ЦК партии кадетов П. Д. Долгоруков вспоминал: «Изгнанные из дач и имений, мы должны были все лето из-за опасений ареста и расстрела вести в Москве кочевую жизнь в поисках ночлега, без прописки, опасаясь доноса швейцаров и дворников, постоянно меняя местожительство. Собиралось 2–3 раза в неделю лишь Бюро центрального комитета, человек 5–6, все лето по разным душным квартиркам на окраинах»[80].

Так прошло несколько месяцев. Осенью 1918 г. большинство кадетских лидеров встретились на Юге у Деникина, куда они бежали из Москвы.

Разгром антисоветских организаций

В феврале 1918 г., нарушив условия перемирия, немецкое командование развернуло наступление по всему фронту. Это способствовало активизации деятельности реакции.

23 февраля ВЧК в телеграмме Советам об усилении борьбы с контрреволюцией отмечала, что враги пролетариата пытались «путем вооруженного восстания ударить — Вильгельм — извне, российская контрреволюция — изнутри — в лицо и в спину Советской Социалистической Республике, помочь взять Петроград, Москву и другие российские города. Штабы этого вооруженного восстания раскрыты. Центральные штабы находятся в Петрограде и в Москве, а остальные почти по всем городам России. Названия они носят «Организация борьбы с большевиками и отправка войск к Каледину», «Все для родины», «Белый крест», «Черная точка». Многие из штабов вооруженного восстания ютятся в различных благотворительных организациях, как-то: помощи пострадавшим от войны офицерам и т. п.»{81}

В, апреле чекисты обезвредили в Москве тайную антисоветскую организацию, душой и вдохновителем которой являлся американский подданный В. А. Бари. Она снабжала наемниками войска Каледина и Корнилова на Дону.

В. А. Бари был заводчиком и одним из руководителей Русско-американской торговой палаты. Во время обыска ЧК обнаружила у него оружие, счета на крупную сумму, а также переписку, изобличавшую в контрреволюционных действиях. От американца Бари нити тянулись в другие города республики: заговорщики уделяли большое внимание своим местным филиалам. Члены организации не раз отправлялись на периферию для создания там особых ударных батальонов. Бежавших на Дон офицеров организация снабжала деньгами и соответствующими документами. Средства на вербовку тратились большие. С одной стороны, они поступали от американского посольства, с другой — от частных лиц. При аресте у контрреволюционеров нашли подробные планы московских улиц с нанесенными условными обозначениями шпионского характера.

В первый год Советской власти ВЧК ликвидировала в столице ряд других опасных заговорщических союзов: Орден романовцев, Объединенную офицерскую организацию, Сокольническую военную организацию и др. Эти группы имели шпионов в ряде советских учреждений (Красный Крест, ВСНХ, Центральное управление военных сообщений и т. д.).

Контрреволюционеры предпринимали попытки также использовать немецких и австрийских военнопленных, находившихся в Москве. 17 апреля 1918 г. в докладе ВЧК Моссовету подчеркивалось, что ведется «усиленная агитация

среди военнопленных офицеров и унтер-офицеров», что налицо «определившееся уже контрреволюционное движение», что силы, которыми «располагают главари этого движения, по агентурным сведениям, определяются около 12 тыс. человек, причем большинство из них вооружены»{82}. Готовые к выступлению военнопленные были разбиты на боевые группы и размещены на частных квартирах, а также под разными предлогами в госпиталях Красного Креста шведского и других посольств.

Исходя из сложившейся обстановки, Президиум Моссовета 20 апреля опубликовал постановление, в котором леем военнопленным, проживавшим в Москве, предлагалось в семидневный срок явиться в участковые милицейские комиссариаты для проверки документов. В противном случае, указывалось в постановлении, они будут арестованы и преданы суду. Далее говорилось, что «всех военнопленных, не имеющих разрешения Советов на право жительства на частных квартирах», следует «интернировать в особых концентрационных пунктах»{83}.

В апреле 1918 г. была проведена операция по разоружению расквартированных в Москве частей польских легионеров (имелись сведения, что командный состав польских отрядов контактировал с мятежным корпусом генерала Довбор-Мусницкого, чехословаками и контрреволюционными организациями в самой столице). Казармы поляков на Садовой-Триумфальной и в других местах окружили советские войска и у личного состава изъяли оружие. Часть офицеров они задержали. Найденная у арестованных переписка позволяла сделать вывод, что поляки были готовы поддержать назревавший мятеж чехословаков (имелись документы и о связях с французской и английской военными миссиями).

В. И. Ленин уделял особое внимание расследованию преступной деятельности заговорщиков. Старый большевик И. Н. Залогин вспоминает: «В середине июля 1918 г. Чрезвычайной комиссией Бутырского района, председателем которой я являлся, была раскрыта крупная контрреволюционная организация. Главная ее задача состояла в вербовке бывших царских офицеров и отправке их на Юг.

Вскоре об этом факте стало известно Совнаркому и лично В. И. Ленину. Как-то поздно вечером мне позвонила секретарь Председателя Совнаркома Л. А. Фотиева и сообщила, что В. И. Ленин просит меня приехать к нему в Кремль с кем-нибудь из членов Президиума исполкома Бутырского районного Совета и захватить наиболее важные документы, связанные с контрреволюционной организацией.

И вот мы с управляющим делами нашего исполкома т.

Коноплевым в Кремле. Нас провели в кабинет В. И. Ленина.

Когда мы вошли, В. И. Ленин сидел за столом, рассматривал бумаги. При нашем появлении Владимир Ильич встал и приветливо с нами поздоровался. Усадив нас против себя, Владимир Ильич попросил Л. А. Фотиеву вызвать к нему Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Взяв у меня отобранные у контрреволюционеров документы, Владимир Ильич стал рассматривать отпечатанные экземпляры антисоветских прокламаций и воззваний. Он быстро пробегал их глазами, отбрасывал в сторону и каждый раз гневно произносил:

— Какая подлость! Какая мерзость! Какая пошлость!..»{84}

Вербовка наемников велась не только представителями русской контрреволюции. Этим занимались также дипломаты иностранных государств.

1 июля вечером на Ярославском вокзале в Москве было задержано 45 «солдат» французской армии. При проверке оказалось, что французы ни слова не понимают по-французски. Этих людей (в большинстве поляков и чехов) завербовал секретарь французской миссии.

Занимавшая не последнее место в цепи контрреволюционных заговоров антисоветская деятельность иностранных посольств, консульств и миссий, располагавшихся в столице, как видим, не только не прекращалась, но постепенно даже расширялась.

Дипломатические и военные представители Антанты прилагали все силы для укрепления и дальнейшего развития контактов с реакционными кругами России. Дипломаты империалистических стран, находившиеся в Москве, не столько выполняли свои прямые функции, сколько вели подрывную контрреволюционную работу.

Французских разведчиков в России возглавлял посол Ж. Нуланс, генеральный консул в Москве Гренар, военный атташе Лаверн. Англичане имели своих обер-шпионов в лице Сиднея Рейли, Брюса Роберта Локкарта, военного атташе Хилла и Гибсона. Главными заправилами военно-политической разведки со стороны американцев были посол Д. Фрэнсис, консул Д. Пуль, а также коммерсант-шпион К. Каламатиано.

Германское посольство в столице не отставало от коллег и имело своих тайных агентов. Кайзер Вильгельм был убежден, что мир «между славянами и немцами вообще невозможен»{85}.

Империалистические круги не только оказывали моральную и материальную поддержку контрреволюционным союзам и заговорщическим организациям, но и сами активно боролись против Советской власти. Дипломаты-шпионы организовали так называемый «заговор послов», в котором главную роль играл

Б. Локкарт. Именно на Локкарта как на опытного разведчика империалистическая буржуазия возлагала большие надежды. Поэтому его преступная деятельность носила особо опасный характер.

После отъезда в Великобританию английского посла Дж. Бьюкенена в конце января 1918 г. в Россию приехал в качестве специального представителя военного кабинета Б. Локкарт, ставший фактическим руководителем британской миссии в Москве.

В стремлении помешать выходу России из войны и заключению Брестского мира, Локкарт возлагал определенные надежды на противников договора (английские, как, впрочем, и американские, и французские дипломаты, рассчитывали использовать для достижения цели внутрипартийные разногласия). Вскоре Локкарт принимается за организацию заговора против Советской власти. В помощь ему служба разведки Англии присылает Сиднея Рейли.

После прибытия в Москву Рейли довольно быстро сколотил подпольную организацию, в которую вошли бывший подполковник Фриде, агент охранки Орлов, юрист Грамматиков и др. Локкарт и Рейли действовали в содружестве с французской и американской разведками. Рейли встречался с французским агентом А. Вертамоном (Вертимоном) и американским шпионом К. Каламатиано. Для этих встреч консульство США в Москве в нужное время открывало свои двери.

После получения сигналов о контрреволюционных замыслах иностранных посольств ВЧК во главе с Ф. Э. Дзержинским приступила к разработке ответных мер. Задание проникнуть в руководящий центр вражеского подполья получили чекисты Я. Буйкис и его товарищ Я. Спрогис. В качестве «представителей» московского подпольного центра для установления соответствующих контактов они выехали в Петроград.

Две недели напряженных поисков не дали положительных результатов. Нащупать организацию не удалось.

Получив новые инструкции, через некоторое время разведчики возвратились в Петроград. Вскоре они познакомились с адмиралом, возглавлявшим заговорщиков из флотских офицеров. Тот пообещал свести их с англичанами.

Встреча с военно-морским атташе Англии Френсисом Кроми и Сиднеем Рейли произошла в ресторане гостиницы «Французская». Чекистов представили как надежных людей. Англичане настоятельно советовали им выехать в Москву и связаться с Локкартом. Кроми дал чекистам рекомендательное письмо. Через некоторое время оно легло на стол Дзержинского.

Встретившись с Локкартом, Буйкпс и Спрогпс сказали ему, что имеют связи с командованием латышских стрелков, часть которого готова выступить против Советов. Локкарт поверил Буйкису и Спрогису не сразу, но после ряда проверок изложил план свержения Советского правительства и убийства В. И. Ленина.

Для начала Локкарт предложил найти надежного командира из латышей, охранявших Кремль. «На совещании у Ф. Э. Дзержинского, — вспоминал Я. Буйкис, — на котором присутствовал и Я. Х. Петерс, решено было познакомить Локкарта с командиром одной из латышских частей, который мог бы заинтересовать Локкарта и выполнить задание ВЧК. Выбор пал на Э. П. Берзина»{86}.

Так, летом 1918 г. командир 1-го артиллерийского дивизиона латышской советской стрелковой дивизии Э. П. Берзин получил от бывшего офицера Шмидхена, в роли которого выступал Я. Буйкис, предложение сотрудничать с англичанами. Берзин предложение принял, и спустя некоторое время на квартире Локкарта произошла первая встреча Берзина с английским дипломатом. На ней обсуждались вопросы подготовки восстания в столице (в дальнейшем связь с Локкартом поддерживалась через Сиднея Рейли — Константина). Потом на Цветном бульваре состоялось свидание Берзина с Константином. Переворот, по словам Рейли, намечался на начало сентября. Контрреволюционеры предполагали в первую очередь занять Государственный банк, Центральный телеграф, телефонную станцию, арестовать правительство, а затем объявить войну Германии.

ВЧК получила данные о шпионах-заговорщиках и из других источников. Так, чекистам стало известно, что у американского консула состоялось совещание зарубежных дипломатов, на котором обсуждался вопрос о подыскании им замены ввиду скорого отъезда из Москвы и было решено оставить для продолжения подрывной работы трех резидентов: англичанина С. Рейли, француза А. Вертамо-на и американца К. Каламатиано.

Корреспондент французской газеты «Фигаро» Р. Маршан письменно информировал об этом совещании у консула Д. Пуля французского президента Пуанкаре. Никаких сомнений в подрывной деятельности дипломатических представителей не оставалось.

Дальше медлить было уже нельзя. Прежде всего обыскали квартиру артистки Елизаветы Оттен, служившую явкой для шпионов Рейли. Затем задержали и самого Локкарта. Проделавший эту операцию ночью 31 августа комендант

Московского Кремля П. Д. Мальков вспоминал: приехав на квартиру Локкарта в Хлебный переулок, все «четверо — мои помощники, я и Гикс[19] — вошли в спальню… Локкарт спал на оттоманке, причем спал настолько крепко, что не проснулся, даже когда Гике зажег свет. Я вынужден был слегка тронуть его за плечо. Он открыл глаза.

— О-о! Мистер Манков?!

— Господин Локкарт, по постановлению ВЧК вы арестованы. Прошу вас одеться. Вам придется следовать со мной. Вот ордер.

Надо сказать, что ни особого недоумения, ни какого-либо протеста Локкарт не выразил. На ордер он только мельком глянул, даже не удосужившись как следует прочесть его. Как видно, арест не явился для него неожиданностью»{87}. Обыскав квартиру, П. Д. Мальков доставил дипломата-шпиона в ВЧК. Далее последовали аресты и других контрреволюционеров как в Москве, так и в Петрограде.

Западные правительства и буржуазная печать шумно протестовали против действий Советской власти. В Лондоне даже был арестован наш представитель М. М. Литвинов.

С разоблачением антисоветской кампании выступил народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин. Он заявил, что Советское правительство было вынуждено создать такие условия, при которых дипломаты-заговорщики не смогли бы продолжать свою преступную деятельность.

Вскоре Локкарта задержали вторично (первый его арест был кратковременным), а затем, после освобождения М. М. Литвинова, ему разрешили покинуть нашу страну.

Суд над шпионами во главе с Каламатиано состоялся в ноябре 1918 г. Локкарта, Рейли, Гренара и Вертамона судили заочно[20]. Заговор иностранных дипломатов был ликвидирован.

Несостоявшееся восстание

Хотя в течение первого года после установления Советской власти ряду контрреволюционных организаций в столице был нанесен ощутимый удар и многие из них перестали существовать, враги не сложили оружия. Ф. Э. Дзержинский говорил, что это «был период самой острой и беспощадной борьбы с раскрываемыми контрреволюционными организациями… период самой напряженной внутренней борьбы с теми, которые поддерживались и опирались на союзных империалистов»{88}.

Такую поддержку получал кадетско-белогвардейский Национальный центр.

Основной костяк Центра по-прежнему находился в Москве, а его местные комитеты имелись как в Советской России, так и на Юге, Кавказе, в Сибири. Для координации действий и налаживания тесных контактов с Добровольческой армией туда выехали руководители Национального центра Астров, Степанов и Федоров. Там они образовали филиал Центра *и* стали принимать живейшее участие во всех делах в качестве советников, а затем и членов деникинского «правительства». Это, по мысли верхушки объединения, давало им возможность по мере продвижения деникинцев на север автоматически распространять на захваченных территориях свое политическое влияние. Если в Москве Национальный центр вел работу тайно, то в Киеве, на Кубани — открыто.

Члены Национального центра организовывали и поддерживали кулацкие восстания, вели подрывную работу на железнодорожном транспорте, взрывали мосты, инспирировали злостный саботаж в учреждениях и на предприятиях, составляли именные списки видных коммунистов, которых они хотели уничтожить, а также фабриковали сборник с тенденциозной подборкой материала о деятельности Советской власти, призванный дискредитировать пролетарскую революцию.

Через свою петроградскую организацию летом 1919 г. контрреволюционеры из Национального центра установили связь с английским шпионом II. Дюксом. Из Петрограда Дюкс приехал в Москву и при содействии своей помощницы Н. В. Петровской встретился с С. М. Леонтьевым, а затем и с Н. Н. Щепкиным. Дюкс предложил заговорщикам 500 тыс. руб. в месяц на содержание их организации.

Крепла связь Национального центра и с военным антисоветским объединением — Штабом Добровольческой армии Московского района, который признал политическое руководство со стороны Центра.

Эта военно-заговорщическая организация, считая себя частью белогвардейских добровольческих войск, наступавших на Москву, на Советскую Республику, наладила прочные контакты с белогвардейскими генералами и союзниками, протянула свои щупальца к некоторым красноармейским частям, учреждениям. Она опиралась на свою агентуру в Высшей школе военной маскировки, Высшей стрелковой школе и Окружной артиллерийской школе, курсанты которых состояли преимущественно из бывших офицеров.

Члены Штаба имели хорошую военную подготовку. Организация, созданная по образцу будущего корпуса, располагала отличным вооружением, даже артиллерией.

Командиры дивизий, бригад, полков, батальонов, рот, батарей и т. д. были назначены заранее. В случае надобности могли быть использованы даже броневики одной из военных школ.

Штаб Добровольческой армии Московского района возглавлял бывший генерал Н. Н. Стогов, после его ареста — бывший генерал С. А. Кузнецов, а после ареста последнего — бывший полковник В. В Ступин, являвшийся начальником штаба этой организации, в которой насчитывалось 800 кадровых офицеров.

Штаб контрреволюционеров выработал детальный план вооруженного восстания, которое намечалось на вторую половину сентября 1919 г. Начать выступление предполагалось в Вешняках, Кунцеве и Волоколамске, отвлечь туда силы из столицы, а затем поднять мятеж и в самой Москве. Город по Садовому кольцу был разделен на сектора. Наиболее важными секторами считались Замоскворецкий, Лефортовский, Пресненский, Сущевско-Марьинский. На Садовом кольце заговорщики намеревались установить артиллерию, на прилегающих улицах — построить баррикады, отрезать правительственные учреждения от пролетарских районов, захватить вокзалы и артиллерию на Ходынке, а после этого сделать решающий бросок в центр города, к Кремлю.

Враги предполагали «при успехе восстания в Москве овладеть московскими мощными радиостанциями, сообщить всем частям Красной Армии на фронте о падении Советской власти, внести тем самым замешательство в ряды Красной Армии и открыть фронт армиям Деникина»[{89}]. А полчища Деникина заняли уже Харьков, Царицын, Воронеж, Курск, Орел. Кроме того, с северо-запада на Петроград двигались войска генералов Юденича и Родзянко, на севере орудовали белогвардейцы и интервенты, на востоке велись ожесточенные бои с Колчаком. В такой сложной и тяжелой обстановке подавление контрреволюции в тылу сыграло бы чрезвычайно важную роль, было бы существенной помощью фронту.

Значительный вклад в разгром заговорщических сил в столице внес Комитет обороны Москвы, созданный по инициативе Ф. Э. Дзержинского. Он являлся одним из чрезвычайных органов в деле мобилизации всех трудящихся на приведение Москвы в состояние боевой готовности.

Отмечая заслуги Комитета в борьбе с контрреволюцией, резолюция Общегородской конференции РКП (б) от 24 сентября 1919 г. подчеркивала, что образованный «Московским Комитетом и Московским Советом рабочих и красноармейских депутатов Комитет обороны г. Москвы, задачей которого является в этот

трудный и решительный момент революции быстрое подавление контрреволюции в столице, за короткий срок своего существования принял ряд целесообразных мер по ликвидации белогвардейских заговоров и по приведению рядов борющегося пролетариата в полный порядок»{90}.

Уже в начале сентября 1919 г. в Москве было введено военное положение. В связи с этим значительно усиливалась охрана учреждений и предприятий, движение по улицам прекращалось в 23 часа, вооруженные патрули обходили свои участки, контролировали въезд и выезд из города. Неработающее население подлежало регистрации.

Значительная часть коммунистов была переведена на казарменное положение. Они составили также костяк отрядов особого назначения, которые широко использовались ВЧК для проведения облав и ареста контрреволюционеров.

Непосредственная участница событий тех лет старый член партии Е. Я. Драбкина вспоминает: «Как-то вечером нас вызвали в райком партии. На эту ночь все члены партии Городского и Краснопресненского районов были мобилизованы для проведения массовой облавы в центральных кварталах Москвы. По улицам расхаживали усиленные патрули. У ворот и парадных дежурили посты. В квартирах, на чердаках и в подвалах проводились сплошные обыски.

Прежде чем приступить к делу, участников облавы собрали во дворе дома на Рождественском бульваре, где помещались районный комитет партии и штаб отряда особого назначения. Член коллегии ВЧК Мартын Янович Лацис обратился к присутствующим с напутственным словом.

Он говорил о том, что за последнее время произошло множество случаев предательства, измены, шпионажа, перехода на сторону врага. За всем этим угадывается *широкий контрреволюционный заговор* (курсив наш. — *В. К.*)»{91}.

Каждый дом обыскивала специальная группа проверенных людей. Их встречали испуганные «господа», но чаще — молодые люди с военной выправкой и плохо скрываемой злобной усмешкой.

В одном из домов на Тверской улице группа, в которую входила Е. Я. Драбкина, на чердаке обнаружила шашки, патроны, несколько наганов, запасный ствол от пулемета а в пустой квартире — склад одежды, мешки с мукой, ящики консервов.

Возвратившись утром в штаб отряда особого назначения, вспоминает далее Е. Я. Драбкина, она услышала лаконичные доклады руководителей специальных групп: «Изъято оружие: винтовки разные, сабли, тесаки, военный бинокль, револьверы,

палатка, брюки офицерские, шинели офицерские, седла кавалерийские, кобуры, порох, патроны винтовочные, ленты пулеметные… Проживают женщины, а вещи оказались мужские… Открыв шкаф, мы обнаружили в нем неизвестного гражданина, при котором не оказалось документов, но оказался револьвер системы «наган» и денег триста одиннадцать тысяч двести семьдесят четыре рубля одиннадцать копеек»{92}.

Тогда же были обнаружены подпольная типография, имевшая четыре плоскопечатные машины, готовый набор номера антисоветской газеты и тысячи листовок контрреволюционного содержания.

МЧК сообщала 13 сентября, что массовые обыски оздоровили обстановку в городе и позволили изъять значительное количество спрятанного оружия. Проведение указанных экстренных мер не давало возможности контрреволюционерам активизироваться, сковывало их инициативу, постепенно сужало кольцо вокруг их заговорщических центров, подготавливало и приближало их разгром.

Действительно, вскоре органам ВЧК удалось наконец напасть на след Национального центра.

Первая ниточка, которая вела к ядру организации, была обнаружена еще в июне 1919 г. При ликвидации мятежа на «Красной горке»[21] стало ясно, что на Петроградском боевом участке существует разветвленная шпионская сеть. Тогда же у убитого под Петроградом перебежчика нашли документы на имя бывшего офицера А. Никитенко и спрятанное в папиросе письмо, адресованное генералу Родзянко и подписанное «ВИК».

В июле на финской границе у двух других задержанных шпионов обнаружили зашифрованное донесение для штаба Юденича, подписанное так же таинственно «ВИК». Следствие установило, что донесение шпионы получили от петроградского инженера кадета В, Штейнингера. После ареста он признался, что является разыскиваемым «ВИКом». Оказалось, что «ВИК» был членом руководства петроградского филиала Национального центра. Аресты контрреволюционеров лишили Юденича многих шпионов в тылу советских войск.

Пресечению враждебной деятельности заговорщиков большое значение придавал В. И. Ленин. 22 августа заместитель начальника Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновский представил В. И. Ленину доклад, в котором сообщались сведения о контрреволюционном Национальном центре. «В настоящий момент, — подчеркивалось в докладе, — мы имеем уже в руках нити центральной организации»{93}. Ответом В. И. Ленина явилась его записка Ф. Э. Дзержинскому от 23 августа 1919 г. В

ней он предлагал обратить на операцию по ликвидации врагов революции «***сугубое*** внимание. Быстро и энергично и ***пошире*** надо захватить»[{94}].

В июле в Вятской губернии в руки чекистов попал агент Колчака Н. Крашенинников почти с миллионом рублей, предназначенных для московских контрреволюционеров. Его доставили в Москву и поместили в тюрьму. Оттуда Крашенинников пытался передать две записки, адресованные Н. Н. Щепкину или А. Д. Алферову.

Главарь Национального центра был арестован в ночь на 29 августа 1919 г., причем, как говорит в своих воспоминаниях старый чекист Ф. Т. Фомин, Ф. Э. Дзержинский «сам произвел обыск квартиры и арестовал… Н. Н. Щепкина»[{95}]. Щепкина взяли в тот момент, когда он принимал донесение от лазутчика Деникина. Во дворе обнаружили тайник, буквально начиненный шпионскими материалами. Вот их неполный перечень:

«1. Записка с изложением стратегического плана действий Красной Армии от Саратова.

2. Сводка о составе армий Западного, Восточного, Туркестанского и Южного фронтов на 15 августа 1919 г. с указанием номеров дивизий и мер, принимаемых советским командованием для укрепления Южного фронта (переброска частей с Восточного фронта), а также с описанием плана действий одной из армейских групп на Южном фронте.

3. Сведения о численности и дислокации частей 9-й армии Южного фронта (по дивизиям) по состоянию на 20 августа.

4. Подробное и весьма точное описание Тульского укрепленного района с указанием количества и мест расположения зенитных батарей, а также сведения о расположении базисных складов на Южном фронте.

5. Датированное 22 августа письмо членам «правительства», содержавшее сведения о сношениях, деньгах и планах московской организации Национального центра и тексты лозунгов, которые должны быть провозглашены при продвижении «добровольческой» армии к Москве…

6. Письмо, содержавшее военно-шпионские данные об отдельных армиях, предположительных стратегических планах советского командования и сообщение об имевшихся в Москве белогвардейских силах»[{96}].

Даже простое перечисление этих документов свидетельствует об огромном вреде, который наносил Центр обороноспособности Советской Республики.

Произведенный тогда же обыск у А. Д. Алферова позволил обнаружить еще немало важных секретных документов. В своих

мемуарах Ф. Т. Фомин пишет, что после обсуждения плана операции у Ф. Э. Дзержинского он и три бойца во главе с членом Коллегии ВЧК В. А. Аванесовым отправились на Малую Дмитровку. «Машину мы остановили в ближайшем переулке, а сами пошли к серому дому, где жил один из главарей заговора — Алферов. Квартира его была одновременно и местом явки заговорщиков.

Войдя во двор, мы осторожно поднялись по черному ходу в бельэтаж. В ночной тишине гулко раздался наш стук в дверь. Старческий голос испуганно спросил:

— Кто там?

— Милиция, — ответил Аванесов.

— Что вам нужно?

— Ищем дезертиров.

— Дезертиров у нас нет.

— Откройте!

Дверь чуть приотворилась. Я рванул ее на себя, и мы вошли в тускло освещенную кухню. Перед нами стояла женщина в накинутом на плечи пальто, по-видимому прислуга.

— Где Алферов?

— Они спят…

Обыск длился всю ночь. Измучились мы, надо сказать, порядком. Перелистали все книги, отбили в комнатах плинтуса, подняли весь паркет, но ничего не нашли. И уже только под самое утро взгляд Аванесова остановился на мраморном пресс-папье, украшавшем письменный стол. Аванесов осторожно развинтил его, снял верхнюю мраморную плитку, и мы увидели под ней сложенный вдвое небольшой листочек тонкой бумаги, сплошь исписанный бисерным почерком, — длинный перечень фамилий»{97}. Кроме того, в квартире была найдена записная книжка с именами и зашифрованными телефонами многих участников заговора; некоторые из них тут же были вызваны к Алферову.

Утром чекисты привезли в ВЧК Алферова и доложили Дзержинскому о проделанной работе. «Измученное бессонницей и нечеловечески напряженным трудом лицо Феликса Эдмундовича мгновенно просветлело, он пробежал глазами список и уверенно сказал: «Теперь все в наших руках!»{98}.

Разматывая далее вражеский клубок, чекисты напали на след военной организации заговорщиков — Штаба Добровольческой армии Московского района. Дело в том, что в засаду, оставленную на квартире Щепкина, помимо прочих, попался и белогвардеец П. Мартынов, состоявший в этой организации. От него и от добровольно явившегося в ВЧК врача одной из военных

школ удалось узнать о существовании заговора среди военных, причем врач просил обратить особое внимание на начальника Окружной артиллерийской школы бывшего полковника Миллера. Особый отдел ВЧК выяснил, что Миллер пытался получить для артиллерийской школы скорострельные пушки, а в личное пользование мотоцикл. Ему выделили только мотоцикл… с чекистом в качестве водителя.

Тревожные сигналы поступали и из других источников…

Под Москвой, в Кунцеве, находилась Высшая школа военной маскировки, созданная по инициативе бывших офицеров братьев Сучковых. Однажды в школу для проверки постановки партийной работы приехала инструктор МК РКП (б). Ожидая в коридоре отсутствующего комиссара школы, она невольно подслушала разговор курсантов о готовящемся выступлении против Советской власти. Проявив хладнокровие и выдержку, женщина узнала фамилии участников разговора и немедленно поехала в ВЧК, к Дзержинскому.

Вызвала подозрение и другая военная школа, расположенная в Кусково. Ее курсантами были в основном бывшие юнкера и офицеры. Под видом инспектора библиотечного отдела Народного комиссариата просвещения (Нарком-проса) РСФСР туда для разведки направился комендант Кремля П. Д. Мальков. Выяснилось, что, как и кунцевская, эта школа также ненадежна.

Вскоре ВЧК уже знала адреса многих контрреволюционеров.

В ночь на 19 сентября 1919 г. заговорщики из Штаба Добровольческой армии Московского района были арестованы. Помимо чекистов, в операции участвовали солдаты, кремлевские курсанты, рабочие-коммунисты. Были также разоружены военные школы. За решетку попало около 700 человек.

Успеху проведенных операций способствовали тесные контакты между Ф. Э. Дзержинским и ЦК РКП (б). Партийному руководству чекистскими органами Феликс Эдмундович придавал первостепенное значение[22].

Нанеся сокрушительные удары по врагам пролетариата, ВЧК в обращении «Ко всем гражданам Советской России!» дала убийственную характеристику заговорщикам: «Рабочие! Посмотрите на этих людей! Кто собрался вас продать и предать? Тут и кадетские домовладельцы, и «благородные» педагоги со шпионским клеймом на лбу, офицеры и генералы, инженеры и бывшие князья, бароны и захудалые правые меньшевики. Князь Андронников, друг Распутина и Николая, обвинявшийся в германском шпионаже, кадет Щепкин, председатель Национального центра, генерал Махов, барон Штремберг и меньшевик Розанов, попавший в засаду на квартире истинно

русского шпиона Вильгельма Штейнингера, — все смешалось в отвратительную кучу разбойников, шпионов, предателей, продажных слуг английского банка»{99}.

ВЧК сумела вовремя сорвать коварные планы реакции, но окончательно ликвидировать все звенья Национального центра и родственных ему организаций удалось несколько позднее.

Арест в феврале 1920 г. новой группы контрреволюционеров, в том числе Н. Виноградского и С. Котляревского, помог выявить многих заговорщиков и добраться до неизвестного ранее Тактического центра.

История создания этого объединения восходит к зиме 1918/19 гг., когда у бывшей экономистки Е. Кусковой собирались представители различных контрреволюционных огранизаций Москвы. Несмотря на разногласия тактического характера, все они сходились в одном — в лютой ненависти к Советской власти. Стремление всех групп «русской общественности» — от монархистов до правых эсеров — выработать единую антисоветскую платформу, а также давление военных способствовали тому, что контрреволюционеры сделали решительные шаги навстречу друг другу[23], пошли даже на взаимные уступки: монархисты соглашались на Национальное собрание, а «социалисты» признавали военную диктатуру.

«Известия ВЦИК», выступившие в августе 1920 г. с серией разоблачительных статей, по этому поводу писали: «…В апреле 1919 г. образуется Тактический центр, объединяющий СОД, НЦ и СВ[24]. Договорившиеся группы остановились на следующей общей платформе: восстановление государственного единства России; национальное собрание, долженствующее разрешить вопрос о форме правления в России; единоличная диктаторского характера военная власть, восстанавливающая в стране «порядок» и разрешающая на основе признаваемого права личной собственности ряд неотложных мероприятий экономического и социального характера; вместе с тем ТЦ высказывается за признание Колчака верховным правителем России. В Тактический центр входят от НЦ — Н. Н. Щепкин и Герасимов, имея заместителем С. Е. Трубецкого; от СВ — С. П. Мельгунов и от СОД — Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев. Вслед за образованием Тактического центра в его заседаниях последовательно принимают участие руководители военной организации. Решение наиболее важных вопросов возлагается в целях конспирации на особую военную комиссию в составе Н. Н. Щепкина, С. М. Леонтьева и С. Е. Трубецкого. Эта комиссия имела целью наиболее точное и полное осведомление представителей всех трех политических организаций[25] об общем военном положении

и подготовлявшихся шагах»{100}.

В августе 1920 г. именитые профессора и «популярные общественные деятели», приверженцы конституционной монархии, земцы и промышленные тузы, стремившиеся повернуть колесо истории вспять, предстали перед Верховным революционным трибуналом.

Государственный обвинитель Н. В. Крыленко справедливо сказал на процессе о том, что в зале заседаний вершится суд революции над «теми людьми, которые в эпоху величайшего в мире переворота дерзнули поднять против него руку»{101}.

Крах «защитников свободы»

Не последнее место в цепи заговорщических организаций занимал Союз защиты родины и свободы. Центр Союза находился в Москве. Его возглавлял наемник русского и иностранного капитала Б. В. Савинков.

Этот некогда известный эсеровский боевик, организатор покушений на видных царских сановников и великого князя враждебно встретил Октябрьскую революцию и стал ее непримиримым противником. В дни Октября он участвовал в красновской авантюре, а после ее провала скрывался на белогвардейском Дону. Однако долго он там не задержался. Савинков чувствовал, что монархисты не простят ему былых увлечений взрывами и покушениями на августейших особ и терпят его временно. К тому же Савинков всегда стремился быть первым, а тут приходилось довольствоваться вторыми ролями.

В.середине января 1918 г., стремясь объединить контрреволюционные силы, Савинков отправился сначала в Петроград, а спустя некоторое время в Москву.

Обстановка в столице способствовала осуществлению его плана. К весне 1918 г. здесь оказалось немало бывших офицеров. Не желая мириться со своим поражением, они стали объединяться в многочисленные тайные союзы и группы. Именно в их лице Савинков нашел единомышленников. И он, не теряя времени, развернул бурную деятельность по формированию контрреволюционного объединения, получившего название Союз защиты родины и свободы. Вместе со своим помощником, артиллерийским полковником А. П. Перхуровым, Савинков сколотил ядро Союза.

Структура Союза была тщательно продумана и законспирирована: каждый рядовой член знал только одного человека, а каждый руководящий — четырех. Во главе всей

организации стоял Савинков. Вооруженными силами ведал царский генерал Рычков, начальником штаба был полковник Перхуров. В штабе имелось несколько отделов: мобилизационный, оперативный, агитационный, террористический, иногородний, конспиративный, разведки и контрразведки, снабжения. Все члены Союза получали жалованье.

Новички принимались в организацию по рекомендациям. Старший по чину назначался начальником группы. Переписка была зашифрована.

Штаб Союза располагался на Остоженке, в Молочном переулке, в доме № 2. Для прикрытия его деятельности доктор Д. С. Григорьев открыл здесь медицинский кабинет, где постоянно дежурил кто-нибудь из руководства. Отсюда, из Молочного переулка, исходили все распоряжения на текущий день.

В апреле 1918 г. Савинков послал донесение на Дон о проделанной работе и получил от генерала Алексеева полное одобрение.

Привлекая под свои знамена антисоветчиков разных мастей: эсеров, кадетов, меньшевиков, монархистов и беспартийных, — Савинков проявил необычайную изворотливость и постарался под флагом беспартийности затушевать свои истинные цели и программу. С каждым он вел разговор на понятном для того языке.

В руководящее ядро Союза Савинков включил монархистов Рычкова и Перхурова. Однако для «наружного употребления» упорно распространялась версия о том, что помыслы организации сводятся к созыву Учредительного собрания, которое решит дальнейшую судьбу страны.

По мнению Савинкова, следовало создать твердую и сильную власть во главе с «лидером нации», на роль которого он давно готовил себя. Естественно, об этом Савинков до поры до времени предпочитал особенно не распространяться.

Ближайшие задачи Союза защиты родины и свободы сводились к свержению Советской власти, установлению единоличной военной диктатуры, созданию новой армии для войны с Германией, опираясь на «союзников», — именно Антанта финансировала Союз. Особенно тесные отношения установились с французами. Французский посол Ж. Нуланс и консул Гренар пристально следили за деятельностью Союза. По заявлению самого Савинкова, от французов он получил около 2,5 млн. руб.

Савинков имел связи также с английской и американской разведками. Впоследствии английские шпионы Б. Локкарт и С. Рейли признали это.

В субсидиях не отказывали и чехи. В начале марта 1918 г. в московском отеле «Националь» состоялись встречи Т. Масарика с Савинковым. Вскоре Масарик черев своих людей передал организации 200 тыс. руб.

Союз защиты родины и свободы поддерживал контакты с другими антисоветскими объединениями и партиями: с эсеровскими центрами, белогвардейскими генералами. Встречи Савинкова с эсерами были частыми. На них обсуждались вопросы, касавшиеся совместных действий, и шел разговор на чисто политические темы. Это особо отмечал заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс на заседании Моссовета 25 июня 1918 г.

Ячейки Союза защиты родины и свободы действовали в Петрограде, Киеве, Ярославле, Казани, Рыбинске, Костроме и других городах страны. Эти группы были довольно большими. Например, казанская организация насчитывала 500 человек и располагала значительным количеством оружия. Всего к концу мая в Союзе состояло в Москве и провинциальных городах России до 5,5 тыс. человек, объединенных в пехотные, кавалерийские и саперные подразделения. Причем только в московской пехоте имелось 400 офицеров. В распоряжении заговорщиков находилась типография, выпускавшая антисоветские листовки.

В Москве агенты Савинкова проникли в некоторые советские государственные и военные учреждения. Так, савинковцами являлись начальник одного из эскадронов Красной Армии, один из руководителей продовольственной милиции. В Петрограде савинковцы пролезли на флот и «трудились» над приведением в негодность военных кораблей.

Члены Союза участвовали во всякого рода бандитских налетах, вылазках и грабежах.

Для подготовки восстания в Москве савинковцы занимались предварительной разведкой в городе. Им важно было знать, в каких домах находятся советские учреждения, где размещены воинские подразделения Красной Армии, склады.

Контрреволюционеры вынашивали злодейский план покушения на В. И. Ленина. За вождем пролетариата они установили слежку. Подготовкой этой операции руководил лично Савинков. К счастью, осуществить замысел савинковцам не удалось.

Более того, Союзу защиты родины и свободы в Москве и Казани был нанесен ощутимый удар. Все началось с того, что чекисты задержали юнкера Иванова (Мешкова). Этот молодой человек лечился в больнице Покровской общины. Симпатизируя одной из сестер милосердия, он посоветовал ей покинуть Москву, так как вскоре, по его словам, в городе должно было начаться

восстание. Эти сведения от сестры милосердия поступили к командиру латышского полка, охранявшего Кремль, а затем в ВЧК. За юнкером установили наблюдение. Вскоре была обнаружена одна из подозрительных квартир в Малом Левшинском переулке. В квартире произвели обыск и арестовали находившихся там 13 заговорщиков. На столе в ворохе бумаг чекисты обнаружили военные схемы, а у задержанных — машинописный экземпляр программы Союза защиты родины и свободы, печати, пароли, казанские и московские адреса.

На допросах Иванову раскрыли глаза на происходившие события, и после некоторых колебаний он назвал имена 11 офицеров, состоявших в организации.

Вскоре был арестован один из деятельных членов московской организации Союза, бывший штабс-капитан Пинка (Пинкус). Он при условии сохранения жизни согласился выдать всю организацию.

В это же время ВЧК получила письмо от рабочего Нифонова, который сообщал, что частный медицинский кабинет в Молочном переулке посещают подозрительные господа.

К вечеру 30 мая ВЧК арестовала до 100 членов Союза. Однако Б. В. Савинкову, А. П. Перхурову, Д. С. Григорьеву и некоторым другим на этот раз удалось скрыться.

У задержанных нашли много фальшивых печатей и штемпелей ряда советских учреждений, а также документы, благодаря которым они могли вести подрывную работу. В нескольких случаях контрреволюционеры оказали вооруженное сопротивление, в результате чего были жертвы.

Арестовала ВЧК мятежников и в Казани.

Неудачи не отрезвили Савинкова. Да и союзники, финансировавшие организацию, требовали решительных действий. Французский посол Нуланс подталкивал к началу выступления. В июне 1918 г. был окончательно разработан план восстания, сводившийся к захвату Верхней Волги и продвижению мятежников с помощью англо-французского десанта на Москву. Не последняя роль отводилась и чехословацкому корпусу. Для реализации плана французы выдали савинковцам 2 млн. руб. Познакомившаяся (по просьбе Савинкова) с намерениями Союза военная комиссия Национального центра одобрила его замыслы, хотя впоследствии и отрицала этот факт. «Как раз в июле 1918 года, — говорил В. И. Ленин, — тучи, казалось бы, самые грозные и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики… Лето 1918 года совпало с громадным заговором в Ярославле, который был, как теперь доказано и признано участниками, вызван французским послом Нулансом…

С востока врагу в это время удалось захватить Самару, Казань, Симбирск, Сызрань, Саратов. С юга казацкие войска, подкрепляемые германским империализмом, — это установлено с полной точностью, — подкрепляемые германским империализмом, получали деньги и вооружение. Враги напали на нас, они окружили нас с двух сторон, они издевались над нами»{102}.

Однако планы врагов Советской власти не осуществились. Отряды Красной Армии и вооруженных рабочих, руководимые большевиками, совместными усилиями нанесли савинковцам в Ярославле, Рыбинске, Муроме сокрушительные удары и подавили мятежи (надежда повстанцев на помощь «союзников» из Архангельска не сбылась).

Контрреволюционеры не смогли закрепиться в городах Верхнего Поволжья (16 дней они продержались лишь в Ярославле, превратив его, как отмечалось в отчете о разрушениях города, из «чистого, уютного и красивейшего волжского города… в грязный, наполовину уничтоженный город с громадными площадями-кладбищами, покрытыми развалинами и остатками пожарищ…» {103}).

Мечта соединить в единый антисоветский фронт войска интервентов на севере с мятежным чехословацким корпусом на востоке для совместного похода на Москву рухнула.

Савинков вскоре бежал за границу. В августе 1924 и он проник в пределы СССР, был арестован органами Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) и предстал перед судом.

Не удалось избежать возмездия и руководителю ярославского мятежа полковнику Перхурову. Через четыре года его разоблачили, и вскоре Перхурова в Ярославле судила Военная коллегия Верховного ревтрибунала. Ему был вынесен смертный приговор.

Разгром Союза защиты родины и свободы выбил еще одно, и очень опасное для революции, звено в общей цепи многочисленных заговоров.

«К бомбам Каледина… бомбы лжи»

Не последнюю роль в борьбе с Советской властью отводила буржуазия прессе. «Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас, — указывал В. И. Ленин, — и во много раз. Дать ей *еще* такое оружие, как свобода политической организации (=свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической

организации), значит облегчать дело врагу, помогать классовому врагу»[104]. Вождь революции подчеркивал, что большевики не допустят, чтобы «к бомбам Каледина» добавлялись «бомбы лжи»[105]. Для упрочения Советской власти нужно было ликвидировать антисоветскую пропагандистскую машину.

Борьба с буржуазной прессой началась еще до победы Великого Октября. И в этом огромная заслуга большевистской печати.

В Москве до Октябрьской революции существовало несколько изданий, стоявших на платформе большевиков. С марта 1917 г. начал выходить боевой орган московских большевиков газета «Социал-демократ» (тиражом от 47 тыс. до 60 тыс. экземпляров), перед самым Октябрем — «Деревенская правда», в работе которой принимали деятельное участие большевики И. И. Скворцов-Степанов и М. С. Ольминский, сотрудничали В. А. Карпинский, Г. А. Усиевич, А. С. Серафимович. Большой популярностью пользовались «Известия Московского Совета рабочих депутатов».

Утром 26 октября 1917 г. буржуазные газеты не вышли. В начале ноября на заседании МК, Областного бюро и Окружного комитета РСДРП (б) специально рассматривался вопрос о контрреволюционной печати. Принятая резолюция подчеркивала, что буржуазные газеты закрываются до организации повой власти. Были опечатаны типографии «Русских ведомостей», «Русского слова», «Утра России», «Раннего утра».

Вопрос об антисоветской прессе не сходил с повестки дня Московского ВРК[106], который не проявил, однако, должной твердости в его решении.

На утреннем заседании 6 ноября Московский ВРК признал возможным возобновить выход буржуазных газет в зависимости от назначенного срока выборов в Учредительное собрание. М. Н. Покровскому и И. И. Скворцову-Степанову поручалось выработать декрет о печати. В тот же день на вечернем заседании декрет о печати был утвержден. В нем говорилось, что ввиду прекращения в городе военных действий, в преддверии выборов в Учредительное собрание, предполагающих свободу агитации для всех партий, ВРК постановляет: с 8 ноября разрешить в Москве возобновить работу всех органов печати при условии, что они выдадут зарплату рабочим за время их вынужденного простоя. Разрешая выход буржуазных газет, ВРК предупреждал их владельцев о недопустимости агитации против Советской власти. Но такие газеты, как «Труд», «Вперед», стоявшие на соглашательских позициях, и др., упорно продолжали заполнять свои страницы клеветой на Советскую власть.

Между тем Декрет о печати, подписанный В. И. Лениным 27

октября 1917 г., требовал принятия самых решительных мер в борьбе с контрреволюционной прессой. Согласно декрету, закрытию подлежали органы, призывавшие к неповиновению правительству и деяниям преступного характера, вносившие смуту, извращавшие факты. Несколько позднее, на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета и представителей профсоюзов Я. М. Свердлов в ответ на жалобы Л. Мартова о «несправедливости» по отношению к буржуазной прессе заявил, что у нас есть свобода печати, но не для того, «чтобы враги Советской власти могли сеять панику, раздор в России»{107}.

После обсуждения вопроса о печати в ноябре 1917 г. во ВЦИК была принята резолюция, в которой подчеркивалось, что восстановление «так называемой «свободы печати», т. е. простое возвращение типографий и бумаги капиталистам — отравителям народного сознания, явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской революции, т. е. мерой безусловно контрреволюционного характера»{108}.

Советская власть, проводя гибкую политику, использовала, кроме насильственных, также экономические меры воздействия на буржуазную печать. Декрет СНК «О введении государственной монополии на объявления», принятый в начале ноября 1917 г., был направлен на подрыв материальной базы издателей, получавших огромные прибыли от печатания объявлений. В декрете говорилось: «Печатание за плату объявлений в периодических изданиях печати, равно в сборниках и афишах, а также сдача объявлений в киоски, конторы и т. п. учреждения объявляются монополией государства»{109}. На эту сторону дела не раз обращал внимание В. И. Ленин. На одном из заседаний ВЦИК он говорил: «Частные объявления должны быть признаны монополией»{110}.

9 декабря 1917 г. Президиум Моссовета заслушал доклад комиссара по делам печати большевика В. Н. Подбельского[26] о нарушении буржуазной прессой военной цензуры, введенной в связи с объявлением Москвы на военном положении с 8 по 20 декабря 1917 г. (предварительному просмотру подлежали все сообщения в периодических изданиях, касавшиеся политической жизни страны). Президиум потребовал усилить контроль за просмотром цензурой политических материалов.

Через несколько дней, 12 декабря, Моссовет постановил все буржуазные газеты закрыть, так как они не подчинились требованиям военной цензуры и не представили материалы на просмотр в Комиссариат по делам печати.

Вскоре газеты, однако, снова стали выходить. Но контроль за

антисоветской прессой в особо сложных обстоятельствах всякий раз усиливался. Так, при очередном введении 24 февраля 1918 г. военного положения Чрезвычайный штаб МВО издал приказ, по которому все органы печати обязывались помещать правительственные и военные сообщения только после их тщательной проверки. Комиссар по делам печати, в свою очередь, обязал владельцев типографий на выпускаемой продукции ставить обозначение фирмы.

Однако для более эффективной борьбы с контрреволюционной прессой и нарушением ею существовавшего законодательства требовался специальный судебный орган. Им стал учрежденный Советским правительством Ревтрибунал печати. В его компетенцию входили преступления в антинародных целях, совершенные с помощью прессы. Ревтрибуналу предоставлялось право применять различные виды наказаний: от денежного штрафа до лишения виновных всех или некоторых политических прав.

«Решения Революционного трибунала печати окончательны и обжалованию не подлежат, — говорилось в декрете о трибунале. — Комиссариат по делам печати при Совете рабочих и солдатских депутатов приводит в исполнение постановления и приговоры Революционного трибунала печати»{111}.

Московский ревтрибунал печати, приступивший к своим обязанностям в марте 1918 г., просуществовал недолго. В апреле на основании доклада представителя Московского ревтрибунала и мнения коллегии НКЮ СНК г. Москвы и Московской области постановил Ревтрибунал печати упразднить и передать его дела в Московский ревтрибунал.

Однако до переезда Советского правительства в Москву, несмотря на все ограничения и судебные преследования, антисоветская пресса, поддерживаемая меньшевистским руководством профсоюза печатников, чувствовала себя менее стесненной, чем в Петрограде.

Вскоре на эту сторону дела обратил внимание В. И. Ленин. На заседании СНК РСФСР 18 марта 1918 г. (в связи с начавшейся клеветнической кампанией антисоветской печати, выступавшей против ратифицированного Брестского мирного договора) был рассмотрен вопрос о московской буржуазной прессе. СНК предложил НКЮ войти в контакт с Моссоветом и ВЧК, с тем чтобы немедленно закрыть антисоветские газеты и предать суду их редакторов и издателей.

На следующий день МК РКП (б) обратился в Моссовет с предложением закрыть газеты, боровшиеся с революцией и сеявшие панику среди населения. 19 марта 1918 г. Президиум

Моссовета обязал В. Н. Подбельского усилить надзор за контрреволюционной прессой. Наиболее злостные печатные органы (в их числе газеты «Московский вечерний час» и «Мысль») были закрыты.

Поскольку в стране ощущался недостаток бумаги, а распоряжения Советской власти требовалось довести до каждого человека, было решено использовать для их распространения не только официальные издания, по и буржуазную прессу.

3 апреля 1918 г. вышло постановление ВЦИК, обязывавшее буржуазные газеты печатать декреты, распоряжения и приказы как центральных, так и местных советских органов. За нарушение данного нормативного акта многие газеты поплатились крупными денежными штрафами. Например, одну из московских газет комиссар по делам печати оштрафовал на 10 тыс. руб.

После перенесения столицы в Москву большую работу по борьбе с злоупотреблениями печати проводила также ВЧК. Ф. Э. Дзержинский придавал этой стороне деятельности ВЧК первостепенное значение. В мае 1918 г. он обратился в Моссовет с просьбой передать все дела по борьбе с контрреволюционной прессой Чрезвычайной комиссии.

Буржуазная пресса, являвшаяся орудием московских капиталистов, натолкнулась на решительное противодействие со стороны рабоче-крестьянской власти.

Глава 3
ЧЕРНЫЕ БРАТСТВА НЕ ДОСТИГЛИ ЦЕЛИ

Под грохот канонады

В царской России церковь была одним из звеньев полицейско-бюрократического государственного аппарата, ярым противником всего нового, верным защитником самодержавия. Антисоветская деятельность московских церковных кругов явилась прямым продолжением их контрреволюционной деятельности, начатой задолго до того, как власть в городе полностью взял в свои руки пролетариат.

В августе 1917 г. в Успенском соборе, в Кремле, открылся Всероссийский собор православной церкви. Наряду с иными проблемами на повестке дня стоял вопрос о восстановлении патриаршества. Дебатировался он долго. Одни архиереи были — за, другие — против.

Минуло несколько месяцев, свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, власть в городе перешла к Советам, и вопрос об избрании патриарха отодвинул на второй план все другие проблемы.

Почему же так случилось? Нетрудно догадаться. Победу пролетариата церковь встретила с нескрываемой ненавистью и стала собирать силы. В этот момент ей и понадобился вождь. Выражаясь военным языком, у контрреволюционной церкви была многочисленная армия (рядовые священники, монахи и т. п.), имелся свой генеральный штаб (вселенский собор), но не было главнокомандующего.

Кто же претендовал на роль вождя, «спасителя отечества»? Трое желающих: Антоний, Арсений и Тихон. Все — крайние реакционеры, твердолобые монархисты, мечтавшие восстановить на престоле императора.

5 ноября в храме Христа Спасителя из золотого ковчежца иеромонах Зосимовой пустыни Алексий, перекрестившись, вынул одну из трех опущенных туда записок с именами кандидатов. В ней значился митрополит Тихон.

8 ноября в Успенском соборе состоялась интронизация патриарха Тихона. Его обрядили в дорогие одежды, вручили патриарший посох и произнесли приличествующие случаю

елейные речи. Торжества закончились банкетом, благо деньги у вселенского собора не переводились (достаточно сказать, что в 1918 г. на его нужды частные лица и церкви Москвы пожертвовали около 116 тыс. руб.).

Для того чтобы лучше понять «деяния» нового главы церкви, вернемся к событиям октябрьских дней.

28 октября 1917 г. на улицах города шли ожесточенные бои. В тот же день в приходских и монастырских церквах по указанию митрополита Тихона служили молебны об «утишении страстей народных», призывавшие пролетариев города прекратить борьбу. Но только пролетариев. Священники утверждали, что сохраняют нейтралитет, и с возмущением отвергали просьбы красногвардейцев дать им возможность запять колокольни. Другое дело юнкера. Для тех двери церквей всегда открывались настежь. Юнкера заняли храм Христа Спасителя и установили пулеметы наверху и в саду (возле храма). Огневые точки находились в Иверской часовне, церквах на Мясницкой, Поварской, Большой Никитской улицах и т. д.

Не только церкви, но и монастыри служили надежным убежищем контрреволюционерам. Укрывшись за толстыми стенами Зачатьевского женского монастыря, белогвардейцы расстреливали из пулеметов революционные части. Этот монастырь они облюбовали недаром: он защищал подступы к штабу МВО. Рабочим и солдатам пришлось брать его штурмом.

В Рогожском районе упорное сопротивление оказали белые, засевшие с пулеметом на колокольне церкви Сергия. По рабочим баррикадам стреляли из мортиры и пулеметов, установленных в Андрониковом монастыре. Продвижению красногвардейских отрядов по Варварке и Солянке мешали юнкера, занявшие колокольни церквей. Колокольни кремлевских храмов также были использованы в качестве пулеметных гнезд.

2 ноября, когда крах врагов революции стал очевиден, делегация от собора в составе митрополита Платона, епископа Нестора и других с пением молитв отправилась в Московский ВРК. Здесь она пыталась склонить руководство к свертыванию борьбы и миру с юнкерами. Но безуспешно. Впоследствии митрополит Платон докладывал собору, что у входа в здание ВРК толпа солдат встретила их словами: «Где вы были раньше? Зачем мешаете религию в наши дела? Зачем тут духовенство? Оно уже известно своим раболепством. Идите лучше к своим юнкерам»{112}. 8 ноября собор принял обращение к ВРК о прекращении преследования контрреволюционеров. Специальная делегация духовенства ходатайствовала о смягчении их участи. Желая показать свою преданность «героям-юнкерам», владыки

выразили им сочувствие.

Реакционеры в рясах

Вскоре церковники состряпали воззвание под сенсационным заголовком «Вопль из священного Кремля», в котором звучали призывы спасти Кремль от «разрушения и поругания». Затем собор избрал особую комиссию для обследования «кремлевских святынь».

Разъясняя провокационный смысл раздуваемой церковью шумихи, Е. М. Ярославский писал: «Почему вы не подняли голос протеста, когда *юнкера первые открыли орудийный огонь по Кремлю?* Вы сеяли ветер — пожинайте бурю!»{113}.

10 ноября 1917 г. пролетарская Москва хоронила героев, павших в октябрьских боях. Хоронила без соблюдения церковных обрядов. Церковь снова подняла шумиху.

Не преминули церковники выразить свое отрицательное отношение и к ряду вопросов, решение которых входило в компетенцию только Советского государства.

Пытаясь использовать немецкую военщину для свержения диктатуры пролетариата, священники яростно выступили против заключения Брестского мира. Стремясь сохранить прежние позиции, соборные деятели в декабре 1917 г. приняли Постановление о правовом положении церкви в России, в котором требовали оставить православной церкви принадлежавшее ей имущество, предоставить право беспрепятственной коммерческой деятельности, не закрывать духовные школы и т. д.

Пытаясь удержать прежние позиции в учебных заведениях города, церковники провели совместное заседание родительских организаций Москвы и учителей закона божьего, которое приняло решение запретить ученикам посещать школы, где не преподают закона божьего.

Новый 1918 г. патриарх ознаменовал посланием (от 19 января), которое явилось злобной клеветой на революцию. В послании Тихон предостерегал народ от вступления в какие-либо контакты с Советской властью и призывал прихожан оказывать сопротивление правительственным мерам, «пострадать за дело Христово».

20 января состоялось соборное присутствие. Открывая сессию, патриарх подчеркнул, что собор должен направить все свои усилия на борьбу с большевиками, а устройством церковной жизни он может заняться и потом. Все присутствующие единодушно одобрили антисоветскую деятельность Тихона и

приняли решение разослать по консисториям «богоугодное» послание «святейшего» с предложением перепечатать его в приходах и распространить среди прихожан.

Московские церкви мгновенно откликнулись на этот призыв. Послание размножили. С амвонов полились контрреволюционные проповеди. Из Москвы «слово патриарха» пошло гулять по многочисленным епархиям России. Вскоре стали поступать сведения с мест, что в селах подозрительные личности распространяют контрреволюционное послание Тихона, призывающее свергнуть Советскую власть.

Духовенство еще до опубликования декрета об отделении церкви от государства объявило непримиримую войну пролетарской власти[27].

Антисоветские манифестации

После принятия декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» контрреволюционная деятельность духовенства усилилась. Декрет явился правовым актом, обеспечивавшим полную свободу совести, направленным на раскрепощение народа, освобождение его от религиозных пут. Воплотились в жизнь слова В. И. Ленина, который еще до Октября говорил: «Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви»{114}.

Опубликование и проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» духовенство расценило как покушение на весь строй церковной жизни. В знак протеста собор прпзвал все церкви Москвы устроить специальные молебствия и крестные ходы. На соборном заседании протопресвитер Н. А. Любимов сообщил, что 28 января намечается крестный ход, который завершится молебствием на Красной площади. Рекомендовалось отслужить молебны и в других местах.

Началась подготовка антисоветской демонстрации. Широко распространялось контрреволюционное послание патриарха. Члены собора заранее отправились в приходы. Накануне во всех церквах служили всенощные. Попы подстрекали толпу к антисоветским выступлениям.

26 января Моссовет принял решение, не запрещая проведение крестного хода, ограничить его масштабы. Командующему войсками МВО, комиссару по гражданской части Москвы и главному штабу Красной гвардии поручалось принять все меры к

предотвращению возможных погромов. Районные Советы приводились в боевую готовность. Население извещалось об антисоветской направленности манифестации.

С разоблачением поповского фарисейства не раз в 1918 г. выступал большевистский МК. Так, одна из его листовок отмечала; «Завтра потянутся на площадь все тунеядцы, монахи, монашки, фабриканты, купцы, ростовщики, интеллигенты, которые с детства не ходили в церковь и только теперь вспомнили о боге, когда провалился их саботаж. Пойдут завтра и старики, и темные женщины, которые привыкли гнуть спины перед сильными мира сего и у которых нет сил и смелости их разогнуть…

Но завтра не будет тех, кто перестал гнуть шею перед богатым, кто борется на деле за братство, свободу и равенство, кто «душу свою полагает за други своя», кем воистину руководит «любовь к ближнему своему, как к самому себе». Не будет завтра тех, кто борется за освобождение себя и всего человечества от гнета и насилия капитала, против возобновления братоубийственной войны во имя его, против обмана и темноты, которые сеют попы, служа не богу, а мамоне»[{115}].

28 января 1918 г. во главе состоявшегося крестного хода шли участники церковного собора, открыто продемонстрировавшие свою ненависть к Советской власти. За ними тянулись немногочисленные богомольцы. Расчеты церковников на то, что за ними пойдут рабочие, все население Москвы, не оправдались. Сознательные граждане выступили против провокационной затеи. В своих письмах они разоблачали ее антисоветскую сущность. 26 января Моссовет от одного из жителей получил письмо, в котором прямо говорилось, что попы готовятся устроить «кровавую баню». Далее автор просил принять все меры к «недопущению бойни»[{116}]. Другой москвич счел своим долгом поблагодарить за воззвание к гражданам города, а также за позицию в отношении крестного хода.

Однако антисоветская агитация оказывала влияние на определенную часть населения.

14 февраля из Ярославля от комиссара Упорова поступила телеграмма, в которой говорилось, что в связи о разнузданной пропагандой духовенства в городе и окрестностях объявлено чрезвычайное положение.

17 апреля 1918 г. СНК г. Москвы и Московской области принял специальное постановление, в котором предложил местным Советам самым решительным образом бороться с контрреволюционной деятельностью и агитацией духовенства. На это же обращалось внимание органов ВЧК (им рекомендовалось

свои действия в отношении церковников предварительно согласовывать с СНК г. Москвы и Московской области).

Вскоре церковь провела новый демарш. Делегация от духовенства посетила СНК РСФСР и потребовала отмены декрета о свободе совести. Через некоторое время в храме Христа Спасителя Советы публично были преданы анафеме.

Религиозные фанатики, ободренные патриаршим благословением, нередко жестоко расправлялись с представителями Советской власти.

В мае 1918 г. кулаки и сектанты в Павловском Посаде и близлежащих деревнях с готовностью подхватили призыв духовенства выступить против власти большевиков. Контрреволюционно настроенная толпа напала на Совет. Здание запылало. Когда находившиеся там люди попробовали выбраться через слуховое окно, их встретила оружейная стрельба. Некоторые члены Совета, пытаясь спастись, прыгали в толпу. Над ними тут же учиняли самосуд. И только прибывшие из Москвы, Орехова-Зуева и Богородска отряды красноармейцев сумели навести порядок. Тогда же в Саввино-Сторожевском монастыре, в окрестностях Звенигорода, вспыхнул поповско-кулацкий мятеж, жертвами которого стали советские работники, в их числе молодой коммунист, продкомиссар Константин Макаров.

Церковные объединения

Антисоветские действия церковь стремилась ввести в определенное организационное русло. Она стала настойчиво рекомендовать православным создавать союзы и братства, которые охраняли бы церковные богатства, а также союзы учащихся, их родителей и т. п.

11 января на собрании Пастырского союза священник Медведь сделал доклад о создании при московских церквах и приходах особых братств. Несколько позднее тот же Медведь явился вдохновителем основания пресловутого Братства союза ревнителей и проповедников православия.

30 января 1918 г. в епархиальном доме состоялось собрание представителей приходских советов Москвы, на котором решили все приходы города объединить в Союз объединенных приходов. Здесь же был избран его руководящий орган — Совет объединенных приходов. На следующий день открылось первое заседание Совета. Оно выработало тактику борьбы с революционной властью.

В постановлении Синода и патриарха в феврале 1918 г. была

сделана попытка оформить и укрепить объединенные братства и приходские союзы. В нем содержались конкретные указания относительно организации мирян в союзы при всех церквах, а также монастырях. Для сохранения церковных богатств и нрав юридического лица предлагалось не называть братства религиозными.

В особом циркулярном письме Совет объединенных приходов рекомендовал благочинным уездов Московской губернии примкнуть к Совету и прислать в Москву своих делегатов. Кроме того, Совет пропагандировал идею использования в антисоветских целях «набатного звона». Это была особая тактика борьбы церкви с властью рабочих и крестьян.

Когда Замоскворецкий районный Совет потребовал передать в его ведение церковно-приходскую школу, священник Казанской церкви на Калужской площади Авенир Полозов приказал ударить в набат. Из трактиров и лавок народ повалил на площадь, и тогда перед возбужденной толпой, воспользовавшись благоприятной ситуацией, появился сам Полозов, который попытался настроить людей на выступление против народной власти. Один из членов районного Совета был избит. Разогнать толпу удалось только с помощью воинских подразделений. Авенир Полозов был задержан и передан в распоряжение Следственной комиссии.

В ответ на это церковники стали распространять нелепые слухи о том, что Совет будто бы пытается захватить церковное имущество. Для разъяснения происшедших событий Президиум Замоскворецкого райсовета обратился к населению с воззванием, в котором разоблачал провокацию Полозова и предупреждал, что за подобные действия подстрекатели и впредь будут строго наказываться.

Антисоветские выступления, провоцируемые церковниками с помощью набатного звона, приняли довольно значительные масштабы, и Советское правительство вынуждено было издать Декрет о набатном звоне. В нем говорилось, что виновные в организации антисоветских сборищ с помощью набата (а также рассылки различных гонцов и т. д.) будут предаваться суду революционного трибунала. Подвергались суду и все соучастники этих преступлений.

Созданные церковью объединения действовали вкупе с другими контрреволюционными организациями. И неудивительно, ибо, например, во главе Совета объединенных приходов стоял бывший обер-прокурор Синода монархист А. Д. Самарин, а его ближайшими соратниками были бывший присяжный поверенный и юрисконсульт Синода Н. Д. Кузнецов, священник-черносотенец А. А. Полозов, протоиереи Цветков и

Успенский, крупный торговец Емельянов. По призыву патриарха Тихона различные антисоветские союзы и братства стали возникать и в других городах страны.

Появление каждой новой организации патриарх горячо приветствовал. В телеграмме в Рославль он писал: «Преподаю благословение на открытие братства защиты православной веры, молитвенно желаю ему успеха»{117}.

Для объединения сил на местах и налаживания руководства их работой при патриаршем престоле был учрежден Всероссийский совет приходских общин — духовенство сделало все, чтобы создать единый механизм, подчиненный центру, находившемуся в Москве.

Для привлечения трудовых масс на свою сторону церковники использовали так называемую Христианско-социалистическую рабоче-крестьянскую партию, которой покровительствовал сам Тихон.

Эта партия проповедовала христианский социализм, пыталась проникнуть в рабочую и крестьянскую среду и посеять иллюзии, что все социальные проблемы можно разрешить с помощью религии. На борьбу с революцией по существу нацеливал партию ее устав, принятый после Октября.

Однако Христианско-социалистическая партия авторитета в массах не завоевала *и* популярности у них не приобрела. По приговору пролетарского суда в 1919 г. деятельность Христианско-социалистической партии была признана вредной, и на следующий год она прекратила свое существование{118}.

Церковное руководство стремилось также опереться на поддержку зарубежных религиозных организаций и иностранных посольств. Желание установить контакты с церковниками выразили и иностранные дипломаты.

Английский консул дважды посещал патриарха. Тихон был непосредственно связан с Б. Локкартом. Он интересовался ходом «заговора послов» и с нетерпением ждал его реализации. Патриарх обещал отслужить молебен тотчас после свершения переворота, а англичан и французов представить народу как спасителей России.

В мае — августе 1918 г. заведующий отделом пропаганды при французском генеральном консульстве граф де Шевильи несколько раз встречался с Тихоном и вел переговоры по поводу высадки на Севере союзных войск и выработки методов свержения Советской власти. Патриарх благословил интервенцию и пожелал ее организаторам удачи. Наладил Тихон отношения и с церковной контрреволюцией на Украине, в Польше, Латвии, с клерикалами Норвегии, Швеции, Ватикана. С Польшей патриарх

поддерживал контакты через секретаря польской миссии, с Латвией — через епископа Иоанна, с оккупированным Архангельском — через архиепископа Нафанаила.

В Москве глава русской церкви вел переговоры с Тактическим центром. Видные деятели Тактического центра Д. М. Щепкин и С. Д. Урусов получали от него деловые, практические советы и, в свою очередь, регулярно информировали о проделанной работе. С Национальным центром патриарх общался через С. А. Котляревского и А. В. Карташева.

Не остановились церковники и перед созданием своего рода «ударной гвардии». Под видом охраны патриарха они попытались сколотить особые боевые отряды «отборных верующих» в возрасте до 40 лет. Яркую характеристику некоторым «гвардейцам» дал комендант Московского Кремля П. Д. Мальков. Он впоследствии вспоминал, что при посещении резиденции патриарха ему в узком коридоре повстречались «шесть дюжих молодцов в сюртуках из личной охраны Тихона. Рожи у всех зверские как на подбор, пришибут и не пикнешь»{119}.

Контрреволюционное духовенство стремилось помешать Советской власти провести некоторые политические мероприятия.

Очень хотелось церковникам сорвать празднование 1 Мая 1918 г. Для начала собор напомнил верующим, что «в скорбные дни страстной седъмицы» всякие празднества и уличные шествия недопустимы. Затем церковники взялись за подготовку своего контршествия. Чтобы предотвратить провокацию в день пролетарского праздника, СНК г. Москвы и Московской области 24 апреля принял постановление не допустить крестного хода 1 мая, произвести аресты контрреволюционного духовенства, распространить популярную листовку с объяснением замыслов церковников. Райсоветы Москвы получили указание строже следить за тем, что происходит в церквах, и о случаях проведения антисоветской агитации информировать ВЧК.

30 апреля в газете «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области» была напечатана статья Е. М. Ярославского «Тяжелое оскорбление», в которой автор заклеймил действия церковников.

1 мая тысячи рабочих вышли на улицы столицы, планы духовенства провалились.

Для разоблачения церковных иерархов МК РКП (б) и Моссовет умело использовали свою печать, со всей беспощадностью вскрывая сущность проводимой духовенством политики.

В «Известиях Советов рабочих, солдатских и крестьянских

депутатов г. Москвы и Московской области» (№ 87) появилась статья «Контрреволюционные чудеса». В ней жителям города раскрывались глаза на источники и цели распространения злостных антисоветских слухов.

Значительную роль сыграло также обращение «К населению г. Москвы», помещенное в 99-м номере той же газеты. В этом воззвании большевики разъясняли политику Советской власти в отношении церкви, а также рассказывали о контрреволюционных действиях священнослужителей.

Решительное наступление

Один из пунктов декрета об отделении церкви от государства гласил: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием.

Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»{120}.

Экономические интересы церкви всегда играли главенствующую роль в ее деятельности. «Служители бога» скорее были готовы простить отрицание доброй половины своих вероучений, чем потерю части доходов. И когда декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» положил конец бесконечному ограблению населения, московское духовенство забило тревогу. И понятно почему: в его руках были сосредоточены значительные ценности. Епархиальные доходы от одних недвижимых владений составляли несколько миллионов рублей в год. Монастыри, гостиницы, доходные дома, торговые ряды, заводы и т. д. приносили церкви огромные прибыли{121}.

Церковь оказывала сопротивление революционной власти, скрывала свое имущество{122}, не предоставляла денежные суммы в Казначейство. Юридический отдел Моссовета не раз отмечал, что многие церкви и монастыри не исполняют распоряжений Советской власти, против них предлагалось возбуждать в суде уголовные дела.

Не по нутру пришлась также духовенству передача ряда принадлежавших ей строений в ведение городского коммунального хозяйства.

Известно, что Москва изобиловала монастырями. Их насчитывалось более двух десятков (с весьма обширной территорией). Монастыри располагали немалым количеством жилых помещений, а вокруг ютились в тесных каморках рабочие

семьи, не хватало зданий для школ, больниц, советских учреждений.

После того как особая комиссия обследовала городские монастыри, было предложено монахов из монастырей выселить, а освободившуюся площадь использовать для нужд рабочих{123}.

Выселена была и многочисленная монастырская «братия» из Кремля.

В кремлевском Чудовом и Вознесенском монастырях нашли приют многие церковники. Они подчинялись собственному уставу и открыто выражали свою неприязнь к революционной власти. Когда Советское правительство переехало в Москву, дальнейшее их пребывание в Кремле стало нежелательным. Поэтому комендант Кремля П. Д. Мальков попросил В. И. Ленина и Я. М. Свердлова санкционировать их удаление. Вскоре последовало соответствующее распоряжение Я. М. Свердлова.

Основная часть выехавших монахов обосновалась на Троицком подворье, в резиденции патриарха Тихона. Вместе с личными вещами церковники прихватили и немало драгоценностей, среди которых были исторические реликвии. Узнав об их местонахождении от бывшего послушника, П. Д. Мальков с двумя чекистами отправился на Троицкое подворье. Здесь он явился к эконому и спросил о ценностях. «Вижу, — вспоминал П. Д. Мальков, — перетрусил эконом не на шутку, но молчит, только глазами по сторонам шныряет и все больше в один из углов посматривает. Глянул и я туда. Вроде ничего особенного: на стене рукомойник, под ним таз на табуретке, на полу коврик. Постой-ка, постой, зачем же он там лежит? Как будто ковру там не место, возле рукомойника. Отодвинул табуретку, отшвырнул коврик: так и есть. Под ковриком в полу щель, в половицу вделано железное кольцо. Дернул я за кольцо и открыл вход в подвал»{124}. Там и были найдены спрятанные сокровища.

Летом 1918 г. чекисты обнаружили скрытый за иконой тайный ход в Чудовом монастыре. В несгораемом шкафу они нашли утаенные от власти ценности{125}.

В то же время ВЧК сумела пресечь антисоветскую деятельность ряда священников во главе с протоиереем Восторговым.

Восторгов — друг Распутина, один из активных деятелей Союза русского народа и других погромных объединений, убежденный монархист, мечтал о восстановлении династии Романовых. После победы Октябрьской революции он под флагом защиты православной веры неустанно призывал к борьбе с Советской властью. И не только призывал.

Летом 1918 г. ВЧК получила сведения о том, что на квартире протоиерея Восторгова будет совершена крупная незаконная торговая сделка. К назначенному времени комиссар ЧК отправился на квартиру протоиерея. Там ему представилась живописная картина. За бутылкой коньяка восседали сам Восторгов, епископ Ефрем, священник Карнеев, бывший присяжный поверенный Крутицкий и купец первой гильдии Погарев. Обмывали приобретение Погаревым миссионерского дома по Неглинному проезду (в продаже дома деятельное участие принимал протоиерей Восторгов)[28], за который патриарх Тихон получал кругленькую сумму — 1,6 млн. руб., передававшуюся ему как бы временно, под залог дома.

На что же хотели употребить эти деньги попы? На допросах выяснилось, что патриарх Тихон и его сообщники имели контакты с бывшим царем Николаем Романовым. Определенная сумма денег и предназначалась ему. Намечалось, кроме этого, создать особый фонд на «благо восстановления монархии в России».

На основании полученных данных ВЧК привлекла по восторговскому делу и тихоновского приближенного епископа Павла Уссурийского. Этот архиерей, выступивший в поддержку Восторгова, в своих проповедях публично проклинал Советскую власть и призывал к ее уничтожению. Арестовали также других руководителей Братства союза ревнителей и проповедников православия, связанных с Восторговым, — протоиерея Медведя и Цветкова и членов одного из приходских советов — Е. Минаева, К. Тимофеева, А. Тушина и др.

Когда за церковной камарильей захлопнулись двери тюремных камер, черносотенцы подняли шумную кампанию в их защиту, обвиняя Советскую власть в том, что священников арестовали за религиозные убеждения. ВЧК легко разоблачила ложь, опубликовав документы восторговского дела. Все материалы она передала в Ревтрибунал для гласного судебного разбирательства[29].

Органами ВЧК была раскрыта и другая группа преступников, на сей раз среди монашествующего духовенства, окопавшегося в Николо-Угрешском монастыре.

Явившегося в монастырь для мобилизации лошадей представителя Люберецкого Совета монахи избили и заперли в сарай (только через несколько часов его освободила деревенская беднота).

Получив донесение о происшедшем, уездная чрезвычайная комиссия произвела обыск в монастыре. В покоях митрополита Макария чекисты обнаружили ряд антисоветских документов, в

том числе воззвание к православному народу по поводу «безвременной» смерти царя, материалы, которые свидетельствовали о том, что Макарий имел обширные связи с рядом контрреволюционных религиозно-политических организаций, а территория монастыря превратилась в убежище для белогвардейских офицеров и черносотенцев.

Решающий голос в антисоветском хоре, однако, по-прежнему принадлежал «первосвятителю российской церкви», монархисту и черносотенцу патриарху Тихону. Троицкое подворье в Москве превратилось в штаб, откуда во все концы страны летели послания патриарха, и число их постоянно росло.

В июльском 1919 г. воззвании к верующим Тихон основной упор делал на то, что «безумные жертвоприношения» совершаются там, где «не признают Христа», т. е. в Советской России. Лицемерием и попыткой оправдать действия церковников, уберечь их от справедливого гнева дышало новое послание патриарха от 8 октября 1919 г. Не оставил Тихон без внимания и закрытие Троице-Сергиевой лавры в связи с контрреволюционными действиями монахов. В сентябре 1920 г. он разразился новым посланием, в котором предрек скорое наступление грозных времен, «суда божия». В начале 20-х годов Тихон наконец был привлечен к суду.

Огромное значение в деле разоблачения церковников имело вскрытие так называемых нетленных мощей, произведенное по настойчивому требованию трудящихся на территории Республики в 1918–1920 гг.

Долгое время православная церковь дурачила народ этими мощами, используя их как средство оболванивания верующих и непрерывного пополнения своей казны{126}.

Вскрытия происходили в присутствии духовенства, трудящихся, экспертов, представителей Советской власти. Вместо нетленных мощей в серебряных раках, блиставших драгоценностями, находили «или истлевшие, превратившиеся в пыль кости, или имитацию тел с помощью железных каркасов, обмотанных тканями, чулок, ботинок, перчаток, ваты, окрашенного в телесный цвет картона и т. п. Вот то, чему архиереи и монахи заставляли поклоняться загипнотизированные массы, почитать за нетленные (т. е. не разрушенные от времени) тела и во имя чего приносить свои трудовые копейки в церковные карманы»{127}. Так писал в своем постановлении о ходе ликвидации мощей в августе 1920 г. НКЮ.

В Москве были произведены вскрытия мощей так называемых виленских угодников Антония, Иоанна и Евстафия, оказавшихся на поверку обыкновенными мумифицированными трупами. В

соборе Василия Блаженного обнаружили «мощи» отрока Гавриила. Это был воск с куском гнилой кости. Вместо «нетленных мощей» Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре нашли изъеденные молью тряпки с полуистлевшими костями, а вместо «мощей» Саввы Сторожевского в Звенигороде — куклу из ваты с десятками переломанных костей. Потоку лжи и обмана был поставлен надежный заслон.

НКЮ сообщал: «Произведенное Народным комиссариатом юстиции судебное расследование по делу игуменьи Алевтины, купчихи Лабзиной и др. застало инсценировку культа мощей в самом лабораторном ее процессе. Группа московских миллионеров (Лабзины, Грязновы и др.) совместно с синодскими чиновниками фабриковала мощи и подготовляла канонизацию известного бандита с большой дороги, а за сим купца первой гильдии Василия Ивановича Грязнова, даже невзирая на то, что он, как показало расследование, принадлежал к секте скопцов»[{128}].

Вскрытие мощей принесло церкви немало неприятностей и вызвало беспокойство у патриарха. Он даже был вынужден обратиться к епархиальным архиереям 19 февраля 1919 г. со специальным «доверительным письмом», в котором предлагал «устранить всякие поводы к соблазну в отношении святых мощей»[{129}]. Однако это не принесло радикальных перемен. В раках обнаруживали те же мощи «святых», только обряженные в одежды со свежими фабричными клеймами.?

В декабре 1918 г. в Подольске за агитацию против революционной власти три священника были подвергнуты денежному штрафу. В октябре 1919 г. по обвинению в безнравственности и разврате перед судом в Москве предстал личный друг Тихона епископ Палладий (П. К. Добронравов). В мае 1920 г. в Клинском уезде по наущению священника Троицкого прихода и церковного старосты толпа, предводительствуемая кулаками, попыталась отобрать у местной школы для священника земельный участок. Виновных привлекли к ответственности.

В 1921 г. в Москве в народном суде Хамовнического района рассматривалось дело о нарушении советского законодательства в части преподавания и обучения религии в ряде столичных храмов.

Более строго стали наказывать монахов, которые после закрытия монастырей не пожелали начать новую, трудовую жизнь[30]. Так попал на скамью подсудимых монах Алексеев, который после ликвидации в 1919 г. Московского единоверческого монастыря два года лодырничал и

эксплуатировал чужой труд. Таких лиц обычно использовали враги революции.

Однпм из крупных судебных процессов над контрреволюционным духовенством явился процесс по делу Совета объединенных приходов, проходивший с И по 16 января 1920 г. в Московском губернском ревтрибунале.

Обвинялись 16 человек, в их числе председатель Совета А. Д. Самарин, лицо особо приближенное к царю, крупный помещик, монархист; профессор церковного права Н. Д. Кузнецов; священники И. А. Тузов и С. В. Успенский; иеромонах Савва; ризничий Ефрем; игумен Иона; Черносотенец А. А. Полозов (бежавший из-под стражи) и др.

Контрреволюционный Совет объединенных приходов обвинялся в организации противодействия претворению в жизнь декрета об отделении церкви от государства, в направлении клеветнических заявлений в высшие органы власти с целью опорочить местных советских работников, в распространении антисоветской литературы, в использовании набатного звона и т. д.

Выступивший на суде в качестве обвинителя Н. В. Крыленко дал убийственную характеристику преступной деятельности церковников. Особенно он выделил Н. Д. Кузнецова и А. Д. Самарина, на которых падала основная вина.

Вопреки очевидным фактам, подсудимые всячески изворачивались. Они пытались представить набатный звон невинным сигналом к сбору верующих прихода, которые должны были заявить властям, что церковное имущество принадлежит им.

По словам Самарина, вооруженная «патриаршая гвардия» дежурила у Тихона лишь для того, чтобы «поставить патриарха ближе к населению. Патриарх был новым человеком, было бы желательно, чтобы и он узнал население и оно бы его узнало. И действительно, путем таких дежурств устанавливалась связь»{130}.

Что касается вопроса о правовом положении церкви, то Н. Д. Кузнецов прямо заявил: «Нет, отделение церкви от государства так, как оно состоялось, не можем считать». «Следовательно, вы не удовлетворены только тем, что церковь лишена права» иметь движимое и недвижимое имущество и «всех прав юридического лица? — спросил Н. В. Крыленко.

Кузнецов: Да…

Крыленко: Значит, вы ратовали за то, чтобы ее не лишали тех капиталов, которые она имеет»{131}.

Судебный процесс раскрыл истинное лицо духовенства как прислужников реакции и врагов пролетариата.

Антисоветская деятельность церковников в Москве потерпела неудачу. Борьба духовенства против новой власти натолкнулась на сопротивление пролетариата. Ни крестные ходы, ни обращения к «стомиллионному русскому народу», ни попытка превращения церкви в обычную политическую организацию, ни образование различных советов, братств и союзов, оформившихся в единый антисоветский фронт во главе с патриархом, ни другие антиправительственные выступления в Москве не принесли желаемых успехов.

Разоблачение реакционной роли духовенства в столице, его связей с контрреволюционерами, обезвреживание политиканствующих «святых отцов» помогли Коммунистической партии успешнее вести борьбу с многочисленными врагами революции.

Глава 4
МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ПОТЕРПЕЛА КРУШЕНИЕ

Под флагом «учредилки»

Великая Октябрьская социалистическая революция, передав всю полноту власти в руки пролетариата, в корне изменила положение классов и партий в России. Октябрьские события усилили большевистскую партию, ставшую правящей, а в мелкобуржуазных партиях, враждебно встретивших победу Великого Октября, они углубили развал. Этот процесс начался еще до победы пролетарской революции.

Если большевиков в городах и уездах Московской губернии в июле 1917 г. было 8554 (в Москве — 15 тыс. человек), то меньшевиков в августе этого года — лишь 3 тыс.

Секретарь комитета Московской губернской организации меньшевиков на конференции в ноябре 1917 г. констатировал, что назвать точное число членов губернской организации довольно трудно из-за текучести ее состава, недостоверности сведений.

Приблизительно же в партии меньшевиков в губернии к ноябрю 1917 г. состояло около 1400 человек (партийных групп — примерно 26).

В самой Москве дела обстояли не лучше. Вот что писал в ноябре 1917 г. в своем отчете секретарь Хамовнической районной организации меньшевиков: «Трудно созывать собрания. На заводах встречают страшно несочувственно, бывают случаи, когда нашим ораторам не дают говорить, меньшевики в фабричных комитетах и в районных СРД переизбираются»{132}.

Пребывали в растерянности и открыто перешли на сторону контрреволюции члены московской организации эсеровской партии.

В дни Октября эсеры приняли участие в создании контрреволюционного Комитета общественной безопасности. В то же время они пытались сформировать свои во-сгруженные силы. Однако попытка организовать «чисто партийные» дружины не увенчалась успехом. Незначительные отряды не сумели сыграть какую-либо роль.

Кроме того, Октябрьские дни явились для Московской организации эсеровской партии временем резкого расхождения МК партии эсеров с рабочими. Основная часть рабочих перешла на сторону большевиков, незначительное число — на сторону левых эсеров.

Не желая мириться с создавшимся положением, эсеровские руководители направляли своих посланцев на фабрики и заводы для «перелома настроения». Однако на митингах и собраниях им давали решительный отпор. Лишь в некоторых районах небольшие группки рабочих еще шли за эсерами, да кое-где их поддерживала интеллигенция.

Влияние эсеро-меньшевистских партий продолжало уменьшаться. Это признали сами эсеры на IV съезде своей партии, состоявшемся с 26 ноября по 5 декабря 1917 г.

Съезд резко выступил против Советской власти, за свержение диктатуры пролетариата, рассчитывая при этом на помощь Учредительного собрания. Съезд меньшевистской партии, проходивший с 30 ноября по 7 декабря 1917 г., также призвал к борьбе за созыв Учредительного собрания для образования новой власти.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции идея созыва Учредительного собрания еще не была изжита из сознания определенной части населения страны. Хотя Учредительное собрание и представляло собой вчерашний день демократии и было несовместимо с диктатурой пролетариата, Советская власть все же шла на его созыв для того, чтобы на практике дать возможность массам убедиться в его антисоциалистическом характере. В то же время партия продолжала разъяснять народу, что «республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием»{133}.

Лозунг «Вся власть Учредительному собранию!» объединял контрреволюционные силы от кадетов до эсеров и меньшевиков.

Хотя прежде всего Петроград был центром, к которому сходились все нити борьбы за Учредительное собрание, но и в Москве контрреволюция готовилась с помощью «учредилки» захватить власть. Нападки на большевиков в связи с проведением выборов усилились. Стены домов и заборы разукрасились предвыборными воззваниями и плакатами, призывавшими голосовать за представителей буржуазии, внесенных в список № 1. С утра до вечера по городу носились агитационные автомобили. На митингах меньшевики и эсеры пытались внушить населению, что не большевики из списка № 5, а только они могут принести «благоденствие России». От московских большевиков в

Учредительное собрание на Общегородской конференции РСДРП (б) 3 октября 1917 г. были выдвинуты Е. М. Ярославский, П. Г. Смидович, В. П. Ногин и др.

Выборы, состоявшиеся в Москве 19–21 ноября, показали возросший авторитет большевиков, за которых голосовали 50,1 % избирателей.

Однако контрреволюция не сложила оружия. Она стремилась объединить все правые силы. С этой целью кадеты, меньшевики и эсеры в конце ноября 1917 г. создали антисоветскую организацию — Московский союз защиты Учредительного собрания. Союз поставил своей целью организовать мощную поддержку собранию, объединив все реакционные силы как в самой Москве, так и в губернии. Для ведения антисоветской пропаганды представители Союза отправились во многие города.

МК РСДРП (б) и Моссовет готовили массы к решительному отпору натиску реакции. Ленинская политика партии в отношении Учредительного собрания нашла поддержку у московских большевиков.

Во второй половине ноября Московская партийная организация большевиков проводила митинги и собрания, на которых разъясняла трудящимся суть предательской политики соглашателей, мечтавших с помощью контрреволюционного собрания захватить власть.

28 ноября 1917 г. Президиум Моссовета призвал рабочих железных дорог не поддаваться на провокации Викжеля[31], готовившего забастовки «в защиту Учредительного собрания»{134}. Стало известно, что защитники «учредилки» формируют вооруженные отряды. В этой связи было принято решение усилить охрану помещений Совета, гостиницы «Дрезден» (где размещались партийные организации), Городской думы, а также выяснить планы противника. Районные Советы ставились в известность о готовящемся выступлении.

1 декабря 1917 г. Моссовет постановил напечатать воззвание к трудящимся и призвать их не принимать участия в демонстрации, а также привлечь к суду эсеровскую газету «Труд» за подстрекательские антисоветские статьи.

Между тем события развивались. 3 декабря 1917 г. эсеро-меньшевистские и кадетские лидеры провели демонстрацию под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!». Широкие трудящиеся массы не поддались на провокацию. В демонстрации участвовали офицеры, юнкера, буржуа. Наиболее активные подстрекатели беспорядков были арестованы.

Вскоре в Москве и ее пригородах было введено военное положение (с 8 по 20 декабря). На улицах города запрещалось

устраивать собрания, расклеивать антисоветские воззвания, нарушать работу учреждений и т. д. Командующему войсками МВО предоставлялись широкие полномочия, в случае надобности он мог отдавать распоряжения об аресте, высылке из Москвы и т. д.

18 декабря В. П. Ногин, сделал сообщение о том, что правые эсеры готовятся к перевороту, разгрому Советов, нападению на квартиры членов Президиума. После, обсуждения создавшегося положения Моссовет отдал распоряжение войскам округа, комиссару по гражданской части и коменданту города принять необходимые меры для предотвращения враждебных актов.

Однако это уже не могло остановить контрреволюционеров. В день открытия Учредительного собрания, 5 января 1918 г., они решили пойти на штурм Советской власти и провести мощную вооруженную демонстрацию.

31 декабря 1917 г. на заседании МК РСДРП (б) был всесторонне обсужден вопрос о готовящемся антисоветском выступлении. Большевики призвали трудящихся города не принимать участия в демонстрации и наметили меры по ее предотвращению.

Поражение защитников «учредилки»

Первые дни января отличались особой напряженностью. 1 января 1918 г., выполняя решение МК РСДРП (б), Президиум Московского Совета принял постановление любыми способами предотвратить предстоящую демонстрацию. Военно-политический отдел штаба МВО временно превращался в центр по борьбе с антисоветским движением. Приказ МВО о разгоне демонстрации и аналогичные требования Моссовета подлежали скорейшему доведению до сведения работников на местах. В подозрительных домах и гостиницах производились обыски, усиливалась охрана центральных советских учреждений города. За членами партии правых эсеров устанавливалось наблюдение. Президиум обратился в МК РСДРП (б) об усилении разъяснительной агитации на фабриках, заводах и в казармах.

Вскоре в типографии эсеровской «Земли и воли», где печатались контрреволюционные воззвания в защиту Учредительного собрания, произвели обыск. Захваченные материалы были направлены в Следственную комиссию Ревтрибунала. Буржуазные газеты, поместившие призывы к демонстрации 5 января, временно были закрыты.

Большую роль в мобилизации масс для отпора врагу и в

раскрытии подлинного смысла антисоветских замыслов реакции сыграло ярко написанное обращение Моссовета «Ко всем рабочим, солдатам и крестьянам», где говорилось, что «под покровом союза защиты Учредительного собрания организуется новое вооруженное выступление белой гвардии, организуется новая гражданская война как здесь в Москве, так и в других городах»{135}.

Вопрос о готовящемся выступлении обсуждался также Московским советом профсоюзов. Президиум Совета порекомендовал правлениям союзов организовать надежную охрану своих помещений.

На заводах также принимались экстренные меры к усилению вооруженной охраны, а в день открытия Учредительного собрания члены завкомов должны были в полном составе находиться на своих местах.

Московские трудящиеся не поддержали заговорщиков. На многочисленных митингах принимались резолюции, осуждавшие демонстрацию, а белогвардейцы объявлялись вне закона. Так было на Металлическом заводе, заводе «Каучук», арматурном заводе «Ф. Гакенталь и К⁰», на Московско-Курской железной дороге и на многих других предприятиях.

3 января Президиум Моссовета принял решение арестовать комитет правых эсеров. В доме № 54 по Тверской улице были произведены обыски и аресты. Здесь удалось обнаружить капсюли для бомб. 4 января были задержаны 114 контрреволюционеров. Обыски в центральной части города помогли выявить тайные склады оружия, боеприпасов, антисоветской литературы. В одном из домов по Шереметевскому переулку было найдено 40 винтовок и берданок с большим количеством патронов к ним.

Последним предупреждением эсеро-меньшевистским заговорщикам послужило постановление Президиума Моссовета от 4 января, который оставил в силе прежнее решение о запрете демонстрации (если же она все-таки начнется, подчеркивал Президиум, то будет разогнана с помощью оружия). Характерна позиция, занятая по этому вопросу левыми эсерами. Они выразили пожелание, чтобы «первый удар был смягчен и чтобы инициатива нападения была предоставлена другой стороне»{136}. Иначе говоря, левые эсеры стояли за либерально-снисходительное отношение к мятежникам, не жалея жизни рабочих и солдат.

Одновременно с принятием чрезвычайных мер со стороны гражданских властей проводилась соответствующая работа и по военному ведомству. Приказ по МВО от 2 января 1918 г. обязывал всех начальников гарнизонов, командиров полков и т. д. никаких демонстраций без разрешения местных властей не допускать, а в

случае необходимости не останавливаться перед применением оружия. Артиллерийским частям отдавалось распоряжение привести технику в боевую готовность. Перед зданием Моссовета было установлено несколько орудий. Вооруженные силы готовы были отразить выступление.

Но контрреволюция не отказалась от своих замыслов. Московский союз защиты Учредительного собрания настоятельно призывал рабочих и служащих выйти на улицу для участия в демонстрации.

В день открытия Учредительного собрания напряжение достигло апогея. Утром 5 января большими толпами и отдельными группами меньшевики, правые эсеры, кадеты и их приспешники вышли на улицы Москвы. Буржуа несли лозунги «Долой Советы, вся власть Учредительному собранию!». Манифестанты двигались по Тверской в сторону Красной площади. Когда красногвардейцы потребовали разойтись, те бросились на них и попытались разоружить. Патрульные выстрелили в воздух, контрреволюционеры разбежались, бросив плакаты, но через некоторое время стали собираться вновь, и опять пришлось их разгонять.

Немало демонстрантов собралось у Страстного монастыря, на Миусской площади. Напротив здания Городской думы, на Театральной площади и в Охотном ряду были устроены митинги. Гласных дум и земских деятелей, столпившихся у Большого театра, разогнать удалось лишь с помощью оружия. На Бутырском мосту патрули задержали 30 человек, вооруженных револьверами. У Кузнецкого моста и Петровки наряды красногвардейцев окружили контрреволюционеров. Завязалась перестрелка.

Столкновения происходили на Садовой, Арбате, Большой Дмитровке, Воскресенской площади и в других местах.

По революционным солдатам стреляли из окон домов, с крыш, из-за углов и из подворотен. Сотни знамен, транспарантов, плакатов было отобрано у демонстрантов и свезено в бывшее Александровское училище и Моссовет. А вечером заговорщики взорвали здание Дорогомиловского районного Совета. Погибли начальник штаба Красной гвардии Дорогомиловского района П. Г. Тяпкин, начальник арсенала районных красногвардейцев, один из мужественных солдат революции А. И. Ванторин и др.

Однако далеко идущие планы врагов революции не осуществились. Эсеро-меньшевистско-кадетское выступление 5 января в Москве провалилось. Поражение потерпела и реакция в Петрограде. В ответ на отказ Учредительного собрания одобрить программу Советской власти ВЦИК в ночь с 6 на 7 января 1918 г.

принял специальный декрет о роспуске Учредительного собрания{137}.

Трудящиеся смогли на собственном опыте убедиться в том, что старый буржуазный парламентаризм изжил себя. В новых условиях он являлся лишь ширмой, которой прикрывались контрреволюционеры для захвата власти и ликвидации завоеваний Октября.

6 января Моссовет обсуждал происшедшие накануне события. 7 января разгорелись особенно жаркие споры. На заседании Исполкома соглашатели выступили с резкой критикой действий Советской власти, обвинили большевиков в разжигании «гражданской войны»{138}.

Большевики дали достойную отповедь демагогам. Они подчеркнули, что трудящиеся не пошли на демонстрацию и 5 января все фабрики и заводы работали.

Умело разоблачили большевики также выдумки меньшевиков относительно требования рабочих удалить соглашателей из Моссовета. Лидеры меньшевиков пытались доказать, что рабочие хотят отозвать своих депутатов якобы в знак протеста против совершившихся «насилий». Большевики же подчеркнули, что рабочие верят сейчас им, а не предавшим революцию соглашателям. Большевик И. В. Цивцивадзе прямо заявил, что соглашатели для рабочих уже давно не товарищи.

Преодолевая сопротивление эсеро-меньшевистского блока, большевики настояли на передаче расследования событий 5 января Следственной комиссии Ревтрибунала. Требования блока о перевыборах Моссовета не были удовлетворены.

Рабочие на заводах выставляли за ворота меньшевистских агитаторов, разгоняли их собрания, уничтожали их антисоветское воззвание «Ко всем московским рабочим и работницам», в котором извращался смысл январских событий. Получили достойный отпор соглашатели и в районных Советах. Так, в Замоскворецком райсовете была отвергнута резолюция меньшевика Лазарева и принята резолюция большевика И. В. Косиора, одобрявшая действия советских властей.

9 января 1918 г. г

В ответ на происки реакции МК РСДРП (б) наметил провести 9 января мирную демонстрацию трудящихся города, посвященную памяти жертв расстрела 1905 г. Эта манифестация должна была показать, насколько выросли силы рабочего класса и его организованность. 4 января Моссовет одобрил воззвание МК

РСДРП (б), призывавшее выйти на демонстрацию с лозунгами «Долой международную буржуазию!», «Да здравствует республика Советов!», «Долой саботажников — врагов народа!» и т. д.

Эсеро-меньшевистские фракции Моссовета встретили эти решения в штыки. На заседании исполкома Моссовета 7 января они потребовали отмены демонстрации.

Не согласились эсеры и меньшевики с предложением большевиков запретить подстрекательские лозунги и вооружить демонстрантов для подавления провокаций.

«Разбитые в открытом бою в октябрьские — ноябрьские дни, — подчеркивалось в обращении Моссовета, — рудневцы и другие буржуазные партии и группы, уцелевшие остатки белой гвардии и контрреволюционного офицерства, не успевшие переправиться к Каледину, — все они решили в этот день напасть на революционных рабочих и солдат и отомстить за свое поражение. Они расставили уцелевшие в их руках пулеметы на крышах и в окнах домов, вооружились, чем могли…»{139}

Моссовет принял постановление об участии в демонстрации вооруженной Красной гвардии и Московского гарнизона; о запрещении лозунгов, призывавших к свержению власти Советов, а также сборищ контрреволюционных элементов на улицах и площадях столицы.

9 января тысячи рабочих с пением революционных песен вышли на московские улицы. Демонстранты (более 200 тыс. человек) — рабочие заводов и фабрик, красногвардейцы, солдаты — шли с лозунгами, призывавшими поддержать Советы, пролетарское правительство, революцию. Людской поток устремился по Театральной площади, затем по Воскресенской площади, через Иверские ворота на Красную площадь. С кремлевских стен спускались алые полотнища со словами: «Вечная память жертвам — предвестникам мировой революции», «Да здравствует мир и братство народов!». Манифестанты останавливались у могил жертв революции и под звуки траурных мелодий возлагали венки. Демонстрацию сопровождали вооруженные красногвардейцы и солдаты. На автомобилях были установлены пулеметы.

Около двух часов дня, почти одновременно, по сигналу, в различных частях города прозвучали винтовочные выстрелы и пулеметные очереди. Стреляли белогвардейцы.

На Красной площади, где должен был состояться митинг, первые выстрелы раздались со стороны Торговых рядов и Иверских ворот. На кирпичной стене Исторического музея появились свежие следы от пуль. Послышались стоны раненых.

50 тыс. человек, направлявшихся из Сущевско-Марь-инского

района к центру, близ бывшего дома градоначальника обстреляли из засады. Огнем из пулеметов встретила Воскресенская площадь участников демонстрации Сокольнического и Басманного районов.

Предательские выстрелы на Тверской, Никитской, Мясницкой, Арбате, Неглинной и других улицах звучали еще несколько часов.

Красногвардейцы и солдаты оперативно, смело и решительно сумели навести порядок. Многие из них пали в тот день смертью храбрых.

Жертвами белого террора стали молодые красногвардейцы Сущевско-Марьинского района: 18-летний П. А. Засухин, 19-летний Н. Г. Дроздов; красногвардеец Замоскворецкого района 18-летний Д. И. Юдичев и многие другие. Под начальником московской Красной гвардии А. С. Ведерниковым ранили лошадь, а сам он получил серьезную травму. 9 января 1918 г. от руки врагов революции пало свыше 30 и было ранено более 200 человек.

В разных концах города у контрреволюционеров было изъято значительное количество винтовок, гранат, револьверов и т. д. У одного священника, например, нашли винтовки и сотни патронов к ним. В гостинице «Боярский двор» задержали отряд вооруженных контрреволюционеров. На улицах находили брошенные автомобили с пулеметами.

Январские события свидетельствовали о том, что враги революции еще не сложили оружие. Но они свидетельствовали и о том, что пролетариат имеет достаточно сил, чтобы справиться с происками реакции.

Разоблачение мастеров демагогии

Наступление против диктатуры пролетариата мелкобуржуазные демократы развернули по всему фронту политической жизни. Стремление ослабить Советскую власть, затормозить реализацию проводимых ею мероприятии, уменьшить ее влияние в широких народных массах заставило их активизировать подрывную работу внутри Советов. Именно поэтому избирательная кампания весной 1918 г. по выборам в столичные Советы проходила в ожесточенной борьбе. Провести своих депутатов в Моссовет эсеры и меньшевики рассчитывали, опираясь на политически отсталые слои, обывателей.

Используя объективные трудности, они развернули бешеную агитацию против большевиков, обвиняя их в разрухе и голоде.

Выступая на фабриках и заводах, эсеры и меньшевики призывали голосовать за своих делегатов. Особенно активную деятельность развил МК партии эсеров. На некоторых предприятиях правоэсеровским демагогам удавалось протащить свои резолюции.

В связи с этим ЦК РКП (б) 30 марта поручил Я. М. Свердлову созвать объединенные заседания МК, фракции большевиков исполкома Моссовета и фракции ВЦИК для обсуждения плана проведения перевыборов в Советах. В тот же день вышло постановление Президиума Моссовета об усилении агитационной работы в период избирательной кампании. При Моссовете учреждалось Центральное агитационное бюро, на которое возлагалась обязанность координировать работу партийных центров, фракции большевиков ВЦИК и «взять на учет для распределения все агитационные силы»[{140}]. Кроме того, 3 апреля была опубликована и распространена листовка-обращение «Всем работникам и работницам». В ней московские коммунисты доходчиво разъясняли массам причины, побудившие соглашателей так рваться в Советы. Они убеждали отдать свои голоса большевикам.

В предвыборную агитацию включилась и советская пресса. На страницах газет стали регулярно публиковаться материалы, разоблачавшие лживые заверения соглашателей, а также многочисленные резолюции собраний рабочих заводов и фабрик с призывом голосовать на выборах в Советы за большевиков. 6 апреля «Правда» поместила резолюции собраний рабочих фабрик Носова, Котова и др., в которых те писали, что отдадут свои голоса только за кандидатов от большевистской партии. 9 апреля 1918 г. «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области» опубликовали наказ депутатам от общего собрания рабочих Всероссийского центрального союза потребительских обществ, где подчеркивалось, что рабочие представители должны вести политику беспощадной борьбы с буржуазией и партиями меньшевиков и эсеров. Этот наказ явился отражением мнения всего пролетариата города.

Как и следовало ожидать, апрельские выборы продемонстрировали возросший авторитет большевиков и падение престижа мелкобуржуазных партий. Из 733 выданных депутатам Моссовета членских билетов на 23 апреля 1918 г. большевики получили 354, меньшевики — 73, правые эсеры — 5, левые эсеры — 40, анархисты — 5, эсеры центра — 61, остальные — сочувствовавшие тем или иным партиям и беспартийные. Причем количество сочувствовавших большевикам значительно

превышало количество сочувствовавших другим партиям.

На выборах в районные Советы коммунисты завоевали твердое большинство. Большевики имели 338 депутатских мест, меньшевики — 42, левые эсеры — 28, а правые эсеры ни одного. Это была безусловно победа Московской организации большевиков. В районах и особенно на предприятиях города резко возросло количество коммунистов.

23 апреля на первом заседании нового состава Моссовета выступил его депутат В. И. Ленин. В своей речи он подчеркнул, что выборы проводились в очень тяжелое время, когда элементы, «враждебные революции, все, кто поддерживает врагов народа, все, кто волочится за буржуазией, — возлагали большие надежды на перевыборы нашего Совета»{141}. Далее В. И. Ленин отметил, что страна вступила в трудную полосу жизни, что она имеет перед собой, кроме внешних и внутренних врагов, еще и другого противника — мелкобуржуазную стихию, которую надо победить. В заключение вождь трудящихся призвал быть беспощадными к контрреволюционерам, стоящим на пути строительства новой жизни. Непоколебимой верой в пролетариат столицы звучали слова В. И. Ленина: «Выборы в Московский Совет показали, насколько отдают себе отчет в происходящих событиях рабочие, которые поняли, что Советская власть является не парадным украшением, а их собственным кровным делом. Последним актом, актом перевыборов в наш Совет, побеждены все, кто возлагал большие надежды на эти перевыборы, побеждены колеблющиеся элементы, и это дает мне уверенность и надежду в том, что мы стоим на верном пути, который приведет нас к полной победе социализма»{142}.

Потерпев провал на выборах, меньшевистско-эсеровские лидеры, однако, не успокоились. Более того, на одном из апрельских заседаний Моссовета меньшевики заявили, что их фракция по-прежнему остается в решительной оппозиции к Советской власти. Меньшевики продолжали клеветать на большевистскую партию, пытались внедрить в сознание трудящихся Москвы неверие в успех ее хозяйственных и политических преобразований.

Что касается правых эсеров, то они строили работу в соответствии с решениями своего ЦК от 28 мая 1918 г., т. е. всячески пытались дезорганизовать деятельность Советов.

У большевистской фракции разоблачение антисоветских выпадов эсеров и меньшевиков отнимало немало времени.

В мае 1918 г. меньшевики и правые эсеры выступили против мобилизации сил на защиту молодой Советской Республики. 28 мая на пленуме Моссовета они были против введения всеобщего

обучения военному искусству рабочих города — положение о всевобуче тем не менее было принято. Мелкобуржуазные демократы явно переоценили свои возможности. Разброд в их рядах усиливался. На Московской губернской конференции РСДРП.(меньшевиков) 7 апреля 1918 г. собралось всего 12 человек примерно от тысячи членов партии. Выделившиеся из партии левые заявили о своей независимости.

Наиболее честные и не ослепленные ненавистью к Советской власти покидали ряды оппортунистов. Некоторые из них впоследствии вступили в РКП (б). Реакционно настроенные меньшевики шагнули вправо.

Участие соглашателей в борьбе с Советской властью, организация многочисленных антисоветских акций, их союз с контрреволюционерами Дона, Урала, Сибири поставили Коммунистическую партию и Правительство перед необходимостью принятия более действенных мер по отношению к ним. Этого требовала также сложившаяся тяжелая обстановка в Республике.

14 июня 1918 г. ВЦИК рассмотрел вопрос о выступлении против Советской власти некоторых партий, входивших в Советы, и принял постановление об исключении из состава Советов представителей партий эсеров (правых и центра) и меньшевиков{143}. Е. Я. Драбкина вспоминает, что после того как Я. М. Свердлов поставпл этот вопрос на голосование, большевики «встали и высоко подняли руки. Левые эсеры, как и положено Болоту, частью воздержались, частью проголосовали против. Правые эсеры и меньшевики выли, стучали ногами, хватали стулья и угрожающе ими размахивали.

— Решение принято подавляющим большинством голосов, — сказал Свердлов». После чего он предложил соглашателям покинуть зал заседания ВЦИК{144}.

17 июня МК РКП (б), осуществляя решение ВЦИК и принимая во внимание, что «поведение партий меньшевиков и правых эсеров, начиная с момента свержения самодержавия, обнаруживает полную контрреволюционность этих партий», предложил исключить их как изменников рабочего класса из состава Московского и районных Советов и их исполкомов{145}. 25 июня 1918 г. пленум Моссовета также рассмотрел вопрос о лишении депутатских мест и представительства в Советах соглашательских партий и принял постановление об их исключении. В постановлении подчеркивалось, что правые эсеры и меньшевики являлись одним из передовых отрядов врагов революции и ставили своей целью реставрировать буржуазный строй.

Трудящиеся столицы горячо поддержали решения партийных и советских органов. На многочисленных митингах и собраниях они принимали резолюции, осуждавшие врагов пролетариата. 18 июня 1918 г. делегатское собрание профсоюза строительных рабочих Москвы и губернии заклеймило позором предательские действия контрреволюционеров. На своем заседании Алексеевско-Ростокинский Совет единодушно поддержал МК РКП (б), а один из рабочих внес предложение изгнать правые партии и из заводских комитетов. 20 июня общее собрание коммунистов Пресненского района одобрило решение ВЦИК и МК РКП (б) и поручило фракции приложить вое усилия для проведения его в жизнь. Пленум Пресненского райсовета, приветствуя проводимые мероприятия, постановил исключить из состава Совета правых эсеров и представителей меньшевиков.

Подобные резолюции приняли и другие районные Советы, организации и предприятия столицы. Мысли и чувства московского пролетариата выразил большевик Максимовский на декабрьском пленуме Областного комитета РКП (б), настаивавший на бескомпромиссности борьбы с мелкобуржуазными партиями. Иначе, говорил он, «мы тогда должны будем сказать прощай большевистской власти»[{146}].

Еще в начале 1918 г. В. И. Ленин назвал соглашателей в Учредительном собрании пришельцами с того света[{147}], и справедливо: меньшевики и эсеры тянули трудящихся в старый, уже изживший себя мир.

Неудача с «уполномоченными»

Эсеро-меньшевистские лидеры понимали, что с потерей мест в Советах они окажутся за бортом политической жизни. Естественно, этого оппортунисты допустить не могли. И вот на сцену была вытащена идея созыва «рабочих» конференций, о чем сообщал на VIII совете партии эсеров в мае 1918 г. представитель МК партии эсеров Гр. Ратнер. Об этом шла речь и на заседании ЦК партии эсеров в конце мая 1918 г.

В свою очередь меньшевики выступили за создание в Москве организации «уполномоченных» заводов.

Первые собрания фальшивых «беспартийных уполномоченных» рабочих фабрик и заводов прошли под руководством соглашателей еще весной 1918 г. в Петрограде. На них было высказано предложение созвать Всероссийский съезд уполномоченных от беспартийных рабочих. Выработав соответствующий «наказ», делегация петроградских «рабочих»

отправилась в Москву и другие города.

Прибывшая из Петрограда «рабочая» делегация вскоре выступила на ряде московских предприятий. Ораторы призывали пролетариат к созыву конференции «уполномоченных» от заводов, а также к принятию «наказа», ориентировавшего на свержение Советской власти.

Если на некоторых предприятиях наиболее неустойчивые, обывательские элементы поддавались на провокации меньшевиков, то на большинстве заводов они получали достойный отпор. Так, на фабрике Шредера «представители» Петрограда имели неприятную встречу с завкомом и потерпели поражение от рабочих-большевиков как на первом, так и на втором собрании.

Однако «рабочие» делегаты не успокоились. На заводах Листа, бр. Бромлей, фабрике Брокера, в трамвайных парках и на железных дорогах они продолжали выступать с клеветническими заявлениями по адресу большевиков.

26 июня один из «рабочих» делегатов, назвавшийся Афанасьевым, явился на фабрику Жако и, распространяя слухи о том, что большевики якобы прячут хлеб для себя, стал подбивать рабочих на забастовку. Через день он пришел снова. Но его сразу арестовали. Узнав об этом, на фабрику тут же поспешили меньшевистские лидеры. Они предложили послать делегацию во ВЦИК и ВЧК для освобождения Афанасьева. Делегация спровоцированных рабочих тотчас отправилась во ВЦИК. Их принял Я. М. Свердлов. Он спокойно выслушал жалобы рабочих, а затем вызвал Ф. Э. Дзержинского. Тот отдал распоряжение об освобождении арестованного. Я. М. Свердлов вместе с делегатами отправился на фабрику. Пройдя сквозь толпу, запрудившую фабричный двор, он подошел к трибуне. В это время подъехала машина с освобожденным Афанасьевым. И здесь произошло нечто для всех неожиданное.

Когда Афанасьева отправляли в тюрьму, он думал, что долго там не просидит, поскольку через день-два, по его мнению, произойдет государственный переворот. Теперь, считая, что переворот свершился и его доставили с почетом в легковой машине для чествования как героя, он, бодро взбежав на трибуну, произнес речь, в которой поблагодарил Антанту за помощь в борьбе с большевиками и выразил удовлетворение, что «Совдепии пришел конец». Толпа рабочих возмутилась. Воспользовавшись этим, Я. М. Свердлов отстранил незадачливого оратора, который онемел, увидев перед собой Председателя ВЦИК, и взошел на трибуну. На примере Афанасьева он показал, какой свободы хотят соглашатели, и призвал крепить власть Советов и силы

пролетариата.

Вскоре «делегаты» Петрограда и некоторые члены МК меньшевистской партии за враждебную деятельность были арестованы (тогда же в МК РКП (б) было высказано предложение собрать и обобщить материалы о контрреволюционной деятельности меньшевиков).

Под флагом разрешения продовольственных проблем они продолжали кампанию за созыв общемосковского совещания «рабочих» представителей. На нем планировалось создание давно задуманного бюро «уполномоченных» фабрик и заводов, а также обсуждение сугубо политических вопросов.

13 июня 1918 г. в клубе Александровской железной дороги открылось совещание «уполномоченных» фабрики заводов. Соглашатели явились на сборище с большими запасами контрреволюционных воззваний. Вскоре помещение, где происходило заседание, окружил отряд красноармейцев. Он арестовал его участников (59 человек) и отправил в ВЧК. Среди задержанных оказались члены ЦК меньшевистской партии, его МК, фракции меньшевиков в Моссовете. Более двух третей арестованных были меньшевики и правые эсеры. Лишь небольшая часть не принадлежала ни к какой партии. Это были обманутые демагогическими посулами соглашателей обыватели. На следующий день эту группу освободили. Таким образом была развенчана попытка представить совещание как «беспартийное».

Через несколько дней Бутырскую и Таганскую тюрьмы посетили меньшевистские руководители и имели свидание с «представителями» от рабочих. Они заверили их в своей преданности и поддержке. Затем МК партии меньшевиков выпустил специальное воззвание, где открыто провоцировал пролетариат столицы на выступление.

Агитационная деятельность противников Советской власти приняла широкий размах. Они использовали все средства для нападок на большевиков. В Александровских железнодорожных мастерских соглашатели сумели протащить резолюцию протеста против «наступления на рабочих» с угрозой объявления всеобщей забастовки. Собрание в мастерских Казанской железной дороги они превратили в антисоветскую демонстрацию. Образованные вскоре стачечные комитеты стали поспешно рассылать депеши с призывом к забастовке. Но антисоветчики рано праздновали успех. 28 июня на заседании Совета рабочих депутатов Железнодорожного района было решено все предписания стачечных комитетов не выполнять, а паровозы, на которых ездят их делегаты, задерживать.

1 июля на ряде железных дорог Московского узла прошли

митинги по вопросу о забастовке. «Как и следовало ожидать, — сообщала газета «Известия ВЦИК» 2 июля 1918 г., — затея меньшевиков потерпела полный крах… В общей массе железнодорожники твердо стоят на защите Советской власти».

В тот же день на пленуме Моссовета большинством голосов была принята резолюция, квалифицировавшая забастовки как предательство дела пролетарской революции.

Немалую работу по разоблачению контрреволюционной сущности политики меньшевиков и эсеров проделал МК РКП (б). Члены МК выступали на митингах и собраниях, МК выпустил специальное обращение к населению города. Разъясняя причины продовольственных затруднений— главный козырь соглашателей, МК РКП (б) писал: «Да, это так. Но кто отдал хлебную Украину немцам? Кто? Не Украинская ли рада, в которой были одни меньшевики и правые эсеры?»{148}.

И все-таки, несмотря на неудачи, меньшевики и правые эсеры не отказались от подготовки созыва так называемого Всероссийского съезда уполномоченных от беспартийных рабочих, на котором планировалось поставить на повестку дня оформление и закрепление «рабочих» организаций, независимых от власти Советов.

Но идея съезда провалилась. Из Нижнего Новгорода, Перми, Ярославля, Сызрани и других городов приехали в столицу только около 40 человек. А на проходившей в то время в Москве (созванной большевиками) губернской конференции фабзавкомов и профсоюзов присутствовали 500 делегатов.

Даже инициаторы сборища были обескуражены таким поворотом дела. Тогда вместо съезда они решили провести конференцию «уполномоченных» от рабочих. Конференция состоялась в двадцатых числах июля 1918 г. в помещении Центрального продовольственного кооператива.

Кем же были те 40 человек, что приехали в столицу? В основном меньшевиками и эсерами, оказались среди них и несознательные рабочие, не знавшие истинную причину созыва съезда. «Рабочим» записал себя, между прочим, и один из лидеров меньшевиков литератор Абрамович.

На первых двух заседаниях конференция приняла резолюцию и тезисы по текущему моменту. Эти документы лишний раз подтверждали, что съехавшиеся «представители» рабочих никакого к ним отношения не имеют. Соглашатели требовали прекращения национализации фабрик и заводов, создания условий для привлечения в промышленность русских и иностранных капиталов, принятия мер по денационализации банков и т. д.

В том же духе были составлены тезисы по текущему моменту, где подчеркивалось, что, по их мнению, основной политической задачей рабочего класса является борьба с существующей властью.

Таким образом, контрреволюционная эсеро-меньшевистская конференция прямо призывала выступить против Советов, для чего звала рабочих к объединению с капиталистами и белогвардейцами.

Во время третьего заседания участники конференции по распоряжению ВЧК были арестованы. Вот что пишет об этих событиях П. Д. Мальков: «Рывком я распахнул дверь настежь. Перед нами был сравнительно просторный зал, сплошь заставленный стульями. В дальнем конце стоял стол, покрытый красным сукном. Президиум. На столе — графин с водой, стакан, одним словом, все как полагается. Половина стульев в зале была пуста, другую половину занимали преимущественно пожилые, в большинстве своем прилично одетые люди»{149}. Объявив об аресте присутствовавших, Мальков прошел к столу президиума, собрал бумаги в папку и приказал всем выходить во двор. Задержанных посадили в грузовик и доставили на Лубянку, в ВЧК. Конференция «уполномоченных» от рабочих прекратила свое существование.

В. И. Ленин учил, что оппортунисты порой искусно приспосабливаются, служа на деле «верой и правдой белогвардейщине»{150}. Таких людей пролетариат разоблачал и обезвреживал.

«Дружина» доктора Павлова

В борьбе с Советской властью соглашатели использовали весь арсенал средств. Действовали они и в открытую, и тайно и все упорнее переносили центр тяжести на создание подпольных контрреволюционных организаций, на участие в уже имевшихся буржуазных антисоциалистических объединениях.

В. И. Ленин подчеркивал: «как только массы убеждаются, куда привели их меньшевики и правые эсеры, последние остаются без поддержки масс. Их оставляют. Тогда они в последней надежде прибегают к спекуляции на голоде, а когда и это не выходит, они не брезгают такими приемами, как убийство из-за угла»{151}.

Эсеры на протяжении всей истории своего существования не уставали твердить о том, что террор является оружием революции. Теперь, однако, острие своего «революционного

оружия» они направили против самой революции, против Советской власти. Псевдореволюционеры сомкнулись с махровой белогвардейщиной.

Начало активных действий по созданию военных объединений правых эсеров относится к февралю — марту 1918 г., к тому времени, когда в Москву съехались члены эсеровской фракции распущенного Учредительного собрания (как известно, идея созыва Учредительного собрания после его роспуска в январе 1918 г. не умерла: одни предлагали собрать его в Москве, другие — под охраной штыков союзников в Архангельске).

Бюро эсеровской фракции поручило формирование боевых дружин доктору Павлову, человеку хотя и не военному и не обладавшему достаточными организаторскими способностями, но имевшему одно «достоинство»: все методы борьбы с Советской властью его устраивали.

К большому огорчению эсеров, им удалось сколотить лишь незначительную группку из рабочих, по признанию самих руководителей, являвшуюся «мизерной». Более успешно налаживали они связи с офицерскими заговорщическими организациями, интеллигенцией, поддавшейся их агитации, чиновничеством, купцами, мещанами и членами домкомов. Тогда же эсеры создали военный штаб, ядро которого составили полковники Ткаченко и Махин. Штаб установил контакты со всеми эсеровскими организациями, с некоторыми советскими воинскими частями и учреждениями, с церковным Советом объединенных приходов (черносотенное православное объединение не шокировало «демократически» настроенных эсеров).

Главными боевыми единицами являлись офицерские организации, самой крупной из которых была группа Ткаченко, насчитывавшая несколько сотен человек. В их рядах имелась незначительная эсерствующая прослойка. В подавляющем большинстве офицеры были монархистами.

Делались попытки наладить военную работу не только в Москве, но и в области. Из столицы посылались связные в Муром, Гусь-Хрустальный и другие города.

Между тем ЦК партии правых эсеров считал, что следует действовать более энергично. В начале апреля в Москву прибыл член военной комиссии при эсеровском ЦК И. Дашевский. Он встретился с членом ЦК правых эсеров Е. М. Тимофеевым, который связал его с эсерами Зензиновым и Моисеенко. Эта тройка (Дашевский, Бензинов, Моисеенко) и составила военную комиссию ЦК партии эсеров в Москве. К ней от Павлова, после

многочисленных препирательств, и перешло руководство всей военной заговорщической деятельностью эсеров в городе.

В течение нескольких недель комиссия проводила инспекционную работу. Она обследовала разбитые на десятки офицерские дружины и принимала меры по их организационному укреплению.

Через некоторое время Моисеенко получил от Союза возрождения значительную денежную сумму, которая пошла на финансирование боевых групп. Представители правых эсеров периодически сносились с возрожденцами, в частности с генералом Болдыревым. Кроме того, они установили контакты и с Б. В. Савинковым. В то же время попытка упрочить связи с советскими военными частями потерпела неудачу. Разбавить солдатские массы своими ставленниками эсерам так и не удалось, хотя кое-какая агентура в военных кругах у них и имелась.

Определенную работу вели эсеры и по вербовке на деньги французской миссии бывших офицеров для белогвардейских армий.

Предпринимались ими также безуспешные попытки воссоздать боевые «рабочие» дружины. В ряд провинциальных городов были посланы эмиссары для обследования состояния работы местных эсеровских ячеек.

Террор не помог

Ведя борьбу с большевиками, контрреволюционеры не брезговали никакими средствами.

В конце 1917 г. в речах членов ЦК партии правых эсеров А. Р. Гоца, В. М. Чернова и др. все чаще стали звучать явно террористические ноты. К тому же Петроградский правоэсеровский губком настаивал на применении индивидуального террора к видным деятелям правительства и большевистской партии. В феврале 1918 г. правоэсеровский ЦК специально обсуждал этот вопрос. Большинство одобрило резолюцию о терроре, но она держалась в секрете и не была доведена до сведения рядовых членов эсеровских организаций.

Правые эсеры вплотную приступили к подготовке террористических актов. Вскоре под началом Б. Рабиновича была организована специальная группа, в которую вошла эсерка Л. Коноплева. Она сразу же предложила произвести покушение на В. И. Ленина. Член ЦК А. Р. Гоц от имени партии дал на это согласие, причем заранее было договорено представить дело так,

будто покушение — акт, не связанный с эсерами.

В марте 1918 г. Коноплева вместе с эсером Ефимовым отправилась из Петрограда в Москву. Они поселились на Арбате. Их руководителем был назначен член ЦК партии эсеров В. Н. Рихтер.

Коноплева и Ефимов в первую очередь должны были выявить все городские маршруты Ленина, установить за вождем слежку. Однако дело у заговорщиков не ладилось. Приехавший в столицу А. Р. Гоц нашел Л. Коноплеву угнетенной и растерянной. Он предложил ей прекратить дальнейшую работу. Так и не выполнив задания, Л. Коноплева возвратилась в Петроград. Вскоре группа Рабиновича распалась.

Несмотря на неудачи, эсеровские главари продолжали вынашивать планы новых террористических акций. В мае видный эсеровский боевик Г. Семенов провел ряд переговоров с А. Р. Гоцем и Д. Д. Донским об организации специального террористического отряда. Встретив их поддержку, он приступил к созданию «центрального боевого отряда». В него вошли Федоров, Сергеев, Усов, Зеленков, Коноплева, Иванова и ряд других эсеров. Первым преступлением, совершенным группой (в частности, Сергеевым), явилось убийство М. М. Володарского. После этого ее члены были переброшены в столицу (здесь у преступников имелись две конспиративные квартиры в городе и две дачи под Москвой), где продолжали плести нити заговора против видных партийных и государственных деятелей, и в первую очередь против В. И. Ленина.

К моменту приезда основной части отряда Семенова за В. И. Лениным уже было налажено наблюдение. По прибытии главного ядра террористов слежку за Лениным стали вести посменно Семенов, Коноплева, Иванова, Усов и Королев. Они старались установить те места, где он чаще всего бывал. К этому времени относится знакомство Г. Семенова с Ф. Каплан. Их свел руководивший военной работой эсеров в Москве И. Дашевский.

Ф. Каплан — фанатичная авантюристка анархо-эсеровского толка прибыла в столицу в феврале 1918 г. Созданная ею группа, состоявшая из четырех человек, готовила покушение на В. И. Ленина. Узнав об этом, Дашевский решил направить действия Каплан в уже организованное русло. Из группы Каплан Семенов включил в свой отряд лишь ее одну. Остальные ему не подходили.

Для выяснения позиции эсеровского ЦК в вопросе о времени осуществления террористических актов Семенов имел несколько бесед с Гоцем. Гоц нашел, что момент настал. Затем член ЦК Донской встретился с Каплан. Каплан получила полное

одобрение своих действий. Таким образом ЦК правых эсеров организовал покушение на жизнь В. И. Ленина и вложил оружие в руки преступников.

По разработанному плану город разбивался на несколько частей. В каждую из них назначался террорист-исполнитель. Это были Ф. Каплан, Л. Коноплева, Ф. Федоров-Козлов и К. Усов. Главарям правых эсеров очень хотелось, чтобы оружие против В. И. Ленина направил бывший рабочий Колпинского завода К. Усов. Но он не оправдал их надежд. На одном из митингов Усов не стал стрелять в вождя. Так же поступил и Ф. Федоров-Козлов. Исполнила злодейский замысел лишь Ф. Каплан. 30 августа 1918 г. она тяжело ранила В. И. Ленина.

Контрреволюционная деятельность эсеров соответствовала решениям VIII совета их партии, собравшегося 7-16 мая 1918 г.

На совете был провозглашен курс на вооруженное восстание против Советской власти. В резолюции совета прямо говорилось, что ликвидация существующей власти «составляет очередную и неотложную задачу»{152}. Совет нацелил эсеров на создание органов «демократического представительства». Правоэсеровский ЦК ориентировал на консолидацию антисоветских движений, он указывал на то, что они не должны носить характера разрозненных вспышек, а должны развиваться «планомерно, захватывая целые области»{153}.

Антисоветская направленность деятельности совета вызвала резкий протест трудящихся столицы. 11 мая по распоряжению ВЧК помещение, где он происходил, было оцеплено, а его участники арестованы (позднее их освободили). На следующий день фракция правых эсеров Моссовета с ожесточением выступила против «ничем не мотивированного» акта{154}.

Политические акции эсеров и их уголовные преступления теснейшим образом переплетались. Эсеровская партийная касса часто пополнялась за счет обыкновенных грабежей. Текли в нее, правда, денежки и из сейфов иностранных посольств. Бывший сотрудник французского консульства Ренэ Маршан впоследствии говорил, что эсеры получали от консульства и постоянные субсидии, и разовые — в экстренных случаях.

В этот период эсеры стали интенсивно вести переговоры с французами о формировании коалиционного правительства, призванного прийти на смену Советской власти. Французы хотели возвращения в России к старым порядкам. Эсеров они предполагали использовать как орудие для свержения власти пролетариата. Затем, при первой возможности, их должны были сменить более реакционно настроенные представители контрреволюции.

Правые эсеры, по образному выражению видного деятеля Коммунистической партии М. Н. Покровского, являлись своеобразными кондотьерами, наемной шпагой буржуазии, которая, как только опасность проходит, тут же рассчитывает их.

Конец лживого рупора

Контрреволюционные действия соглашателей поддерживались их идеологическим рупором — прессой. Печатные органы эсеров и меньшевиков являлись орудием лжи и клеветы на революционную власть.

Мелкобуржуазная печать с удовлетворением воспринимала каждое выступление реакции и помогала ей распространением всякого рода слухов, сеявших неверие в прочность новой власти.

Одним из поставщиков лживых сведений была меньшевистская газета «Вперед», систематически печатавшая различные дезинформирующие материалы.

Надо сказать, что за это «Вперед» не раз привлекалась к суду. В апреле 1918 г. дело о публикации ею статей на внешнеполитические темы слушалось в Московском ревтрибунале. Меньшевики пытались уклониться от ответа. Но выступивший в качестве обвинителя большевик Н. В. Крыленко разоблачил их увертки и потребовал строгого наказания контрреволюционеров.

Многочисленные предупреждения не пошли газете впрок. 10 мая 1918 г. ВЧК закрыла «Вперед». Вскоре она попыталась возродиться, но уже под другим названием — «Всегда вперед».

«Всегда вперед» в 1918 г. вышла всего один раз. В ответ на злобные выпады ее выпуск был приостановлен до конца года, а в феврале следующего, 1919, года она перестала существовать. Проект резолюции о закрытии «Всегда вперед» написал В. И. Ленин. В нем он отмечал, что газета «окончательно доказала свое контрреволюционное направление»{155}.

Владимир Ильич считал исключительно важным быстро и решительно пресекать деятельность антисоветских печатных органов. По свидетельству участника событий тех лет большевика А. Я. Аросева, которому в 1918 г. было поручено руководить крупной операцией по закрытию буржуазных газет, Ленин живо интересовался всеми деталями этого дела, подробно инструктировал Аросева, давал конкретные указания.

В первых числах июня московские газетные артели и продавцы дали подписку не распространять антисоветскую прессу. С протестом немедленно выступили владельцы печатных

органов буржуазии. На заседании Московского общества редакторов и издателей совместно с представителями профсоюза печатников и Союза газетных торговцев они заявили о том, что оставляют за собой свободу действий.

Одной из важных мер, расшатавшей фундамент контрреволюционной прессы, стало объявление монополии на продажу печатной продукции. Частные артели газетчиков распускались, а их сотрудники переходили на службу Советской власти.

В июне — июле прекратили свое существование такие мелкобуржуазные органы, как «Наш голос», «Газета — друг», «Земля и воля», «Воля труда», «Дни», «Друг народа», «Дело рабочего», «Знамя борьбы» и многие другие. Всего в политическом отделе Ревтрибунала за период с декабря 1917 г. по июнь 1918 г. было рассмотрено 66 дел о преступлениях буржуазных издателей.

После подавления левоэсеровской авантюры в июле 1918 г. наступление на антисоветскую печать значительно усилилось.

Отдел по делам печати при Моссовете аннулировал удостоверения на право выпуска повременных изданий, а 26 июля 1918 г. в сообщении «К закрытию антисоветской печати» подчеркнул, что запрещение выхода контрреволюционной прессы остается в силе{156}.

Интервенция и гражданская война, мятежи и заговоры заставили Советскую власть ускорить принятие мер по окончательной ликвидации в Москве реакционной прессы. К концу 1918 г. в столице молодого Советского государства было закрыто 150 буржуазных и мелкобуржуазных изданий, выходивших тиражом около 2 млн. экземпляров.

Попутчики революции

В ноябре 1917 г. из отколовшейся части эсеровской партии сформировалась новая партия — левых социалистов-революционеров. Эта партия имела определенное влияние в среде крестьян, признавала власть Советов и вначале по ряду вопросов поддерживала большевиков. Однако левые эсеры категорически отрицали необходимость установления диктатуры пролетариата, считали, что в одной России нельзя построить социализм, не признавали социалистического характера Октябрьской революции и руководящей роли рабочего класса, рассматривали крестьян как главную силу в переустройстве всего общества.

В середине ноября 1917 г. левые эсеры согласились войти в

правительство, и вскоре ряд народных комиссариатов и центральных советских учреждений стал возглавляться ими.

Блок большевиков с левыми эсерами просуществовал недолго. В марте 1918 г. в знак протеста против заключения Брестского мира левые эсеры вышли из правительства.

Углубление социалистических преобразований в деревне также вызвало резкое недовольство левых эсеров, которые в сложившейся ситуации открыто перешли на сторону сельской буржуазии и выступили как идеологи кулачества.

Левоэсеровская фракция V Московского областного съезда Советов в 1918 г. прямо заявила, что продовольственная политика Советского правительства ими отвергается.

Что же, по мнению эсеров, являлось неприемлемым в этой политике? Они отрицали продовольственную диктатуру, реквизиционные отряды, образование комитетов деревенской бедноты.

Одновременно с этим левые эсеры не переставали критиковать Брестский мир. Они поставили целью сорвать его и продолжать войну с Германией. Для этого левые эсеры организовывали провокации на демаркационной линии и распространяли клевету о политике Советского правительства.

Не прекращали своей подрывной деятельности они и в Москве. В трудные дни, когда не хватало хлеба и промышленных товаров, а по карточкам выдавали лишь по осьмушке хлеба, левые эсеры попытались спровоцировать рабочий класс Москвы на всеобщую забастовку. Эта затея не удалась. Тогда они стали всячески запугивать семьи рабочих, поджигать железнодорожные склады.

Надо сказать, что в МК партии большевиков не раз поступали сведения о подрывной деятельности левых эсеров. Их руководители, как правило, использовали трибуну для критики Советской власти. Особенно активно действовала М. А. Спиридонова, один из левоэсеровских лидеров. Так, ее почти двухчасовая речь на заводе Гужона (в начале 1918 г.) состояла сплошь из нападок на внешнюю и внутреннюю политику большевиков.

После того как МК партии большевиков стало известно об этом, он включил вопрос об антисоветской агитации М. А. Спиридоновой в повестку дня. Секретарь МК В. М. Загорский подчеркнул, что М. А. Спиридонова ведет успешно пропаганду там, где работа с массами налажена слабо.

В принятом предложении отмечалось, что ЧК должна усилить наблюдение за враждебной деятельностью М. А. Спиридоновой.

Работавшие в ряде советских учреждений левые эсеры упорно

саботировали мероприятия революционной власти. Это отмечало собрание большевиков — сотрудников правительственных учреждений — в марте 1918 г. (заполонившие Народный комиссариат земледелия (НКЗ) левые эсеры «явно в данный момент саботируют»{157}. В НКЮ, где работал левый эсер А. Шрейдер, происходило то же самое).

Летом 1918 г., стремясь сорвать Брестский мир, левые эсеры усилили кампанию провокаций против большевиков. М. А. Спиридонова выступила с клеветническими заявлениями о том, что в Германию отправлено несколько десятков вагонов хлеба и немцы требуют еще мануфактуру и уплату контрибуции якобы за разрешение проведения закона о социализации земли.

«Та партия, — отмечал в связи с этим заявлением В. И. Ленин, — которая доводит своих наиболее искренних представителей до того, что и они падают в столь ужасающее болото обмана и лжи, такая партия является окончательно погибшей»{158}.

Выступая против продовольственной диктатуры и Брестского мира, левые эсеры мечтали, получив большинство голосов на V Всероссийском съезде Советов, постепенно захватить руководство в Советах. Однако, видя крах своих планов, лидеры левых эсеров вступили на авантюристический путь контрреволюционного путча.

Разгром мятежа

24 июня 1918 г. ЦК партии левых эсеров, обсудив на своем заседании политическое положение, нашел, что необходимо в короткий срок положить конец передышке, создавшейся благодаря ратификации Брестского мира, а для этого организовать ряд антигерманских террористических актов, мобилизовать все свои военные силы и принять меры к тому, чтобы рабочие и крестьяне примкнули к эсеровскому восстанию. ЦК партии левых эсеров призвал местные организации к решительным действиям против политики СНК.

Выступление должно было начаться по сигналу левоэсеровских лидеров из Москвы. Эсеровский ЦК образовал бюро из трех человек (Спиридонова, Голубовский и Майоров) для распределения сил и воплощения своих замыслов в жизнь.

Зная о громадном влиянии большевиков, левоэсеровское руководство попыталось сбить с толку массы демагогическим заявлением, составленным на том же заседании ЦК 24 июня, в котором утверждалось, что борьба ведется не против

коммунистов, а лишь против политики СНК.

Голосование продемонстрировало полное единодушие членов ЦК относительно принятого плана действий. Об этом свидетельствовала собственноручная карандашная пометка на протоколе М. А. Спиридоновой: «Голосование было в некоторых пунктах единогласное, в некоторых — против 1 или при одном воздержавшемся»{159}.

Решение об антисоветском мятеже не было пустой фразой. Контрреволюционеры имели определенные силы для выступления. У них существовала так называемая Всероссийская боевая организация партии социалистов-революционеров, во главе которой стоял штаб. Он имел отделы: мобилизационный, оперативный, снабжения. Боевой единицей в организации являлась дружина, состоявшая из взводов (взводы, в свою очередь, состояли из отделений, а последние — из звеньев). Дружина по штату имела отделения пулеметчиков, гранатометчиков, связи, хозяйственное и насчитывала 193 человека с солидным личным вооружением.

Для создания таких дружин Всероссийская боевая организация партии социалистов-революционеров обратилась ко всем эсерам с призывом исполнить «свой долг».

В конце июня ее главный штаб приказал одному из своих членов сформировать особое воинское подразделение в составе двух пехотных рот, артиллерийского и броневого дивизионов, служб связи и обеспечения. Для отряда спешно стали подыскивать обмундирование и снаряжение, причем численность его все время продолжала расти.

Оружие мятежники добывали из разных источников. Так, за неделю до восстания в Ярославль отправился член исполкома крестьянской секции ВЦИК левый эсер А. Петров. В его кармане лежало требование к начальнику местного гарнизона о передаче ему 40 пулеметов, 1000 винтовок с патронами к ним, 5 артиллерийских батарей, а также большого количества ручных гранат, шашек, кинжалов и бомбометов.

Из Москвы в Витебск поехал левый эсер Овсянкин, чтобы привезти оттуда в столицу 400 дружинников. В Тулу полетела телеграмма с распоряжением о присылке вооруженного отряда. Из Петрограда в Москву двинулись матросы в полном боевом снаряжении. Их отряд состоял из 80 человек. В самом городе левоэсеровские комитеты и клубы спешно запасались оружием и боевым снаряжением. В этом им помогали левые эсеры, работавшие в некоторых советских учреждениях. Впоследствии в Замоскворецком, Рогожско-Симоновском, Басманном и других районах было обнаружено в помещениях, которые занимали

эсеры, много оружия и боеприпасов.

Главной силой мятежников, их основной ударной группой стал отряд Д. И. Попова, переведенный из Петрограда в Москву. Под различными предлогами Попов смог удалить из отряда преданных Советской власти бойцов и заменить их «своими людьми». Отряду и самому Попову покровительствовал заместитель председателя ВЧК левый эсер В. А. Александрович.

30 июня Попов потребовал выдать ему довольствия на тысячу человек, хотя в отряде такого количества солдат не было. Через некоторое время Всероссийский союз городов получил требование выдать его отряду 20 санитарных носилок, а также санитарные сумки, лубки и т. д. Одновременно левые эсеры принимали меры для вывода из Москвы революционных воинских частей.

«Недели за три до восстания, — пишет в своих воспоминаниях И. И. Вацетис, — мной, как начальником Латышской дивизии, было замечено, что какая-то властная рука старается очистить Москву от латышских частей, направляя их в разные провинциальные города якобы для восстановления Советской власти. Ордера на отправку латышских частей присылались на мое имя и исходили от помощника председателя ВЧК Александровича»[160].

Дней за десять до восстания Александрович потребовал отправить батальон в Нижний Новгород. Из Нижнего командир посланного подразделения сообщил, что местный исполком прибытие латышских стрелков встретил с недоумением, так как о помощи никто не просил. Аналогичные донесения стали поступать и от других командиров. Собрав все данные, И. И. Вацетис доложил об этом комиссарам дивизии Петерсону и Довиту. Отправка войск прекратилась. Однако на окончательное разоблачение Александровича времени не оставалось, так как вскоре начался мятеж. Он-то и раскрыл его истинное лицо.

Курс, взятый левоэсеровским ЦК, получил одобрение на проходившем с 28 июня по 1 июля 1918 г. III съезде партии левых эсеров. В принятой резолюции по текущему моменту подтверждалась правильность занятой партией позиции по отношению к Брестскому миру и клеветнически утверждалось, что страна вовлекается в «орбиту германской империалистической политики»[161].

До начала мятежа левых эсеров оставалась неделя.

4 июля 1918 г. открылся V Всероссийский съезд Советов. С этого момента левые эсеры стали делать все для разрыва с большевиками. И только необыкновенная выдержка и твердость последних как-то сдерживали бушевавшие страсти.

По распоряжению Я. М. Свердлова на наиболее важные посты в Большом театре были выставлены латышские стрелки, наружные и внутренние караулы значительно усилены. Эти предосторожности оказались не напрасными, так как еще до открытия съезда, в ночь на 4 июля, под сценой Большого театра был обнаружен и обезврежен взрывной механизм, с помощью которого, по замыслу террористов, сцена вместе с президиумом съезда должна была взлететь на воздух.

6 июля в два часа дня к зданию германского посольства подъехал автомобиль. Из него вышли два человека и, бережно поддерживая тяжелый портфель, толкнули парадные двери дома. Через некоторое время послышались выстрелы. Посол Германии В. Мирбах был убит.

Получив об этом известие, В. И. Ленин тотчас позвонил Ф. Э. Дзержинскому. Феликс Эдмундович сразу же выехал в посольство, а затем в отряд Попова, где и был арестован. Мятежники открыто выступили против Советской власти.

6 июля к вечеру положение в городе обострилось. Часть размещенного в Покровских казармах полка Московского гарнизона стала склоняться к переходу на сторону левых эсеров. В Ходынский лагерь, где находились тысячи солдат, левые эсеры заслали своих агитаторов, и те стали призывать войска к объявлению нейтралитета.

Выдающаяся роль в подавлении мятежа принадлежала В. И. Ленину. Он был в курсе всех событий и непосредственно руководил разгромом восставших. По указанию В. И. Ленина левых эсеров, находившихся на заседании съезда в Большом театре, арестовали как заложников.

6 июля вечером было опубликовано правительственное сообщение об убийстве Мирбаха, в котором давалась политическая оценка провокационному выступлению левых эсеров.

В тот же день В. И. Ленин направил во все районные комитеты РКП (б), районные Советы и штабы Красной Армии распоряжение принять меры для борьбы с преступниками. «Мобилизовать все силы, — говорилось в нем, — поднять на ноги все немедленно для поимки преступников. Задерживать ***все*** автомобили и держать до тройной проверки»{162}.

Одновременно В. И. Ленин послал телефонограмму в Моссовет, в которой имелись конкретные и четкие указания: «Передать во все комиссариаты города и пригорода в окружности на 50 верст: пропускать, кроме автомобилей народных комиссаров, еще автомобили боевых отрядов. Задерживать все автомобили Чрезвычайной комиссии по борьбе с

контрреволюцией, арестовать всех левых эсеров, членов этой комиссии, особенно Закса и Александровича. Сомнительных по партийной принадлежности привозить в Кремль на выяснение»[163].

Партия сумела быстро мобилизовать силы. По призыву большевиков рабочий класс столицы встал на защиту завоеваний революции. Под руководством районных комитетов партии и Советов на местах шла огромная работа по приведению в полную готовность воинских подразделений, по вооружению коммунистов и рабочих отрядов, по охране заводов и фабрик. В районы были направлены члены фракции коммунистов V съезда Советов (по 40–50 человек в каждый из районов города). Будучи комиссарами воинских частей, делегаты принимали активное участие в боевых действиях.

Все члены РКП (б) в Сокольническом районе получили оружие. Большевики привели 7-й Советский полк в боевую готовность, поставили во главе этого подразделения комиссара, обеспечили снарядами артиллерийские орудия, разъяснили солдатам обстановку. На улицах появились усиленные патрули. К Совету для его охраны подкатили два орудия. Так же уверенно и сосредоточенно действовали коммунисты и в других районах города. Огромную работу провели они и на предприятиях Москвы.

Моссовет организовал «чрезвычайную пятерку» для мобилизации сил против мятежников. В ночь с 6 на 7 июля «чрезвычайная пятерка» предложила районным Советам немедленно собрать всех коммунистов, всех сторонников Советской власти и сформировать из них вооруженные отряды.

Весть о мятеже вызвала негодование трудящихся столицы. По городу прокатилась волна митингов протеста, на которых рабочие требовали беспощадно подавить восстание левых эсеров. Рабочие Московского военно-артиллерийского завода назвали левоэсеровскую авантюру шагом «к открытию новой империалистической бойни на территории Советской республики»[164].

Несмотря на агитацию, проводившуюся левыми эсерами, к ним не присоединились ни трудящиеся, ни даже многие из членов их низовых партийных организаций. Прибывший в Москву из Петрограда отряд для поддержки мятежников был задержан и разоружен на станции Химки Николаевской железной дороги.

7 июля утром красноармейцы стали повсюду теснить левых эсеров, и те постепенно начали отходить к Трехсвятительскому переулку, где сосредоточились их главные силы. Артиллерия левых эсеров обстреливала красноармейские цепи и выпустила

несколько снарядов по Кремлю. Это не остановило наступавших. Они вплотную продвинулись к дому Морозова, подтянули и направили орудия на окна особняка. Первый снаряд разорвался рядом с комнатой, где происходило заседание главарей мятежа. С каждым новым выстрелом силы левых эсеров таяли. За своими руководителями пустились в бегство и рядовые члены. Ворвавшиеся в дом красноармейцы освободили Ф. Э. Дзержинского, П. Г. Смидовича и М. Я. Лациса.

В МК РКП (б) и Моссовет стали поступать сведения о ходе ликвидации мятежа в различных районах города. Из Рогожско-Симоновского района сообщили, что большевики арестовали комитет партии левых эсеров. То же самое произошло и в Сокольническом районе. Благуше-Лефортовский райсовет информировал Моссовет о том, что караулы и посты во всех частях района выставлены. Все спокойно. «Эсеры разоружены», — извещали коммунисты Пресненского Совета. Из Алексеевско-Ростокинского района докладывали, что Совет принимает меры к задержанию членов левоэсеровской партии. Большевики из Замоскворецкого района отмечали, что настроение у рабочих боевое, левые эсеры разоружены, а их комитет задержан, повсюду расставлены патрули.

7 июля в 13 часов 30 минут В. И. Ленин направил в Моссовет телефонограмму: «Передать Басманному, Лефортовскому и Сокольническому немедленно. В этом направлении убегают «левые» эсеры в числе 100 человек с броневиком. Принять все меры к тому, чтобы задержать этот броневик»{165}. Моссовет немедленно разослал соответствующие телефонограммы в указанные райсоветы.

От всех волостных и уездных Советов Московской губернии Владимир Ильич потребовал «принять все меры к поимке и задержанию дерзнувших восстать против Советской власти. Задерживать все автомобили. Везде опустить шлагбаумы на шоссе. Возле них сосредоточить вооруженные отряды местных рабочих и крестьян»{166}.

7 июля в 16 часов правительство известило население Москвы о том, что мятеж левых эсеров подавлен. Возвратившись в ВЧК, Дзержинский принял меры к задержанию членов левоэсеровского ЦК. На Курском вокзале поймали успевшего загримироваться Александровича. В тот же день он вместе с другими активными участниками восстания по приговору ВЧК был расстрелян.

Много хлопот причинила арестованная Спиридонова, пытавшаяся наладить связь с эсеровским подпольем и совершить побег. Однако благодаря бдительности коменданта Кремля

П. Д. Малькова этого ей сделать не удалось.

Мятеж в Москве послужил сигналом для левых эсеров и в других городах страны: Петрограде, Витебске, Владимире, Жиздре и т. д. На Восточном фронте командующий советскими войсками левый эсер М. А. Муравьев поднял восстание и двинулся с крупным отрядом из Казани в Симбирск. Но симбирские коммунисты сумели быстро подавить мятеж. Такая же участь постигла левых эсеров и в Петрограде.

9 июля работа V Всероссийского съезда Советов, прерванная мятежом, возобновилась. Выслушав доклад о событиях 6–7 июля, съезд осудил авантюру левых эсеров и потребовал сурово наказать их.

В постановлении съезда по этому вопросу говорилось: «Всероссийский съезд целиком и полностью одобряет энергичную политику Совета Народных Комиссаров, направленную на ликвидацию преступной и безумной авантюры левых эсеров, и требует суровой кары для преступников»[{167}].

Делегаты съезда от имени рабочих и крестьян предложили вывести тех левых эсеров из Советов, которые поддерживали действия своего ЦК. Еще до этого, 7 июля, Моссовет отдал распоряжение районным Советам города левых эсеров, занимавших «ответственные посты, сместить и заменить большевиками»[{168}]. В свою очередь, районные Советы призвали рабочих отозвать из Советов представителей, принадлежащих к перешедшей в ряды контрреволюционеров партии.

18 июля Бюро исполкома Московского областного Совета исключило из своего состава фракцию левых эсеров.

Обреченные на бесславный конец

Контрреволюционная политика меньшевиков, левых и правых эсеров была обречена на поражение. Дальнейшие события показали, что они так и не смогли преодолеть свою политическую ограниченность.

В феврале 1919 г. левые эсеры выступили против всяких мирных переговоров со странами Антанты, а вышедшая на свободу М. А. Спиридонова в своих речах продолжала призывать к свержению власти большевиков. Не прекращалась их злостная агитация на предприятиях и в воинских частях.

В Москве левые эсеры имели конспиративную квартиру в Трехпрудном переулке. Здесь находилась нелегальная типография. Не забыли они изготовить и поддельную печать коменданта Московского Кремля, а также запастись оружием. Все

это привело к тому, что МК РКП (б) в февральском постановлении «О деятельности МК и ЦК партии левых эсеров» подчеркнул необходимость принятия более решительных мер по пресечению левоэсеровских антиправительственных действий.

Вскоре органы ВЧК были вынуждены вновь применить репрессии к заговорщикам. Свыше 50 руководителей и видных левоэсеровских активистов подверглись аресту. Среди них М. А. Спиридонова, И. З. Штейнберг, Рыбин, В. Е. Трутовский, Сирота, Прокопович, Розен-блюм, Л. Кроник и др.

«Здесь надо указать, — подчеркивалось в сообщении «Известий ВЦИК», — что среди арестованных есть представители партийных организаций (левоэсеровских. — *В. К.)* всех крупных городов России, что дает основание предполагать о готовившемся совещании левых эсеров или же что они приехали за «инструкциями»[{169}]. Началось кропотливое следствие. Дело Спиридоновой раньше других было передано в Революционный трибунал, поэтому тогда же, в феврале 1919 г., над ней состоялся суд.

Однако М. А. Спиридонова не посчиталась с решением Революционного трибунала, который вынес мягкий приговор, учитывая состояние ее здоровья.

В апреле 1919 г. она бежала из-под стражи и под именем П. Онуфриевой продолжала подпольную работу до тех пор, пока в 1920 г. за ней не захлопнулись двери камеры Бутырской тюрьмы.

Вскоре наиболее экстремистски настроенные члены московской организации левых эсеров заключили соглашение с анархистами и вступили на путь открытого террора.

В январе 1920 г. в советской печати было опубликовано сообщение МЧК о том, что левые эсеры продолжают подрывную деятельность, что при аресте одного из активных заговорщиков в руки МЧК попал документ, который это полностью подтверждает. «Наша работа, — говорилось в захваченном письме, — протекает сейчас в невероятных условиях»[{170}].

Но ни открытые выступления, ни оголтелый террор не давали да и не могли дать тех результатов, на которые рассчитывали их организаторы. Эсеры и меньшевики не имели реальных сил для достижения успеха. Изменение отношения среднего крестьянства к Советской власти и поворот мелкобуржуазных масс в сторону пролетариата заставили их маневрировать. В декабре 1918 г. на совещании членов ЦК правых эсеров в Уфе, затем на совещании Московского бюро ЦК правоэсеровской партии, в феврале 1919 г. на Московской конференции, наконец, в июне 1919 г. на IX совете партии правых эсеров была выработана и принята «новая» тактика, заключавшаяся в приостановлении вооруженной борьбы

«против большевистской власти» и в замене «ее обычной политической борьбой»{171}. Однако тут же подчеркивалось, что это не означает принятия власти большевиков, что это условное временное решение, вызванное сложившимися обстоятельствами. Указывалось на необходимость борьбы против диктатуры пролетариата и против буржуазно-помещичьей реакции, т. е. на два фронта. Значительная часть эсеров продолжала политику соглашения с внутренней реакцией и международным империализмом, по-прежнему прилагала все усилия к свержению Советской власти.

А на следующий год эсеры на своей конференции прямо заявили, что предвидят неизбежность вооруженной борьбы с большевиками. Тогда же оживилось левоэсеровское подполье, блокировавшееся с правоэсеровскими заговорщиками.

Рабоче-крестьянское правительство зорко следило за зигзагообразным поведением мелкобуржуазных партий и в случае надобности решительно пресекало их антисоветскую деятельность.

В октябре 1919 г. ВЧК ликвидировала в столице правоэсеровскую типографию и склад с контрреволюционной литературой. Но поток листовок и воззваний уменьшился ненадолго, ибо вскоре подобная литература стала поступать из Прибалтики. Пришлось перекрыть и этот канал. В ночь на 28 декабря ВЧК были проведены аресты среди правых эсеров. Задержали некоторых членов ЦК правых эсеров и других видных партийных функционеров. У них нашли много фальшивых документов, печатей и штампов советских учреждений. Имелись даже образцы подписей секретарей ВЦИК. Кроме того, обнаруженные материалы говорили о связи эсеров с бандитами в Тамбовской губернии. Целиком и полностью подтвердились слова В. И. Ленина, предупреждавшего в 1919 г., что за открытой контрреволюцией, черной сотней и кадетами «плетутся, как всегда, колеблющиеся, бесхарактерные, словами прикрашивающие свои дела, меньшевики, правые эсеры и левые эсеры»{172}.

Наметившиеся некоторые непоследовательные сдвиги влево в партии меньшевиков были также вызваны тактическими соображениями. Они не привели к коренному изменению их старой политической линии. Поэтому В. И. Ленин призывал удесятерить бдительность. Указания вождя были своевременными, так как соглашатели не прекращали подрывной работы, выразившейся в проведении забастовок и демонстраций на фабрике «Богатырь», Александровской железной дороге, в усилении антисоветской агитации на бывшем заводе Густава

Листа, заводе подъемных сооружений, бывших фабриках Кушнарева, Ильина и других предприятиях, а также в Московском профсоюзе печатников.

Выступавшие на митингах меньшевистские ораторы позволяли себе враждебные антисоветские выпады. Однако аудитория, как правило, им не сочувствовала.

Так, на митинге 16 октября 1919 г. в Политехническом музее, где ораторствовали известные меньшевистские деятели Дан, Мартов, Ерманский, Горев, «громом аплодисментов откликалась аудитория на те места речей меньшевиков, в которых они вынуждены были признать действительную революционность коммунистов… шум вызывали меньшевистские булавки…»{173}

Очередным провалом меньшевиков явился митинг, устроенный ими в Замоскворечье. Выступавший на митинге Дан заявил, что якобы сейчас за коммунистами не идет подавляющее большинство. Крики с мест и лес поднятых за большевиков рук опровергли злобные измышления меньшевистского лидера.

Борясь с эсеро-меньшевистской контрреволюцией, большевики в то же время протягивали руку тем рядовым членам этих партий, которые под влиянием уроков революционной борьбы, убедившись в двурушничестве соглашателей и измене их делу социализма, порывали с обанкротившимися партиями и были готовы не на словах, а на деле помогать Советской власти.

Процесс распада мелкобуржуазных партий продолжался. Он и привел их со временем к окончательной потере влияния в массах и превращению в отдельные враждующие группы, сошедшие через некоторое время вообще с политической арены{174}.

Федерация «презренных пустомель»

Анархизм, мелкобуржуазное общественно-политическое течение, возник в России в конце 60-х годов XIX в. и прошел сложный путь развития. Являясь разновидностью утопического социализма, он не признавал никакой государственной власти, выступая против организованности и дисциплины. Учение анархистов, призывавшее к освобождению личности от всяких правил и законов, сбивало трудящихся с пути революционной борьбы.

«Анархизм, — писал В. И. Ленин, — нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополняли друг друга»{175}. Партия большевиков прилагала все силы для разоблачения авантюристической сущности анархизма в глазах широких

народных масс.

В годы первой русской революции анархисты не имели серьезного влияния на рабочее движение. После победы Февральской буржуазно-демократической революции они активизировались. Организовали свои группы и федерации в ряде крупных городов страны. Были вновь созданы пли возрождены анархистские группы и в Москве, позднее объединившиеся в федерацию. Они вели агитацию, распространяли литературу, провозглашали авантюристические лозунги.

Во время октябрьских боев определенная часть московских анархистов приняла участие в борьбе за ликвидацию буржуазной власти. Однако они не могли оказать сколько-нибудь серьезное влияние на ход боевых действий.

Анархистские группы (их насчитывалось 26–30, и они объединяли приблизительно 2 тыс. человек) после Октября заняли в городе 26 лучших особняков под видом устройства там бесплатных лекториев, библиотек, общежитий и т. п. (причем в стратегически выгодных частях города).

Явившись в то или иное здание, анархисты располагались в нем, как в собственном, присваивая всю богатую обстановку. Дом Титова, например, на Гончарной улице (в том числе одежду, серебро и драгоценности) захватила группа анархистов «Авангард». В коровинском особняке по Малому Власьевскому переулку обосновалось объединение «Буря». В феврале анархисты заявили Замоскворецкому райсовету о том, что займут дом Банкетова, а ценности, продукты и пр. останутся у них на «хранении». На Поварской улице анархисты облюбовали особняк чаезаводчика Цейтлина. Благуше-Лефортовская группа разместилась на Большой Семеновской улице. В Чудовом и Архангельском переулках, в районе Арбата и Мещанских улиц, а также в других районах города нашли пристанище различные анархистские труппы, гордо именовавшие себя «Борцы», «Буревестник», «Смерч», «Ураган», «Автономия», «Лава» и т. п. (некоторые ив них насчитывали всего по пять человек). Вокруг особняков анархисты расставляли сторожевые посты, в окнах устанавливали пулеметы, превращая здания в крепости. Наглые действия анархистов, естественно, вызывали законный гнев пролетариев города.

В Моссовете несколько раз ставился вопрос об освобождении анархистами захваченных особняков. 15 февраля было решено внести в повестку дня вопрос о реквизиции помещения Купеческого собрания на Малой Дмитровке. 21 февраля Моссовет предложил комиссару М. И. Рогову не допускать захвата особняков анархистами, не останавливаться перед применением

вооруженной силы.

Во второй половине марта МК партии большевиков, рассмотрев вопрос об анархистах, вынес решение передать ВЧК материалы об их контрреволюционной деятельности. Он просил комиссию принять самые энергичные меры борьбы с ними.

Однако руководители Федерации игнорировали требования Советской власти. 26 марта они официально известили Моссовет о захвате помещения Купеческого собрания со всем находившимся там имуществом. В нем разместилась Московская федерация анархистских групп под охраной пулеметов и горного орудия. Захватив поблизости еще особняк Паутинского, анархисты создали на Малой Дмитровке крупный укрепленный пункт. Московская федерация анархистских групп возглавлялась советом, при котором существовали секретариат, пропагандистский отдел, штаб «черной гвардии», газета «Анархия». Во главе федерации стояли Л. Черный, М. Крупенин, В. Бармаш, А. Гордин. Московская федерация поддерживала связь с анархистскими объединениями, каждое из которых являлось автономным. Большая часть групп признавала Федерацию центральной, но некоторые в нее не входили и не считали ее руководящей.

Пытаясь объединить силы, вожаки анархистов стремились выработать так называемый «договор», который должен был сформулировать задачи московской организации и закрепить ее структуру.

Проекты «договора» предусматривали добровольное объединение анархистских групп, действовавших на территории как одного района, так и всего города, создание общегородского координирующего центра из представителей районов. В распоряжении центра имелись вооруженные отряды, финансы, издательство, пропагандистский аппарат и т. д. Он посылал своих эмиссаров в районы, где, в свою очередь, организовывались аналогичные центры из представителей анархистских групп, которые также пользовались автономией.

Считая «целью своей деятельности полное освобождение человеческой личности» от всяческого гнета и духовного рабства, Федерация объявила себя «заклятым врагом» всех форм государственной власти, в том числе и Советской. Подчеркивая свое неприятие государства пролетарской диктатуры, Федерация утверждала, что ее идеал — «вольная коммуна городов и сел», объединяющихся в международную «ассоциацию работников».

Отмечая демагогический характер и утопизм доктрины анархистов, В. И. Ленин писал, что отрицание государственной власти для перехода «от капитализма к коммунизму, для

избавления трудящихся от всякого гнета и всякой эксплуатации», является бездной «тупоумия презренных пустомель анархизма»{176}. Говоря об отличии социалистов от анархистов, В. И. Ленин отмечал, что «анархисты не признают власти, между тем как социалисты, и в том числе большевики, стоят за власть в переходное время между тем состоянием, в котором мы находимся, и социализмом, к которому мы идем. Мы, большевики, за твердую власть, но за такую власть, которая была бы властью рабочих и крестьян»{177}.

Вскоре анархисты предприняли шаги к укреплению своих вооруженных формирований.

В марте 1918 г. вместо временных дружин налетчиков Федерация приступила к созданию постоянных боевых дружин. Общее руководство по организации боевых дружин поручалось специальной военной комиссии, которая делилась на ряд частей.

«Черногвардейцы» подписывали особый договор, выработанный на принципах «анархического движения». Кадры «боевиков», по заявлению руководства Федерации, предназначались для борьбы «за идеалы анархизма», с «контрреволюцией» в России, а также для подавления выступлений, «германских белогвардейцев».

Однако было ясно, что ни о какой борьбе с контрреволюцией речь не идет. Создавая постоянные вооруженные силы, Федерация лишь укрепляла свои позиции.

Армия предназначалась не для подавления «германских белогвардейцев», а для борьбы с Советской властью. Недаром всеми делами штаба «черной гвардии» фактически заправляли белогвардейские офицеры.

Прикрываясь демагогической фразеологией о ведении «социалистической войны», анархисты, с одной стороны, стремились привлечь народные массы, а с другой — добиться от Военного комиссариата равенства в обеспечении их с советскими войсками. Но СНК г. Москвы и Московской области запретил выдачу им оружия. Потерпела также провал попытка Федерации включить свою «гвардию» в состав Красной Армии на особых правах. СНК г. Москвы и Московской области предложил ввести ее не как особую организацию, а на общих началах, что давало возможность руководить всеми ее действиями.

Федерация вскоре дошла до того, что потребовала официально признать ее самостоятельной властью в столице. Ее нимало не смущало то обстоятельство, что анархисты отвергали само понятие власти. СНК г. Москвы и Московской области, разумеется, отверг эти притязания и заявил, что ни в какие переговоры с анархистами как с самостоятельной властью СНК

вступать не будет.

К сожалению, не всегда он действовал с должной твердостью и решительностью, хотя было ясно, что мирным путем соглашения с анархистами не найти.

А анархисты между тем наглели. Под видом ревизий они грабили склады и магазины, устраивали налеты на квартиры. Объединения анархистов представляли собой разношерстные отряды, включавшие уголовную прослойку, поэтому грабежи учащались. Многим из бандитов это не сходило с рук. 11 марта у дома Полякова на Большой Бронной, где размещался земельный банк, были убиты семеро вооруженных налетчиков из группы «Ураган», пытавшихся скрыться после ограбления. Во время осмотра убитых были найдены серебряные вещи, кольца, кресты, золотые часы и черная маска.

9 апреля 1918 г. одна из групп анархистов задержала автомобиль уполномоченного американской миссии. Дело дошло до того, что «черногвардейцы» совершили налет на правительственную автобазу. В начале апреля в гараже СНК они попытались захватить автомашину, подготовленную для В. И. Ленина.

Вскоре анархисты во главе с Горбовым и Григорьевым реквизировали (якобы с целью уничтожения) на складе транспортного общества «Кавказ и Меркурий» 359 посылок с опиумом. Но опиум они не уничтожили, а за большие деньги продали спекулянтам.

Дальше терпеть подобные действия было уже невозможно. Все уверения «идейных» анархистов в том, что они очистят свои ряды от уголовных элементов и никаких акций против Советской власти не допустят, являлись пустыми фразами.

Кроме того, иностранные представители стали подозрительно внимательны к Федерации. Наряду с бывшими студентами, торговцами, офицерами Дом анархии (так теперь называлось здание бывшего Купеческого собрания) посещали и представители иностранных военных миссий. Английский консул и французский генерал Лаверн рассчитывали при удобном случае использовать анархистские объединения. Анархистские клубы часто служили своеобразной «крышей» для заговорщиков. Видный деятель савинковского Союза защиты родины и свободы А. А. Виленкин вступил в одно из объединений анархистов для того, чтобы там укрыться и хранить оружие. Всего же Б. В. Савинков разместил у анархистов около 60–70 своих офицеров.

По городу стали распространяться слухи о готовящемся выступлении анархистов. Было известно, что штаб «черной

гвардии» объявил себя на осадном положении. По его примеру и другие группы анархистов начали стягивать значительные силы.

После переезда ВЧК в Москву несколько ее сотрудников подверглись нападению анархистов и один чекист был убит. По распоряжению Ф. Э. Дзержинского убийц разыскали, а затем они были приговорены к расстрелу. Давая Моссовету отчет о случившемся, Дзержинский предложил разоружить преступников.

В первых числах апреля 1918 г. ВЧК обратилась к населению Москвы с призывом оказывать активную поддержку в искоренении элементов, деятельность которых враждебна строительству социалистического общества. Нити борьбы с анархистами сосредоточились в ВЧК.

12 апреля 1918 г.

В начале апреля Ф. Э. Дзержинский вызвал коменданта Кремля П. Д. Малькова и поручил изучить подходы в особнякам, занятым анархистами. Вместе с командиром латышского подразделения П. Берзиным и комиссаром Э. Озолом Мальков выполнил это задание.

11 апреля 1918 г. состоялось расширенное заседание ВЧК совместно с представителями военного ведомства, районов и учреждений Москвы. Оно рассмотрело и утвердило план разгрома анархистских гнезд. К участию в операции привлекались отряды ЧК, воинские части и латышские стрелки из охраны Кремля. Операцию возглавил Ф. Э. Дзержинский.

Начало выступления назначалось в ночь с 11 на 12 апреля 1918 г. Для непосредственного руководства боевыми действиями был создан Чрезвычайный военный штаб. Командиры отрядов получили план конкретных действий. Латышам поручался захват наиболее ответственных пунктов. Районные Советы Москвы были обо всем заранее предупреждены. Войска получили приказ занять особняки анархистов по возможности бескровно: к 5 часам утра окружить их и предъявить ультиматум о разоружении.

Ночь на 12 апреля 1918 г. внешне ничем не отличалась от предыдущих. Но после полуночи москвичей разбудил грохот проносившихся грузовиков. Вскоре в штаб стали поступать донесения о том, что здания анархистов блокированы.

События развивались стремительно и в различных частях города по-разному. В отдельных местах «черногвардейцы» сдавались без боя, в других оказывали серьезное сопротивление. Особенно упорно оборонялись анархисты, засевшие в особняке Цейтлина, на Донской улице и в Доме анархии на Малой

Дмитровке.

Уже за несколько дней до этих событий Федерация стала получать сведения о готовящейся операции. Вокруг особняка на Малой Дмитровке анархисты усилили охрану, в окнах и на крышах соседних домов выставили пулеметы. После таких приготовлений переговоры о разоружении к положительным результатам не привели. До истечения срока ультиматума в красноармейские отряды полетели бомбы. Завязалась перестрелка. Осаждающие ввели в бой артиллерию. После нескольких залпов анархисты, поняв бессмысленность дальнейшего сопротивления, делегировали трех представителей для переговоров. Вскоре штаб «черной гвардии» капитулировал.

Более получаса шла разгрузка арсенала. Выносили ящики с винтовками, выкатывали пулеметы. Параллельно шел осмотр помещений, в которых хранились запасы вин и продовольствия. Захваченных анархистов вместе с их руководителями под конвоем латышей на грузовиках отправили под арест.

На той же Малой Дмитровке советские отряды очистили от анархистов еще два особняка. Здесь анархисты также оказали упорное сопротивление. Потерпев поражение, «черногвардейцы» пытались бежать, но были задержаны.

Главные события на Большой Дмитровке разыгрались у дома возле городского ломбарда. Засевшие встретили подошедших латышей винтовочными выстрелами и частыми пулеметными очередями. Для того чтобы проникнуть в особняк, требовалось открыть чугунные ворота, находившиеся под обстрелом. Выручил бойцов комендант Кремля П. Д. Мальков. Вдоль каменного фундамента он подполз к воротам и взорвал их. Латышские стрелки бросились к дому и разоружили бандитов.

Центральную роль в подавлении очага на Поварской улице выполнили солдаты 2-го латышского полка. «Дом независимых» тщательно охранялся. На ультиматум о сдаче анархисты ответили массированным огнем. Затянувшуюся перестрелку прервал артиллерийский залп. После нескольких выстрелов из окна показалось белое полотнище.

Сопротивление оказала и группа «Братство», занимавшая особняк Банкетова. Только к полудню удалось принудить бандитов сложить оружие.

Основательную подготовку к встрече советских частей провели анархисты из объединения «Буря». Они даже реквизировали ряд соседних квартир. Однако и здесь не смогли долго продержаться. После незначительного сопротивления их разоружили. Был арестован 71 человек.

Лефортовские группы, а также «Авангард» и многие другие

объединения сложили оружие без боя.

К двум часам дня 12 апреля операция по разоружению анархистов закончилась. Все захваченные особняки были очищены. Арестованных (около 600 человек) препроводили в Кремль на гауптвахту и в другие помещения — для допроса. Кроме оружия, при обыске у анархистов обнаружили значительное количество похищенных вещей, драгоценностей, золота, серебра, денег и т. д.

Анархисты потеряли убитыми и ранеными около 30 человек; из отрядов ВЧК пострадали 10–12 человек. Во время обстрела некоторые здания получили повреждения.

Прибывшие в Кремль следователи разбили задержанных на группы. Особенно тщательно велось расследование группы, за которой числились чисто уголовные дела и преступления контрреволюционного характера.

Для полного выявления преступного элемента 13 апреля ВЧК обратилась к гражданам, пострадавшим от ограблений, с просьбой явиться в уголовно-розыскную милицию и помочь опознать воров и убийц среди арестованных анархистов.

Уголовная прослойка оказалась довольно большой. В одной группе из 10 человек были опознаны 7 бандитов, совершивших вооруженные налеты на учреждения и квартиры в Благуше-Лефортовском районе. Было обнаружено несколько убийц работников городской милиции. В результате разоружения анархистов преступность в Москве снизилась на 80 %. Среди арестованных идейные анархисты составили не более 5 %.

Поскольку некоторым «черногвардейцам» удалось все же скрыться, Военный комиссариат Москвы приказал районным комиссарам высылать патрули в своих районах.

В свою очередь, СНК г. Москвы и Московской области принял постановление о строгих мерах по пресечению всяких эксцессов на месте боевых операций. В ночь на 13 апреля охрана города по настоянию ВЧК была значительно усилена. В результате облавы удалось задержать более 100 человек.

Враги республики попытались извратить действия Советской власти. Поэтому в интервью корреспонденту одной из шведских газет В. И. Ленин вынужден был разъяснить суть событий: «Что касается принятых мер пробив анархистов, то они вызваны тем, что анархисты вооружились и часть из них объединилась с явно бандитскими элементами»{178}.

В обращении к населению города Моссовет и СНК г. Москвы и Московской области выразили уверенность, что москвичи правильно поймут сложившуюся обстановку и помогут укрепить твердый революционный порядок.

Анархистские организации, выступившие против Советской власти, были разоружены не только в столице, но и в других городах страны.

Таким образом, подчеркнул Ф. Э. Дзержинский, пролетарская власть разбила «те иллюзии, которые распространялись за границей, что мы накануне нашего падения»[179].

Апрельские мероприятия, проведенные Советским правительством, до конца не охладили воинственного пыла верхушки Федерации. Оставшиеся на свободе анархисты настойчиво стремились вызвать сочувствие рабочих к своим арестованным коллегам. Они устраивали митинги, на которых провоцировали принятие резолюций с требованием отпустить задержанных и вернуть конфискованное имущество.

Анархисты попытались сорвать некоторые общегосударственные мероприятия. Совет Федерации выступил против празднования 1 Мая. Продовольственная политика государства также вызвала их резкий протест. Анархистские вожаки были против мира, за продолжение войны о Германией.

Сознавая свое бессилие, понимая, что не смогут привлечь народные массы, анархисты выдвинули проект объединения оппозиции в единый антисоветский блок. На повестку дня был поставлен вопрос об уходе их в подполье.

Разгром «анархистов подполья»

В середине 1919 г. анархисты К. Ковалевич, П. Соболев и др. основали в Москве контрреволюционную организацию — Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан (Всероссийская организация анархистов подполья), состоявшую из нескольких секций, главными из которых являлись «арсенальная» и «боевая»: они должны были заниматься обеспечением бандитов оружием и совершением грабежей, террористических актов, вооруженных нападений и т. д. В комитете насчитывалось около 30 человек. Он ставил своей целью вести разговор с Советской властью только «на языке динамита»[180].

Анархистское объединение окрепло после того, как наладило связи и заключило союз с эсерами-максималистами и группой левых эсеров во главе с Д. Черепановым. Видную роль в организации анархистов играли В. Азов (Азаров), А. Барановский (Попов), Я. Глазгон, Х. Цинципер и др.

Заговорщики намеревались осуществить целый ряд террористических актов, а один из них — взрыв здания СНК —

приурочить ко второй годовщине Великого Октября и VII съезду Советов. Для этого они пытались проникнуть в Кремль, изучали распорядок дня и места проведения правительственных заседаний. В Брянск были командированы доверенные лица, которые доставили в Москву несколько сот килограммов взрывчатки.

Средства для организации покушений, покупки оружия и взрывчатки добывались путем грабежа советских учреждений. Так, «анархисты подполья» 2 июля, очистив кассу рабочего кооператива в Туле, забрали более миллиона рублей, 12 августа в Москве на Долгоруковской улице ограбили отделение Народного банка. 18 августа бандиты «изъяли» 803 197 руб. из банка на Большой Дмитровке, а через несколько дней в Туле они похитили еще 3,5 млн. руб.{181} Часть награбленных денег пошла на оборудование лаборатории по изготовлению бомб, типографии и штаба в поселке Красково по Рязанской железной дороге, а также для того, чтобы снять дачу на станции Одинцово. И в Москве у заговорщиков имелся целый ряд конспиративных квартир.

Вскоре был налажен выпуск антисоветских листовок («Правда о махновщине», «Где выход?» «Медлить нельзя» и др.), вышло несколько номеров газеты «Анархия», увидели свет также «Декларация анархистов подполья», «Извещение» за подписью «повстанческого комитета», в которых клевета на партию большевиков и Советскую власть перемежалась с призывами к немедленному восстанию.

Однако наиболее тяжким преступлением «анархистов подполья» был диверсионный акт в Леонтьевском переулке в помещении МК РКП (б) 25 сентября 1919 г. Во взрыве здания МК принимали непосредственное участие шесть человек: Соболев, Барановский, Гречаников, Николаев, Глагзон и Черепанов.

За несколько дней до этого в тесной комнате одной из арбатских квартир на тайном сборище было принято решение, не откладывая, с помощью динамита показать свою «силу».

25 сентября, во второй половине дня, в квартире на Собачьей площадке террористы получили взрывчатку, доставленную из Краснова. Около девяти часов вечера анархист Соболев, забравшись на небольшой балкон старинного особняка в Леонтьевском переулке, уже поджигал бикфордов шнур «адской машины». Размахнувшись, он бросил самодельную бомбу через окно в зал, где находились 100–120 человек.

Секретарь МК РКП (б) В. М. Загорский хотел вышвырнуть шипящий ящик обратно в окно, но было поздно. Тишину разорвал страшный грохот.

При взрыве погибли 12 человек, были ранены 55 (среди них

Е. М. Ярославский, М. С. Ольминский, М. Н. Покровский и другие видные деятели партии).

В работе собрания должен был принять участие В. И. Ленин. Но, к счастью, он задержался в Моссовете и не приехал.

Кроме секретаря МК В. М. Загорского, революционера-профессионала, погибли А. К. Сафонов, старый большевик, член РВС 12-й армии; Кваш, деятельный организатор субботников в столице; Н. Н. Кропотов, член Моссовета, воспитанник Московского университета; Г. В. Титов, бывший рабочий, комиссар полка 1-й Московской рабочей дивизии; А. Халдина, сотрудника МК партии большевиков и др.{182} Это был акт мести мелкобуржуазных псевдореволюционеров.

Перед прибывшими на место происшествия чекистами во главе с Ф. Э. Дзержинским и заместителем председателя МЧК В. Н. Манцевым предстала ужасная картина: стены, пол и потолок зала заседания разрушены, везде искореженные остатки мебели, битые стекла и кирпич, обуглившиеся доски и балки. Слышались стоны и крики о помощи. Из горящего здания стали выносить раненых и убитых. Район взрыва был оцеплен. Огромную толпу собравшихся людей оттеснило специальное подразделение ВЧК.

«Адская машина» заговорщиков весила около полутора пудов. Она была начинена динамитом и нитроглицерином и обладала огромной взрывной силой. Секретарь Благуше-Лефортовского райкома РКП (б) Е. Левитас вспоминала, что в тот момент, когда она, опоздав, еще стояла в дверях, с балкона в зал полетела бомба. Взрывная волна мгновенно откинула ее к лестнице и сбросила вниз по ступенькам.

Весть о злодеянии контрреволюционеров вызвала негодование московского пролетариата. Рабочие предлагали ответить на их действия беспощадными репрессиями.

26 сентября 1919 г. Пленум ЦК РКП (б) принял постановление, в котором отмечалось, что «покушение на собравшихся в Московском комитете не должно отразиться на обычной деятельности ВЧК и ЧК»{183}. Партия призывала к спокойствию и бдительности, она была уверена, что, выполняя свою повседневную работу, чекисты сумеют в короткий срок обезвредить врага.

Устами рабочих Москвы большевики заявляли, что тот, кто не станет в ряды защитников «рабоче-крестьянского дела, тот враг рабочего дела, изменник и помощник царских генералов»{184}.

Для расследования событий 25 сентября по решению ВЧК, МЧК и Моссовета 27 сентября была создана специальная комиссия. Исполком Московского губернского совета объявил

губернию на военном положении и учредил губернский ревком для «общего руководства борьбой с врагами революции»[185].

Началась кропотливая работа органов ВЧК и МЧК по поиску преступников. Вначале казалось, что взрыв в Леонтьевском переулке — дело рук уцелевших от ареста белогвардейцев. Поэтому прежде всего проанализировали материалы раскрытой организации Национальный центр. Однако через несколько дней произошло событие, которое заставило следствие пойти по другому пути.

«2 октября 1919 года, — вспоминал В. Н. Манцев, — в вагоне поезда, шедшего из Москвы в Брянск, красноармейцы и рабочие разговаривали о взрыве в Леонтьевском переулке и высказывали свое возмущение действиями белогвардейцев. В разговор вмешалась молодая женщина. Она заявила, что взрыв, возможно, совершили не белогвардейцы, а настоящие революционеры и защитники народа. Красноармейцам это показалось подозрительным. Они задержали женщину и передали ее органам транспортной ЧК.

Проверка показала, что красноармейцы задержали Софью Каплун, которая была активным членом конфедерации анархистских организаций Украины «Набат» в по заданию этой организации ехала для связи с анархистами в Брянске. При ней было найдено письмо лидера анархистской организации «Набат» Барона, в котором он писал своему единомышленнику о том, что взрыв здания Московского комитета партии большевиков произведен боевой группой «анархистов подполья».

Показания Каплун и изъятые при обыске документы оказали большую помощь в выявлении виновников чудовищного преступления»[186].

Через несколько недель московские чекисты обнаружили ряд конспиративных квартир анархистов. При этом они проявили чрезвычайную смелость, профессиональное умение и преданность своему делу.

Для успеха операции необходимо было узнать, что собой представляет подозрительная квартира на Арбате, не является ли она прибежищем анархистов. Один из чекистов проник в эту квартиру и, спрятавшись в прихожей, все выяснил (если бы его обнаружили, он бы, конечно, погиб). Вскоре удалось задержать Цинципера, Гречаникова и многих других анархистов, были убиты Ковалевич и Соболев[187].

Накануне празднования годовщины Октября МЧК получила сведения о том, что анархисты сняли дачу под Москвой. В ночь на 5 ноября туда выехал отряд чекистов и в четыре часа утра оцепил дачу Горина.

Руководитель московских чекистов В. Н. Манцев описывал дальнейшие события так: «Бывшие в ней анархисты встретили прибывших залпами из револьверов и бомбами. Перестрелка продолжалась более двух часов. Затем анархисты зажгли адскую машину и взорвали дачу. Сила взрыва была громадна, дача, целиком поднята на воздух, горела, и на протяжении четырехчасового пожара происходили взрывы, поэтому потушить пожар было невозможно.

На месте пожарища были обнаружены трупы, остатки типографского станка, невзорвавшиеся адские машины, оболочки бомб, револьверы и пр. Типография анархистов и лаборатория для изготовления бомб были уничтожены. Московский пролетариат мог спокойно праздновать Октябрьскую годовщину. Наш отряд, несмотря на то, что перестрелка происходила почти вплотную (на расстоянии 10–30 шагов) и чекисты были вооружены только револьверами и карабинами, не потерял ни одного человека. Нас спас густой сосновый лес, окружавший дачу»{188}.

Вскоре были арестованы сообщники анархистов в Брянске, Туле, Подольске, ликвидированы их склады оружия, боеприпасов (в частности, склад динамита в Одинцове под Москвой).

Так прекратила свое существование преступная организация, презрительно прозванная рабочими «анархо-деникинской». Заговорщики А. Восходов, А. Барановский (Попов), М. Гречаников, Ф. Николаев, А. Домбровский, П. Исаев, Х. Цинципер, Л. Хлебныйский были расстреляны.

Понес заслуженное наказание и бывший член ЦК партии левых эсеров, участник левоэсеровского мятежа и взрыва МК РКП (б) Д. Черепанов, арестованный в начале 1920 г.

За ходом борьбы с «анархистами подполья» внимательно следил В. И. Ленин. О каждом новом факте, полученном в ходе следствия, В. Н. Манцев обязательно ему докладывал.

Кроме «анархистов подполья», в Москве существовал легально и полулегально еще ряд анархистских групп и течений. Они занимались пропагандой своих идей, но открыто не выступали против Советской власти. В декабре 1919 г. эти группы и течения объединились в Московский союз анархистов, наряду с которым в городе продолжали действовать и самостоятельные организации.

В апреле 1920 г. было созвано совещание представителей Московского союза анархистов, Петроградской федерации анархических групп, Всероссийской федерации анархистов-коммунистов и некоторых других групп с целью создания Всероссийского союза анархистов и сформировано

Организационное бюро этого союза из пяти членов (Г. Аскаров, А. Гордон, А. Карелин, А. Солонович, Перкус) и одного кандидата (Маркус). Но объединить основные анархистские силы России им не удалось. Анархизм с каждым днем утрачивал остатки своего влияния, а через некоторое время его мелкие сектантские группы окончательно сошли с политической арены,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на усилия международного империализма и российской буржуазии, планы превращения Москвы в общегосударственный центр контрреволюции потерпели полный провал. Победа над врагами Октября была обеспечена благодаря умелому руководству органами защиты революции со стороны Коммунистической партии, ее ЦК во главе с В. И. Лениным. Моссовет, чрезвычайные комиссии, суды, ревтрибуналы, милиция, воинские части, красногвардейцы вместе с рабочим классом проделали огромную работу по разоблачению и обезвреживанию врагов революции, наведению в городе порядка.

Разгром контрреволюции в Москве дал возможность успешнее вести борьбу с белогвардейцами и интервентами на полях гражданской войны в масштабе всей страны.

Пролетариат столицы показал образцы стойкости, геройства, преданности революционным идеалам. Много жизней отдали москвичи в борьбе с врагами революции.

Прошли десятилетия. Однако уроки истории и сегодня учат бдительности и стойкости.

Об этом еще раз напомнил XXV съезд нашей партии. В Отчетном докладе ЦК КПСС съезду подчеркивалось, что надежным щитом, ограждающим наше общество от «подрывных действий разведок империалистических государств, разного рода зарубежных антисоветских центров и иных враждебных элементов», служат наши славные органы государственной безопасности, хранящие и развивающие «традиции, заложенные рыцарем революции Феликсом Дзержинским»{189}.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ,

председатель ВЧК. 1919 г.

Члены коллегии и сотрудники ВЧК. 1919 г.

Разрушенное взрывом здание Московского комитета РКП (б) в Леонтьевском переулке. 1919 г.

Похороны жертв взрыва в Леонтьевском переулке. 1919 г.

В Комиссию.

П Р О Т О К О Л

На основании ордера Московской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлением по должности за № 11757 от 27 Октября мес. 1919г. произведен обыск у гр.ЗУБОВА в д.№ 9, кв.№ I по ул. Б.АЛЕКСЕЕВСКОЙ, I Комиссариата РОГОЖСКОГО.

При обыске присутствовали: ДВОРНИК № 9 ЧУНЯЕВ, ГР.ЗУБОВ И АРТИСТ КУБАЦКИЙ.

Взято для доставления в Москов.Чрезв.Комиссию следующее (подробная опись всего конфискуемого или реквизируемого) ВЗЯТЫ ДЛЯ ДОСТАВКИ В КОМИССИЮ И ПЕРЕДАНЫ КОМИССАРИАТУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ:

I СКРИПКА МАСТЕРА ГВАРНЕРИ 1600, А ОСТАЛЬНЫЕ ДВЕ ЦИФРЫ УСТАНОВИТЬ ЗА НЕРАЗБОРЧИВОСТЬ НЕВОЗМОЖНО УСТАНОВИТЬ.

I СКРИПКА МАСТЕРА СТРАДИВАРИУСА 1707 ГОДА 2 СМЫЧКА

I СКРИПКА МАСТЕРА АМАТТИ 1629 ГОДА 2 СМЫЧКА

I СКРИПКА "АЛЬТ" МАСТЕРА 2 СМЫЧКА РУДЖЕРИ 1715 ГОДА.

ПРИМЕЧАНИЕ: ВИОЛОНЧЕЛЬ РУДЖЕРИ ПРИНАДЛЕЖИТ ГР.ЗУБОВУ НАХОДИТСЯ У АРТИСТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА ВАЛЕРИЯ ИВАНОВИЧА ПОРУБТОВСКОГО.

Обыск производил: Комиссар Комиссии М.ПРОКОФЬЕВ.

Протокол об изъятии музыкальных инструментов. 1919 г.

В. М. ЗАГОРСКИЙ

секретарь Московского комитета РКП (б)

М. И. РОГОВ

комиссар по гражданской части Москвы

В. П. ПОДБЕЛЬСКИЙ

комиссар по делам печати Москвы

Н. Н. ПРЯМИКОВ

комиссар Рогожской районной чрезвычайной комиссии

И. М. ХОМЯКОВ, А. Н. ПРОКОФЬЕВ

сотрудники МЧК

Я. Я. БУЙКИС, Э. П. БЕРЗИН

участники раскрытия заговора Локкарта. 1918 г.

Охрана V съезда Советов во время левоэсеровского мятежа. 1918 г.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. О пролетарской милиции. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 286–289.

Ленин В. И. Речь по вопросу о печати на заседании ВЦИК 4 (17 ноября) 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 35, с. 53–55.

Ленин В. И. Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции. — Полн. собр. соч., т. 35, с. 126.

Ленин В. И. Записка Ф. Э. Дзержинскому с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками, — Полн. собр. соч., т. 35, с. 156–158.

Ленин В. И. К декрету о революционных трибуналах, — Полн. собр. соч., т. 36, с. 210–211.

Ленин В. И. Беседа с сотрудником «Известий ВЦИК» по поводу мятежа левых эсеров 7 июля 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 518–519.

Ленин В. В. Речь на митинге-концерте сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 173–174.

Ленин В. И, Предложения о работе ВЧК. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 535.

Ленин В. И. О диктатуре пролетариата. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 259–268.

Ленин В. И. VII Всероссийский съезд Советов 5–9 декабря 1919 г. Заключительное слово по докладу ВЦИК и Совнаркома 6 декабря. — Поля. собр. соч., т. 39, с. 415–425.

Ленин В. И, Речь на IV Конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 113–121.

Ленин В. И. Телефонограмма всем районным Советам Москвы 7 июля 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 50, с. 114–115.

* * *

Алещенко В. М. Московский Совет в 1917–1941 гг. М., 1976.

Абрамов А. С. У Кремлевской стены. М., 1974.

Биленко С. В. Советская милиция России (1917–1920 гг.). М., 1976.

Знаменский О. В. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976.

Зубов В. И. Ф. Э. Дзержинский. Биография. М., 1971.

Гимпельсон Е. Г. Советы в годы иностранной интервенции и

гражданской войны. М., 1968.

Гимпельсон Е. Г. Советский рабочий класс. 1918–1920 гг. М., 1974.

Гладков Т. К., Смирнов М. А. Менжинский. М., 1969.

Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). М., 1975.

Городецкий Е. В. Рождение Советского государства. 1917–1918 гг. М., 1965.

Грунт А. Я. Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976.

Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М., 1963.

Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975.

Игнатьев Г. С. Москва в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975.

Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.

История Москвы, т. VI, кн. 1. М., 1957.

Канев С. В. Октябрьская революция и крах анархизма (борьба партии большевиков против анархизма. 1917–1922 гг.). М., 1974.

Коваль И. Я. Железная рука. М., 1967.

Комин В. В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.

Кондратьев В. А. Их имена в истории Москвы. М., 1963.

Кострикин В. И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975.

Минц И. И. История Великого Октября, т. 3. Триумфальное шествие Советской власти. М., 1973.

Окороков А. З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970.

Очерки истории Московской организации КПСС. 1883–1965. М., 1966.

Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. М., 1968.

Поляков Ю. А. Московские трудящиеся в обороне советской столицы в 1919 г, М., 1958.

Поляков Ю. А. Некоторые черты вооруженной борьбы в годы гражданской войны. — В кн.: Исторический опыт Великого Октября. М., 1975, с. 119–127.

Поляков Ю. А. Великая Октябрьская. М., 1977.

Поляков Ю. А., Шелестов Д. К. Боевой восемнадцатый год. М… 1958.

Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917–1918 г.). М., 1968

Соболева П. И. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968.

Соловьев О. Ф. Великий Октябрь и его противники. О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1917-июль 1918). М, 1968.

Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960.

Спирин Л. М. Классы и партий в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968.

Спирин Л. М. Крах одной авантюры. М., 1971.

Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977.

Тишков А. В. Дзержинский. М, 1977.

Трифонов И. Я. Ликвидация эк[4] сплуататорских классов в СССР. М., 1975.

Трукан Г. А. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975.

Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. М., 1977.

Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. Минск, 1970.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАМО — Государственный архив Московской области

МПА — Партийный архив Института истории партии МГК и МК КПСС

ПАЯО — Партийный архив Ярославского обкома КПСС

ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР

ЦГА РСФСР — Центральный государственный архив РСФСР

ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРЕИМЕНОВАННЫХ УЛИЦ МОСКВЫ

Прежнее название	Современное название
Архангельский пер.	Телеграфный пер.
Варварка ул.	Разина ул.
Власьевский Малый пер.	Танеевых ул.
Воскресенская пл.	Революции пл.
Глинищевский пер.	Немировича-Данченко ул.
Гончарная ул.	Володарского ул.
Грачевская (Грачевка) ул.	Трубная ул.
Дмитровка Малая ул.	Чехова ул.
Дмитровка Большая ул.	Пушкинская ул.
Долгоруковская ул.	Каляевская ул.
Калужская пл.	Октябрьская пл.
Леонтьевский пер.	Станиславского ул.
Мещанская 1-я ул.	Мира просп.
Мещанская 2-я ул.	Гиляровского ул.
Мещанская 3-я ул.	Щепкина ул.
Мещанская 4-я ул.	Мещанская ул.
Мясницкая ул.	Кирова ул.
Неглинный проезд	Неглинная ул.
Никитская Большая ул.	Герцена ул.
Никитская Малая ул.	Качалова ул.
Остоженка ул.	Метростроевская ул.
Охотный ряд пл.	Маркса просп.
Поварская ул.	Воровского ул.
Рязанское шоссе	Рязанский просп.
Садовая ул.	Щелкановская ул.
Садовая — Земляной вал	Чкалова ул.
Сокольническое шоссе	Русаковская ул.
Тверская ул.	Горького ул.
Театральная пл.	Свердлова пл.
Трехсвятительский Большой пер.	Вузовский Большой пер.
Хлебный пер.	Фалеевский пер.
Шереметевский пер.	Грановского ул.

Именной указатель удален по причине отсутствия нумерации страниц в электронной книге

INFO

К 49
Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917–1920 гг. — М.: Наука, 1978 — 192 с., пл., 0,5 л. ил. — (Серия «Страницы истории нашей Родины»).
— 4*63.3(2)7

К 10604-043/054(02)-78 БЗ-27-17—1977 НП

КЛИМЕНКО
Вячеслав Антонович

БОРЬБА
С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ В МОСКВЕ.
1917–1920 гг.

Утверждено к печати редколлегией серии
научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства Н. В. Шевелева
Художник Б. Е. Захаров
Художественный редактор И. В. Разина
Технический редактор Э. Л. Кунина
Корректоры Н. И. Казарина, Ф. Г. Сурова

ИБ № 4480

Сдано в набор 10.03.78.
Подписано к печати 17.08.78.
Т-14046. Формат 84X108 1/32.
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 10,5. Уч. — изд. л. 11,1.
Тираж 61000 виз. Тип. зак. 298
Цена 75 коп.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а

2-я типография издательства «Наука»
421099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

.....

Skan: Skaramusch; DjVuing: Nekt0_, 2011.
FB2 — mefysto, 2024

25 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
КНИГА:

ХЕСИН С. С.

Моряки в борьбе за Советскую власть.
10 л. 65 к.

Книга посвящена роли моряков в Великой Октябрьской революции. Автор показывает революционную борьбу моряков всех флотов и флотилий России в период подготовки и проведения Октябрьского восстания, установления Советской власти, создания и упрочения Советского государства, борьбы с контрреволюцией. Большое внимание уделено освещению борьбы партии большевиков за вовлечение моряков в социалистическую революцию как важной составной части общей работы партии в массах, ее руководящей и направляющей роли в решении исторических задач революции.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480391 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 **Баку**, 5, ул. Джапаридзе, 13; 734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95; 252030 **Киев**, ул. Ленина, 42; 443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2; 197104 **Ленинград**, Д-120, Литейный проспект, 57; 117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7; 630090 **Новосибирск**, 90, Морской проспект, 22; 620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 **Ташкент**, Л-29, ул. Ленина, 73; 450075 **Уфа**, проспект Октября, 129; 720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42; 310003 **Харьков**, Уфимский пер., 4/6.

ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·

notes

Примечания

1

Даты до февраля 1918 г. даются по старому стилю.

2

В 1917 г. руководство большевистскими организациями осуществляли Московское областное бюро РСДРП (б) — партийными организациями центральных губерний страны (Владимирская, Воронежская, Калужская, Московская, Орловская, Смоленская и др.); Московский окружной комитет РСДРП (б) — партийными организациями Московской губернии; Московский комитет РСДРП (б) — городской партийной организацией.

3

Для практического руководства Октябрьским вооруженным восстанием в Москве 25 октября 1917 г. на совместном заседании МК, Областного бюро и Окружного комитета партии большевиков был создан Боевой партийный центр (М. Ф. Владимирский, О. А. Пятницкий, В. И. Соловьев, В. Н. Яковлева, Е. М. Ярославский и др.). Тогда же вечером на объединенном пленуме Советов рабочих и солдатских депутатов был избран Московский военно-революционный комитет из семи членов и шести кандидатов (Г. А. Усиевич, В. М. Смирнов, Г. И. Ломов (Оппоков), Н. И. Муралов, А. Я. Аросев, П. Н. Мостовенко и др.).

4

Ведущей партией либерально-монархической империалистической буржуазии являлась в 1917 г. конституционно-демократическая партия (партия народной свободы) — кадеты (лидеры — П. Н. Милюков, В. А. Маклаков, В. Д. Набоков и др.); реакционной партией крупной торгово-промышленной буржуазии был Союз 17 октября (октябристы) (лидеры — А. И. Гучков, М. В. Родзянко), в 1917 г. на ее основе образовалась либеральная республиканская партия с теми же лидерами; прогрессивная партия (прогрессисты) занимала промежуточное положение между октябристами и кадетами (лидеры — А. И. Коновалов, В. П. и П. П. Рябушинские, С. Н. Третьяков, И. Н. Ефремов, Г. Е. Львов) (см.: *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977, с. 324).

Буржуазными партиями издавались газеты «Русское слово», «Раннее утро», «Русские ведомости», «Утро России» и др.

5

Главными мелкобуржуазными партиями являлись партия социалистов-революционеров (эсеры), самая многочисленная (лидеры — В. М. Чернов, А. Р. Гоц, Д. Д. Донской и др.); российская социал-демократическая рабочая партия (меньшевики), называвшаяся с августа 1917 г. по апрель 1918 г. РСДРП (объединенная) — реформистская партия, один из отрядов международного оппортунизма (лидеры — П. Б. Аксельрод, Р. Абрамович, Л. Мартов, Ф. И. Дан); партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов) — левые эсеры (лидеры — М. А. Спиридонова, Б. Д. Камков, П. П. Прошьян, А. Л. Колегаев, В. А. Карелин); существовали и различные анархистские объединения и группы (лидеры — А. Гордин, Г. Максимов, Г. Аскаров, В. Бармаш, Лев Черный и др.).

Мелкобуржуазная печать в Москве была представлена меньшевистской газетой «Вперед», эсеровскими листками «Земля и воля», «Труд» и рядом других.

6

В районных военно-революционных комитетах, существовавших в Москве, состояло около 130 членов партии большевиков, в том числе такие опытные работники, как И. В. Косиор, Е. М. Маленков, Н. Н. Прямиков, О. А. Пятницкий, И. В. Русаков и др.

Н. М. Алещенко считает, что Московский ВРК прекратил свое существование гораздо позже (см.: *Алещенко Н. М.* Московский Совет в 1917–1941 гг. М., 1976, с. 29).

8

В соответствии с указаниями В. И. Ленина 7 декабря 1917 1. для охраны государственной безопасности был образован специальный орган — Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

СНК г. Москвы и Московской области, начавший свою работу с марта 1918 г., был ликвидирован Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) в июне 1918 г. в связи о нецелесообразностью его существования наряду с центральной властью.

10

Следует отметить, что военное положение в городе объявлялось не впервые: например, я связи с активизацией контрреволюции — с 8 по 20 декабря 1917 г. и с 24 февраля 1918 г.

11

Называются и другие даты. Например, 15 ноября (см.: *Тишков А. В.* Первый чекист. М., 1968, с. 23); 20 ноября (см.: Особое задание. М., 1968, с. 58).

12

Манцев Василий Николаевич (1889–1939) — член партии большевиков с 1906 г. Участвовал в революции 1905–1907 гг. За революционную деятельность неоднократно арестовывался царским правительством. С 1911 по 1913 г. жил в эмиграции. Участник Великой Октябрьской социалистической революции. В 1918 г. находился на партийной и советской работе в Москве. В органах ВЧК — с сентября 1918 г. В 1919 г. — заместитель председателя МЧК, член Комитета обороны Москвы. В конце 1919 г. был направлен на Украину, являлся начальником Центрального управления ЧК Украины (ЦУПЧРЕЗКОМ), начальником особых отделов Юго-Западного и Южного фронтов, начальником тыла Южного фронта. Член Коллегии ВЧК. С 1923 г. — в Москве, в Рабоче-крестьянской инспекции (РКП) и Высшем Совете Народного Хозяйства (ВСНХ). С 1927 г. — заместитель наркома финансов СССР, а с 1936 г. — заместитель председателя Верховного суда РСФСР.

13

Максималисты — члены Союза социалистов-революционеров-максималистов (образовался еще до Октябрьской революции из группы эсеров, отколовшихся от своей партии). Максималисты признали Советскую власть, но проявляли неустойчивость и колебания: выступали против Брестского мира, централизации управления экономикой, рабочего контроля и т. д. Среди максималистов произошел раскол: часть их встала на путь вооруженной борьбы с Советской властью, другая, признав ошибочность своих взглядов, высказалась на конференции в 1920 г. за вхождение в РКП (б).

14

Рогов Михаил Иванович (1880–1942) — член партии большевиков с 1907 г. По образованию юрист. Участник революции 1905–1907 гг. После Февральской революции работал в Моссовете. Делегат от Москвы на VI съезде партии. Участник Великой Октябрьской социалистической революции. Выполнял задания Московского ВРК. С 4 ноября 1917 г. приступил к исполнению обязанностей комиссара по гражданской части Москвы. Затем до 1928 г. был членом Президиума и заместителем председателя Моссовета, в последующие годы — заместителем наркома финансов СССР, председателем Госплана РСФСР, председателем бюджетной комиссии ВЦИК, членом Президиума ВЦИК.

15

Выделение р а з р я д к о й, то есть выделение за счет увеличенного расстояния между буквами здесь и далее заменено ***жирным курсивом***. — *Примечание оцифровщика*.

Такого рода противозаконные сделки наносили ущерб государству, так как, согласно мирному договору с Германией, предъявленные ею ценные бумаги подлежали оплате.

17

По специальному постановлению Совнаркома от 30 мая 1918 г. за подписью В. И. Ленина картина «Мадонна с младенцем» реквизировалась и передавалась в музей*.

* Декреты Советской власти, т. II, с. 604–605.

18

После Октября кадеты, как ярые противники революции и диктатуры пролетариата, были объявлены врагами народа, а члены их руководящих органов подлежали аресту.

19

Гикс (В. Хикс) — помощник Локкарта.

20

С. Рейли и А. Вертамону удалось скрыться, а Б. Локкарта и Гренара выслали из страны.

21

В июне 1919 г. на подступах к Петрограду в форте «Красная горка» вспыхнул контрреволюционный мятеж, возглавленный бывшим офицером Неклюдовым. В ночь на 16 июня мятежники были разгромлены.

22

18 сентября 1919 г. Ф. Э. Дзержинский сделал информационный доклад на объединенном заседании Политического и Организационного. бюро ЦК РКП (б) о подготовке белогвардейцами выступления в столице, а 21 сентября на заседании ЦК РКП (б) председатель ВЧК отчитывался о проведенных в течение последних дней арестах контрреволюционеров из Национального центра и его военной группы.

23

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии, разрушившая надежды контрреволюционного Совета общественных деятелей на существенную помощь Германии, ликвидировала разногласия Совета с Национальным центром, ориентировавшимся на Антанту.

Совет общественных деятелей, Национальный центр, Союз возрождения России.

25

Входившие в Тактический центр объединения сохраняли за собой автономию, самостоятельность и организационную обособленность.

26

Подбельский Вадим Николаевич (1887–1920) — член партии большевиков с 1905 г. За революционную деятельность неоднократно преследовался царскими властями. Был в эмиграции. С 1915 г. работал в Москве. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. — член МК РСДРП (б), гласный Московской городской думы (по списку большевиков), сотрудник редакции газеты «Социал-демократ». Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции. Член Боевого партийного центра. В 1917 г. — комиссар почт и телеграфа Москвы, затем окружной комиссар. С мая 1918 г. — народный комиссар почт и телеграфа РСФСР. Делегат VI съезда РСДРП (б) (1917) и VIII съезда РКП (б) (1919).

27

Декрет (опубликован 23 января 1918 г. в «Газете рабочего и крестьянского правительства») состоял из 13 пунктов. В первом параграфе провозглашалось отделение церкви от государства; в пределах Республики запрещалось издавать местные постановления, ограничивавшие свободу совести или устанавливавшие привилегии на основании принадлежности граждан к той или иной вере; каждый гражданин мог исповедовать любую религию или быть атеистом; действия государственных и общественных органов религиозными церемониями не должны были сопровождаться; религиозные обряды не должны были нарушать общественный порядок и вести к нарушению прав граждан Республики; ссылки на религиозные воззрения не давали права уклоняться от исполнения гражданских обязанностей; религиозная клятва или присяга отменялись; ведение актов гражданского состояния передавалось отделам записи браков и рождений исполкомов Советов.

Далее следовали разделы об отделении школы от церкви. Преподавание религиозных догматов в учебных заведениях, где изучались общеобразовательные предметы, запрещалось. Все церковные и религиозные общества подчинялись положениям о частных обществах и субсидиями от центральных и местных властей не пользовались; принудительное изыскание сборов в пользу церкви и меры наказания с ее стороны не допускались. Церковные и религиозные общества не имели права юридического лица и не могли владеть собственностью; церковное имущество объявлялось народным достоянием, а здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей, отдавались постановлением властей в бесплатное пользование религиозным обществам.

28

Согласно декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» духовенство лишалось прав юридического лица. Восторгов пошел на преступление.

Тогда же привлекался к ответу и «святейший». Следственная комиссия при Московском ревтрибунале занялась самим патриархом. 3 и И июня 1918 г. служащие канцелярии патриарха получили судебные повестки для передачи Тихону. Однако на этот раз патриарху удалось уйти от ответственности.

30

К осени 1920 г. было закрыто 673 монастыря, 827 540 десятин монастырской земли перешло в руки трудового крестьянства.

31

Одним из центров, вокруг которого стали группироваться антисоциалистические силы, был Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза (Викжель), находившийся под влиянием соглашателей. В дни Октября московские викжелевцы, страшась победы пролетариата, бомбардировали Петроград паническими, провокационными сообщениями о событиях в городе.

comments

Комментарии

1

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 156.

2

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 195.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 327.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 114.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 174.

6

Большевистские военно-революционные комитеты. М., 1958, с. 317.

В одном строю. М., 1967, с. 35.

8

Быстрая и успешная борьба с контрреволюцией осложнялась некоторыми ошибками, допущенными Московским ВРК. Так, ВРК заключил договор с Комитетом общественной безопасности, согласно которому, с одной стороны, белая гвардия расформировывалась и оружие ее подлежало сдаче, а с другой — разрешалось офицерам оставить оружие, «присвоенное» соответственно их званию. Кроме того, у юнкерских училищ не отбиралось оружие, необходимое «для обучения», и освобождались пленные. Таким образом, многие контрреволюционеры остались на свободе и сохранили часть оружия.

Узнав об этом, рабочие и солдаты потребовали применить более решительные меры к врагам революции (на заседании Московского ВРК совместно с районными военно-революционными комитетами в ночь на 3 ноября представитель Рогожского района заявил, что он настаивает на аресте штаба Комитета общественной безопасности и юнкеров, его поддержал делегат Городского района, потребовав расстрела виновников кровопролития).

Московский ВРК опубликовал заявление, в котором оправдывал свон действия стремлением «ликвидировать восстание буржуазии с наименьшим количеством жертв» (Социал-демократ, 1917, 4 ноября).

Воспользовавшись свободой, многие офицеры поспешили на вокзалы для отъезда на Юг и Дон, где формировалась белая армия. Отбывали они в приподнятом настроении, надеясь, что им скоро представится возможность «поквитаться с чернью».

9

Гласные думы отказались подчиниться распоряжениям ВРК и обратились к населению Москвы с призывом не признавать пролетарскую власть. Они организовывали собрания бывших думских деятелей, на которых обсуждали способы борьбы с Советской властью и принимали резолюции о неподчинении большевикам «ни в центре, ни на местах» (Русские ведомости, 1917, 12 ноября). Но тщетны были усилия думцев. Бывший городской голова В. В. Руднев отметил, что за ними идет только часть городских служащих, а рабочие и трудовое население Москвы поддерживают Советскую власть. Несмотря на это, думцы не складывали оружия. В ответ ВРК издал постановление о применении в случае необходимости военной силы для пресечения происков деятелей старой думы.

Московский военно-революционный комитет. М., 1968, с. 48.

11

Большевистские военно-революционные комитеты, с. 296.

12

Там же, с. 370.

13

Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 15 ноября.

В первые дни после Октября в Москве существовали Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов. Отсутствие единого руководящего органа ослабляло революционную власть. К тому же исполком Совета солдатских депутатов заполонили меньшевики и эсеры. Правда, под давлением большевиков с 6 по 10 ноября 1917 г. были проведены перевыборы и большинство получили большевики (из 296 мест 202 и 8 депутатов им сочувствовали). Тем не менее вопрос о власти продолжал стоять на повестке дня. Мелкобуржуазные партии не теряли надежды снова захватить Совет в свои руки. Меньшевики, правые эсеры и другие противники революции ратовали за создание «однородного социалистического правительства» из представителей различных партий, что на деле означало падение Советской власти. Каменев и Зиновьев создали оппозиционную группу, которая заявила о своем несогласии с политикой партии и вскоре вышла из состава ЦК и правительства. В эту группу входили некоторые видные партийные деятели из Москвы, и в их числе А. Рыков и В. Ногин.

4 ноября 1917 г. на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) В. И. Ленин заклеймил дезертиров, твердо заявив, что «московские рабочие массы не пойдут за Рыковым и Ногиным» *(Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 58). Его слова оказались пророческими.

13 ноября 1917 г. собрание рабочих фабрики Арацкова и 19 ноября общее собрание рабочих и работниц Щелковской фабрики Полякова приняли резолюции о всемерной поддержке Советского правительства и его первых декретов. Подобные резолюции принимались на многих фабриках и заводах Москвы.

Весь опыт революционной борьбы убеждал в том, что отстоять завоевания Октября и приступить к социалистическому строительству большевики смогут, лишь имея значительный перевес в правительстве и советских учреждениях.

Однако некоторые руководители еще не понимали этого. Например, О. Пятницкий, Е. Игнатов и П. Кушнер в начале ноября 1917 г. на совместном заседании Московского комитета, Областного бюро и Окружного комитета партии внесли предложение об образовании в Москве «демократического» правительства из представителей всех «социалистических» партий. Оппортунистическое предложение не прошло. Против

него выступили М. Ольминский, М. Владимирский и др., отстаивавшие ленинскую точку зрения, и объединенное заседание приняло решение о сосредоточении всей полноты власти в руках Советов с преобладанием в них большевиков.

Вопрос об организационных основах новой власти в городе бурно дебатировался и в Московском ВРК. Он стоял на повестке дня заседания ВРК 3 ноября. Конструкцию нового органа власти ВРК рассматривал 4 и 5 ноября. Мнение большинства сводилось к следующему: входящие в орган власти группы безусловно признают платформу нового правительства, и прежде всего его декреты о мире, земле и рабочем контроле. Глубокой ночью 5 ноября ВРК заслушал постановление фракции большевиков Моссовета о том, что в городе будет образован орган власти из «советских фракций на основе определенной платформы» (Большевистские военно-революционные комитеты, с. 350).

Тогда же, 5 ноября, было проведено предварительное совещание большевиков, меньшевиков-объединенцев и левых эсеров, на котором участники высказались за созыв расширенного межпартийного совещания для обсуждения вопроса об организации власти. На следующий день оно состоялось.

Выступая, представитель меньшевиков В. Михалевский сделал упор на вопрос об отмене «ограничения демократических свобод» и о возобновлении деятельности распущенной городской думы (Красный архив, 1927, № 4(23), с. 122).

Правые эсеры поддержали меньшевиков. Их представитель Орлов от имени своей партии огласил заявление, в котором был протест против разгона думы, наложения запрета на контрреволюционную печать, ареста эсеров за антисоветские действия.

В ответ на эти декларации большевики А. Ломов и В. Смирнов заявили, что подобные требования удовлетворены быть не могут. Они продолжали отстаивать свою прежнюю платформу — Советы во главе с большевиками.

Левые эсеры не поддержали правых. Вскоре меньшевики и правые эсеры покинули заседание. Попытка «социалистов» навязать большевикам свои контрреволюционные взгляды потерпела провал.

7 ноября заседание исполкома Московского Совета рабочих депутатов, вопреки возражениям меньшевиков, приняло резолюцию о том, что Советы являются единственно революционными органами власти. Были также отвергнуты попытки ограничить влияние большевиков в Советах.

13 ноября 1917 г. Московский комитет партии большевиков осудил оппортунистические действия Рыкова и Ногина и

предупредил, что без публичного признания ошибочности своей позиции они не будут допущены к работе в Совете. 25 ноября общегородская конференция большевиков также выступила против их капитулянтской линии.

14

ГАМО, ф. 4619. оп. 2, д. 15, л. 27.

15

МПА, ф. 64, оп. 1, д. 3, л. 6.

16

Андропов Ю. В. Коммунистическая убежденность — великая сила строителей нового мира. М., 1977, с. 10.

17

Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области, 1918, 30 мая, 2 июня.

18

Правда, 1977, 16 февр.

19

Из истории ВЧК. 1917–1921 гг. М., 1958, с. 183.

20

Дзержинский Ф. Э. Избр. произв. 1897–1923 гг., т. I. М., 1957, с. 274.

21

История завода «Электропровод». М., 1967, с. 126.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 280.

23

Из истории ВЧК. 1917–1921 гг., с. 134–138.

Там же, с. 226, 228.

25

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 264.

См. там же, с. 535.

27

ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 378, л. 49; Особое задание. М., 1977, с. 73.

Особое задание. М., 1968, с. 58.

Поляков Ю, А. Московские трудящиеся в обороне советской столицы в 1919 г. М., 1958, с. 76, 77.

30

По просьбе Ф. Э. Дзержинского в МК партии собрались О. А. Пятницкий, В. М. Лихачев, Т. Ф. Людвииская и др. Дзержинский сообщил, что созвал их для решения очень важного вопроса: «Владимир Ильич предложил нам подготовиться к созданию в Москве подпольной организации большевиков на случай чрезвычайных обстоятельств. Вы — члены специальной комиссии, которую выделил МК. Председателем назначен товарищ Пятницкий… Мы поможем вам не только советом, но и делом…» (*Людвинская Т. Ф.* Нас ленинская партия вела… Воспоминания. М., 1976, с. 166).

Партия предприняла все для того, чтобы в случае даже временного оставления города организовать мощное сопротивление и в конечном счете разгромить врага.

Вскоре были организованы тройки и пятерки подпольщиков, созданы тайные типографии, подысканы нужные квартиры, разработаны шифры, установлены сигналы, утвержденье графики дежурств, соответствующие товарищи обзавелись различными документами.

Будущие подпольщики получили и материальные средства. Монетный двор отпечатал значительное количество царских сторублевок.

Особенно тщательно подбирались явки. Во избежание подозрений их предполагалось устроить в людных местах, например в Таганском районе — в сапожной мастерской. Во всех районах Москвы были созданы подпольные большевистские комитеты, а на крупных предприятиях — подпольные ячейки. Ф. Э. Дзержинский лично следил за работой созданной комиссии.

Только после того как противник был отброшен от столицы, необходимость в принятии подобных чрезвычайных мер отпала. Все это говорило о сложности ситуации, об умелых действиях в различной обстановке органов ВЧК, которые выполняли волю партии и являлись надежным защитником революции (там же, с. 166–168).

31

Гимпельсон Е. Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968, с. 325.

32

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 197.

Декреты Советской власти, т. I. М., 1957, с. 124.

34

ГАМО, ф. 4619, оп. 2, д. 12, л. 41.

Там же, л. 14.

Декреты Советской власти, т. I, с. 125, 126.

Островитянов К. В. Думы о прошлом. М., 1967, с. 253, 254.

38

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 282. Вскоре дело было пересмотрено и трем обвиняемым срок тюремного заключения был увеличен до 10 лет (см. там же, с. 605).

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 70.

Декреты Советской власти, т. II. 1959, с. 241, 242.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 201.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 165.

43

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1917, Ks 1, ст. 15. Подробнее о становлении советской милиции см.: *Гимпелъсон Е. Г.* Указ. соч., с. 320–323. Московский военно-революционный комитет, с. 174.

44

ГАМО, ф. 66, он. 12, д. 216, л. 44.

Там же. оп. 3, д. 841, л. 104.

Там же, ф. 4972, оп. 1, д. 5, л. 2 и об., 3.

Биленко В. Советская милиция России (1917–1920 гг.). М., 1976, с. 28.

«Правда», 1976, 47 июня.

49

ГАМО, ф. 73, он. 1, д. 6, л. 6 об.

Декреты Советской власти. т. V. М., 1971, с. 6–8.

Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. т. III. М., 1963, с. 307–309.

В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.).

В других публикациях говорится: «…принять самые срочные и беспощадные меры…» (Вечерняя Москва, 1962, 24 февр.).

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50. с. 250.

Ленин В. В. Полн. собр. соч., т. 36, с. 279–280.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 308.

Сокольники. М., 1967, с. 107.

Думцев, отказавшихся дать требуемую подписку, поддержала комиссия по выборам в Учредительное собрание (си.: Русские ведомости, 1917,18 ноября).

Для привлечения на свою сторону иностранных дипломатических представителей думцы наладили контакты с английским послом Дж. Бьюкененом, через которого распространили среди дипломатов свой пресловутый «приговор» о саботаже городских служащих. 15 ноября на своем собрании Городская дума приняла этот документ. В нем забастовка квалифицировалась как законное выполнение «служебного долга».

За власть Советов. М., 1957, с. 330.

Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 26 ноября.

61

В одном строю, с. 204.

62

ГАМО, ф. 66, оп. 3, д. 1173, л. 19.

За власть Советов, с. 327.

Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии. Документы и материалы. 1958, с. 100.

МПА, ф. 3, оп. 1, д. 46, л. 296.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 66.

Там же.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 295.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 505.

История Москвы, т. VI, кн. 1. М., 1957, с. 115.

71

Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области, 1918, 26 мая.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 412.

73

ГАМО, ф. 73, оп. 1, д. 20, л. 30 об.

Из истории ВЧК. 1917–1921 гг., с. 125.

ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 1а, д. 15, л. 5 и др.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 467.

77

ГАМО, ф. 66, оп. 3, д. 1112, л. 51.

Красная книга ВЧК, т. II. М., 1922, с. 23.

Там же, с. 25.

Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России, М., 1968, с. 138.

81

Из истории ВЧК. 1917–1921 гг., с. 97.

82

Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии, с. 121.

83

Там же, с. 122, 123.

Они встречались с Ильичем. М., 1960, с. 63, 64.

Норден А. Так делаются войны. М., 1972, с. 55.

86

Буйкис Я. Просчет Локкарта. — В кн.: Особое задание. М., 1968, с. 86.

Малъков П. Д. Записки коменданта Московского Кремля. М, 1962, с. 246.

88

Из истории ВЧК. 1917–1921 гг., с. 253.

89

Красная книга ВЧК, т. II, с. 35.

90

Из истории ВЧК. 1917–1921 гг, с. 328, 329.

Драбкина Е. Я. Черные сухари. М, 1976, с. 316.

Там же, с. 320.

93

Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.), с. 249.

Ленинский сборник XXXVII, с. 167.

Фомин Ф. Записки старого чекиста. М, 1964, а 128.

Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). М, I960, с. 175–176.

Фомин Ф. Указ, соч, с. 123, 124.

Там же. с. 124.

Дзержинский Ф. Э. Избр. произв. 1897–1923 гг, т. I, с. 283.

100

Из истории ВЧК. 1917–1921 гг, с. 405.

101

Крыленко Н. В. Судебные речи. Избранное. М, 1964, с. 62.

Ленин В. И. Полн. собр. соч, т. 39, с. 30–31.

103

ПАНО, ф. 1, оп. 27, д. 86, л. 43.

Ленин В. И. Полн. собр. соч, т. 44, с. 79.

Ленин В. И. Полн. собр. соч, т. 35, с. 54.

106

На заседании ВРК 4 ноября 1917 г. мнения о свободе выхода газет разделились. Одни утверждали, что нужно закрыть буржуазные газеты или установить строжайшую цензуру, другие выступали за их полную свободу. Г. А. Усиевич настаивал на конфискации буржуазных типографий, а М. С. Ольминский был против введения цензуры.

На вечернем заседании того же дня этот вопрос обсуждался вторично. Но повторное рассмотрение не привело к желаемым результатам. Вопрос о выходе буржуазных газет был временно снят с обсуждения. К ближайшему заседанию ВРК намечалось разработать меры борьбы с контрреволюционной прессой и обсудить вопрос о реквизиции типографий.

Судьба антисоветской печати решалась ВРК 5, 6 и 14 ноября 1917 г.

Свердлов Я. М. Избр. произв., т. II. М., 1959, с. 201.

Декреты Советской власти, т. I, с. 43.

109

Там же, с. 55.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 54.

111

Декреты Советской власти, т. I, с. 433.

112

ЦГАОР СССР, ф. 3431, оп. 1, д. 470, л. 24.

113

Социал-демократ, 1917, 7 ноября.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 144.

115

Листовки Московской организации большевиков. 1914–1925 гг. М., 1954, с. 151.

116

ГАМО, ф. 66, оп. 3, д. 958, л. 10 и об.

117

ЦГАОР СССР, ф. 3431, оп. 1, д. 411, л. 67.

118

О каком «социализме» шла речь, можно судить по руководящему составу партии: ее основателями являлись гапоновец Ф. Жилкин и октябрист Е. Березин, а председателем — бывший сотрудник московской охранки И. Глазунов. В 1920 г. VIII отделом Народного комиссариата юстиции партия была ликвидирована как антисоветская (см.: *Плаксин Р. Ю.* Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. М., 1968, с. 134, 135).

Малъков П. Д. Указ, соч., с. 127.

120

Декреты Советской власти, т. I, с. 374.

121

На основании декрета юридический отдел Моссовета предложил юридическим отделам районных Советов имущество православной церкви передать в распоряжение Моссовета, предварительно выяснив у причта и старост, каково его состояние.

Проводниками политики Моссовета на местах явились юридические отделы райсоветов, которые вскоре потребовали от церковных старост описи имущества для предоставления затем в юридический отдел Моссовета. 30 января 1918 г. Моссовет для решения вопросов, связанных с отделением церкви от государства, постановил назначить комиссара по делам исповеданий. На следующий день, 31 января, этим комиссаром назначили В. Соловьева.

Для правильного использования церковного имущества юридический отдел Моссовета в соответствии с инструкцией Народного комиссариата юстиции издал распоряжение для райсоветов о порядке его распределения, согласно которому все предметы, служащие для совершения богослужений, а также храмы, предназначенные для отправлений культа, передавались в пользование группам верующих.

Движимое и недвижимое имущество передавалось по принадлежности в соответствующие отделы или комиссариаты. Заводы и другие предприятия со всем инвентарем и товарами переходили в ведение совнархоза.

Денежные суммы и процентные бумаги шли в пользу Казначейства и Народного банка.

Таким образом, московским священнослужителям пришлось возвращать богатства, награбленное у народа. А возвращать было что. Так, по сведениям юридического отдела Сокольнического райсовета, в конце 1918 г. в церквах и богадельнях района имелись более 1,2 млн. руб. в процентных бумагах и значительные суммы наличными. По приблизительным и далеко не полным сведениям, лишь доходный дом на Большой Дмитровке приносил ежегодно прибыли 115 тыс., а Теплые торговые ряды — 105 тыс. руб. и т. д.

Можно привести много примеров противодействия контролю государства над имуществом церкви. Например, Высший церковный совет открыто пошел на неподчинение декрету СНК о передаче всех дел по страхованию от огня в Комиссариат по делам страхования и борьбе с огнем. Вместо этого он разослал указ по всем епархиям, в котором предписывал денежные суммы и переписку по делам страхования направлять в его адрес, а не в комиссариат.

123

Президиум Моссовета особым постановлением передал бывшие монастырские помещения в пользование Отдела народного просвещения. Прошедшие после этого пленумы районных Советов Москвы образовали комиссии, которые совместно с Отделом народного просвещения приступили к открытию в бывших монастырских и церковных зданиях школ, библиотек и т. д.

В богатом Спасо-Андрониковом монастыре получили жилье рабочие Рогожско-Симоновского района, Страстной занял Военный комиссариат, а в одном из кремлевских поместился рабочий кооператив «Коммунист».

В свою очередь, отдел социального обеспечения издал распоряжение, в котором предлагалось никаких богослужебных церемоний в церквах, состоящих при учреждениях, ему подведомственных, не допускать и храмы эти закрыть.

Малъков П. Д. Указ, соч., с. 128.

Вся монастырская жизнь, вопреки заверениям о скромности и уходе от мирской суеты, была подчинена стремлению к наживе. Например, деятельность Иверской и Сухаревской монастырских часовен носила типично коммерческий характер. Все было построено на том, чтобы получить как можно больше доходов с молящихся и с максимальной выгодой эксплуатировать их религиозные чувства.

126

Поклонение мощам давало церкви огромные прибыли. За девять месяцев 1919 г. доход Троице-Сергиевой лавры от служения всевозможных молебнов и продажи различных свечей, по признанию самих же церковников, составил круглую сумму — более чем 1,4 млн. руб.

О святых мощах. М., 1961, с. 47.

128

Там же, с. 49.

129

Там же, с. 52.

130

ЦГА РСФСР, ф. 353, оп. 4, д. 391, л. 6 об.

131

Там же, л. 24.

132

ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 32, л. 50.

133

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 162.

134

ГАМО, ф. 4619, oil 2, д. 12, л. 30, 31.

135

Листовка Московской организации большевиков. 1914–1925 гг., с. 153.

136

Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии, с. 102.

137

Декреты Советской власти, т. I, с. 335, 336. Подробнее см.: *Знаменский О. Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976, с. 297–346.

138

ГАМО, ф. 66, он. 12, д. 381, л. 2, 3.

139

Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии, с. 104.

Там же, с. 30.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 232.

Там же, с. 236–237.

143

Декреты Советском власти, т. II, с. 431.

Драбкина Е. Я. Указ. соч., с. 146.

145

Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии, с. 46, 47.

146

ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 18, л. 39 об.

См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 229.

148

Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии, с. 42.

Малъков П. Д. Указ, соч., 3-є изд., с. 200.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 123.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 427.

152

ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 1, л. 17.

153

Там же, л 8.

154

ГАМО, ф. 66, оп. 12, д. 393, л. 5.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 483.

156

Правда, 1918, 26 июля.

157

ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 1, д. 11, л. 36.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 496.

159

ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 235, л. 35 ж об.

Этапы большого пути. М., 1963, с. 259.

161

Знамя труда, 1918, 2 июля.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 50, с. 113.

163

Там же, с. 370.

164

Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии, с. 143.

165

Ленинский сборник XXXIV, с. 30.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 115.

167

Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сборник документов в трех томах. 1917–1936 гг., т. I. М., 1959, с. 64, 65.

168

Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии, с. 142.

169

Из истории ВЧК. 1917–1921 гг., с. 251.

170

Там же, с. 358.

Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975, с. 300.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 3, с. Ж.

173

Известия ВЦИК, 1910, 17 окт.

Контрреволюционную сущность обанкротившихся мелкобуржуазных демократов убедительно вскрыл процесс над правыми эсерами, проходивший с 8 июня по 7 августа 1922 г. в Москве» в Верховном ревтрибунале при ВЦИК. На скамье подсудимых оказались как руководители, так и некоторые их сподвижники вместе со своими «солдатами» — всего 34 человека. Среди них А. Гоц, Д. Донской, М. Гендельмаи, Л. Герштейн, М. Лихач, Н. Иванов, Е. Тимофеев, Е. Ратнер-Элькинд, Д. Раков, К. Усов, Ф. Зубков, И. Дашевский, Г. Семенов, Л. Коноплева и др.

Им было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, направленной на «свержение рабоче-крестьянской Советской власти и уничтожение революционных завоеваний рабочего класса, а именно в преступлениях, совершенных ими в качестве членов центрального комитета партии так называемых «социалистов-революционеров», а также иных организаций этой партии и членов иных партий, находившихся и действовавших в непосредственной связи с руководящими органами ПСР» (Судебные речи советских обвинителей..М., 1965, с.5, 6).

Выступившие на суде в качестве обвинителей А. В. Луначарский, М. Н. Покровский и К. Цеткин убедительно показали, что эсеровские руководители скатились и болото махровой контрреволюции. Их партия «не социалистическая и не революционная партия. Это определенная партия буржуазной реакции». По меткому сравнению А. В. Луначарского, она враждебна пролетариату, «как крыловская змея, которая «сколько пе меняет кожи, но жало у нее то же», ядовитое» (там же, с. 28, 35).

Всесторонний политический анализ классовой сущности мелкобуржуазных демократов дал в своей речи государственный обвинитель И. В. Крыленко. Он подчеркнул: этот процесс «имеет громадное значение в том смысле, что дает возможность тут же, перед лицом русских рабочих и крестьян, вскрыть преступный характер деятельности этих людей…» *(Крыленко Н. В.* Судебные речи. Избранное. 1964, с. 95)

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 15.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 358, 359.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 100.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 483.

179

Из истории ВЧК. 1917–1921 гг., с. 253.

Красная книга ВЧК, т. I. М., 1920, с. 257.

Поляков Ю. А. Указ, соч., с. 71.

Там же, с. 70–71.

183

В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.), с. 266.

Там же, с. 267.

185

Из истории ВЧК. 1917–1921, с. 326.

Ленин в воспоминаниях чекистов. М., 1970, с. 80–81.

Эти операции проходили следующим образом.

В конце октября группа комиссаров МЧК во главе с В. Н. Манцевым глубокой ночью неожиданно прибыла на квартиру, где прежде жила анархистка М. Никифорова. После обыска там оставили засаду из четырех сотрудников ЧК. Утром появился неизвестный. Его пытались задержать, но он открыл огонь и бросился бежать.

Находившийся неподалеку сотрудник МЧК И. Фридман (начальник отдела по борьбе с контрреволюцией С. А. Мессинг направил его с поручением на эту квартиру) услышал выстрелы и увидел: со стороны Арбата навстречу бежит мужчина с двумя пистолетами в руках.

Вдруг один из преследовавших его чекистов упал, сраженный пулей. Другой стал оказывать ему помощь. Воспользовавшись этим, неизвестный попытался скрыться. И. Фридман кинулся наперерез. Беглец выхватил гранату и швырнул под ноги Фридману. Однако граната не взорвалась. Анархист бросился бежать и вскоре скрылся за углом большого дома. Добежав до угла, чекист понял, что упустил неизвестного. Но ему неожиданно помог один из жителей этого дома. Он указал на будку у стены. Фридман увидел огромные болотные сапоги и ствол пистолета, направленный на него. Завязалась перестрелка; смертельно раненного бандита вытащили из укрытия, обыскали, изъяли оружие и документы и отправили в МЧК. У ворот чрезвычайной комиссии их встретил Ф. Э. Дзержинский и спросил, кто этот убитый. «Казимир Ковалевич», — ответил Фридман (Особое задание, с. 106, 107). Так бесславно закончил свой путь один из лидеров террористов. Спустя несколько часов на этой же арбатской явочной квартире были задержаны известные анархисты Цинципер и Фаня. Их поместили в комнате под охраной комиссара. Другой комиссар вышел и по телефону сообщил в МЧК, что двое чекистов задержали анархистов и требуется помощь. Услышав это, преступники решили действовать. Улучив момент, Цинципер выхватил у чекиста из-за пояса револьвер и, направив на него, приказал молчать. Затем вдвоем с Фаней они связали комиссара, засунули ему в рот наволочку. Выйдя в соседнюю комнату, анархисты проделали то же самое с другим чекистом, сорвали со стены телефон и скрылись.

Подобные промахи в работе были учтены, и по предложению Ф. Э. Дзержинского в МЧК создали специальную боевую

оперативную группу по обезвреживанию «анархистов подполья», В ее состав вошли такие опытные оперативные работники, как Н. Дроздов, А. Захаров, Н. Павлов, М. Фридман, Н. Чебурашкин, И. Фридман.

Как вспоминал член этой группы И. Фридман, другую конспиративную квартиру обнаружили в Глинищевском переулке. Теперь операция была продумана до мелочей. И это обеспечило успех.

Озираясь по сторонам, к дому подошел незнакомый мужчина и, открыв дверь, скрылся в квартире. Через несколько минут он вышел на улицу. Трое чекистов направились за ним. Миг — и он обезоружен. Его обыскали, изъяли два револьвера, две гранаты, обоймы с патронами, документы, ключи от квартиры и отправили в МЧК. Это был анархист по кличке Батя.

Чекисты проникли в квартиру, блокировали все входы и выходы. В сумерках появился новый посетитель. Ему скрутили руки и извлекли из карманов целый склад оружия: три револьвера, гранату, запасные обоймы с патронами. Арестованный оказался Цинципером, который так ловко сумел уйти в прошлый раз.

В эту ночь было задержано 11 анархистов, и в их числе опасный преступник Гречанинов, участник взрыва в МК партии большевиков.

Утром один из арестованных попросил хлеба. Чекисты взяли тарелку, стоявшую на окне, и раздали хлеб. Проходивший в это время по улице незнакомец посмотрел на окно нужной квартиры и, не увидев привычного сигнала об отсутствии опасности, бросился бежать. За ним погнались несколько сотрудников ЧК. Анархист стал стрелять, а затем через Тверскую попал в Гнездниковский переулок. Там он убил пытавшегося его задержать сотрудника уголовного розыска. Однако ему не удалось далеко уйти. К месту происшествия подъехал начальник уголовного розыска А. Трепалов и застрелил бандита. Двенадцатым преступником оказался один из главарей «анархистов подполья» П. Соболев.

Новую конспиративную квартиру обнаружили на Рязанском шоссе, где вскоре арестовали еще семь анархистов.

Ленин в воспоминаниях чекистов, с. 81, 82.

Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 82, 83.